А. А. БРАГИНА

НЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. А. БРАГИНА НЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. А. БРАГИНА

НЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Пособие для студентов и учителей

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1973

4Р
Б 87

Брагина А. А.
Б 87 Неологизмы в русском языке. Пособие для студентов и учителей. М., «Просвещение», 1973.
224 с.

В книге автор знакомит студентов-филологов и учителей-словесников с новейшими явлениями, происходящими в лексике современного русского языка, показывает их обусловленность как социальными, так и внутриязыковыми факторами. Автор вскрывает системность и преемственность в развитии словаря.

Б $\frac{0712-171}{М103(03)-73}$ 6—72 4Р

ОТ АВТОРА

В новых школьных программах по русскому языку особо подчеркивается важность развития устной и письменной речи учащихся. Достичь этого невозможно без постоянной работы над русским языком, без сознательного усвоения его словаря.

В книге сделана попытка показать лексику русского языка в ее развитии, в постоянном движении в связи с жизнью общества.

Изменение словаря — это естественное движение в языке. Новые реалии вносят в язык свои наименования. Так возникают неологизмы. Провести резкую грань между историей реалий и историей слов часто бывает трудно. Возникает проблема размежевания и взаимопроникновения истории слова и истории вещи. Мир вещей требует обновления слов, и, чтобы постичь причины словарных изменений, приходится как бы выходить за пределы самого языка, входить в историю общества, историю культуры, науки, искусства.

Обогащение словаря — один из важнейших факторов в развитии языка. Новые слова образуются:

1) средствами самого русского языка — создание новых слов из старых морфем, переосмысление старых слов и т. п.;

2) путем заимствования слов (результат международных контактов), которые обычно активно перерабатываются в языковой системе русского языка.

Из всего многообразия лексических проблем в данной книге рассматриваются лишь некоторые, связанные с новейшими явлениями в образовании слов и формировании значений. При изложении материала история вопроса затрагивается попутно, в связи с изучением тех или иных слов.

Избранная тема — новые слова и новые значения — определяет выбор материала для данного

пособия. Это в первую очередь периодическая печать, журналы, а также — художественная литература, опубликованная в последние годы.

Столь пристальное внимание к языку периодической печати объясняется тем, что она быстро отражает события каждого дня и тем самым все новые (особенно лексические) языковые явления. Газеты — самый чуткий регистратор новых образований, значений и употреблений слов и словосочетаний. Задача этой работы заключается в том, чтобы отобрать из лексики то, что вошло или входит в наш словарь, что стало достоянием литературного языка.

Роль публицистики в формировании и развитии языка уже была показана в работах Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века» и Н. Ю. Шведовой «Активные процессы в современном русском синтаксисе»[1]. И хотя первое исследование посвящено лексике XIX в., а второе — современному синтаксису, оба автора опираются на публицистику, которой принадлежит активная роль в развитии литературной речи.

Как правило, газетный материал подкрепляется в книге иллюстрациями из художественной литературы. Это делается для того, чтобы показать, насколько характерно для языка (а не только для его отдельных стилей) то или иное слово или словосочетание.

Как известно, существуют два типа неологизмов — общеязыковые и индивидуальные. В книге уделено особое внимание неологизмам первого типа. Автор стремился не просто отметить или перечислить новые слова, но и показать их значения и употребления, их функцию и стилистическую дифференциацию.

Изучение неологизмов существенно как для лексикографии, так и для культуры языка. Прежде чем вынести то или иное суждение о новом слове или его новом значении и употреблении, нужно всесторонне изучить неологизм, определить его удельный вес в речи. Это означает — установить возможности его сочетаемости, прямых и переносных употреблений, представить, насколько широко бытует новое

---

[1] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.— Л., 1965, стр. 5 и др.; Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 10 и др.

слово в разных стилях речи или, напротив, показать его стилистическую ограниченность.

В целом ряде работ, посвященных лексике русского языка, обнаруживается особый интерес к разнообразным семантическим (смысловым) процессам, к развитию словаря за последние десятилетия [1].

Обычно подчеркивают подвижность лексики сравнительно с морфологией и фонетикой языка. Но материал, анализируемый в книге, лишний раз свидетельствует о том, что и в лексике, несмотря на ее подвижность, существует постоянная преемственность явлений, которая в ряде случаев требует кратких экскурсов в историю языка. При этом автор стремился не смешивать синхронию и диахронию, учитывая, однако, что всякий синхронный ряд вырастает из диахронного [2].

Еще в 1909 г. М. Р. Фасмер в «Греко-славянских этюдах» писал: «Семасиологические изменения подчинены, подобно фонетическим, строгой закономерности, познание которой только во многих случаях осложняется одновременным действием разнообразнейших факторов» [3]. В предлагаемой

---

[1] См., например: Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964; «Развитие лексики современного русского языка». М., 1965; «Очерки по синонимике современного русского литературного языка». Л., 1966, и др.

Следует отметить широко известные статьи: В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В сб. «А. А. Шахматов». М., 1947, стр. 339—364; В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. «Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 3—29.

См. также: «Русский язык и советское общество». Тезисы докладов на расширенном заседании сектора современного литературного языка. Институт русского языка АН СССР. М., 1966; «Русский язык и советское общество». Проспект (Материалы Всесоюзной конференции, посвященной закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху). Алма-Ата, 1962; «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка» (Социолого-лингвистическое исследование). М., 1968; сб. «Актуальные проблемы культуры речи». Под ред. В. Г. Костомарова и Л. И. Скворцова. М., 1970; Н. М. Шанский. В мире слов. М., 1971; «Новые слова и значения». Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971; рецензия — Р. А. Будагов. «Новые слова и значения». «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXX, вып. 4, 1971, стр. 359—363.

[2] См.: В. М. Жирмунский. О синхронии и диахронии в языкознании. «Вопросы языкознания», 1958, № 5, стр. 43—62.

[3] М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909, стр. 236.

работе сделана попытка на основе анализа неологизмов подкрепить это важное положение, продемонстрировать сложные переплетения системных и несистемных отношений.

Лексическая система складывается из бесконечного ряда подсистем, объединяемых теми или иными признаками. Следовательно, можно говорить о макросистеме и микросистемах в лексике. В предлагаемой работе микросистемы были выделены по а) источнику и б) способу образования новых слов, значений и употреблений:

1) новые реалии, новые явления — новые слова (значения и употребления), образованные путем переосмыслений и аналогий;

2) новые реалии, новые явления — новые словосочетания (переосмысления в группе слов) и дальнейшее развитие новых значений через промежуточное звено — словосочетание;

3) новые реалии, новые явления — новые заимствования: интернационализация лексики и адаптация заимствованных слов;

4) новые реалии, новые явления — новые слова-наименования, образованные путем аббревиации и эллипсиса.

Микросистемы в лексике могут быть выделены на основе различных принципов. Прослеживая пути словообразования, возможно сгруппировать однотипные неологизмы, т. е. провести классификацию, опираясь на словообразовательную аналогию. Группировка неологизмов существенна и по семантическому признаку. Следует руководствоваться определенной сферой употребления слов, используя опыт аналогических и «идеологических» словарей.

В работе анализ материала проводится одновременно на основе обоих принципов. Прослеживаются пути образования семантически связанных слов — «космические» слова *(спутник, орбита* и др.*)*, «музыкальные неологизмы» *(шансон, шансонье* и др.*)* и т. п. Выделяются основные пути образования новых слов — аналогия, различные типы переосмыслений (контекстные, в словосочетаниях), заимствования, аббревиация.

Особое внимание уделяется функциям заимствованных слов, делается попытка оценить их не только с собственно языковой, но и с идеологической точки зрения. Раскрывая этимологию и историю слова, можно одновременно правильно понять те отрицательные явления в жизни молодежи капиталистических стран *(битник, хиппи)*, критический под-

ход к которым необходим в процессе воспитания и выработки марксистско-ленинской концепции у нашего молодого поколения.

Наблюдения над заимствованными словами позволяют продемонстрировать активность заимствующего языка. Обычно принято думать, что активен тот язык, слова которого входят в другие языки. Однако согласиться с таким мнением нет оснований. Проблема своего и чужого гораздо сложнее. Взаимодействующие развитые языки являются равными. Заимствующий язых избирает для заимствования то, что, как правило, необходимо, подсказано потребностями общества. Заимствованное слово большей частью подчиняется не только фонетической и грамматической системам языка заимствующего, но, получая место в лексической системе этого языка, как бы заново осмысляется, оценивается в новых условиях функционирования (см.: *вояж*, *хобби*). Случайные же заимствования, модные «словечки» обычно связаны с определенным временем и исчезают из языка так же, как проходит всякая мода. Они представляют интерес как слова-характеристики того или иного времени.

Принимая заимствованные слова, русский язык сам является источником, из которого другие языки черпают свои ресурсы. В последние десятилетия, например с развитием советской космонавтики, получили интернациональное распространение такие слова, как *спутник*, *лунник*, *луноход* и т. д., калькируются словосочетания типа *мягкая посадка*.

Словообразовательная связь в лексике очевидна. Это факт языка, объединяющий слова в аналогические ряды. Но и «идеологическая» классификация слов, хотя и определяется реальными отношениями внеязыковой действительности (*спутник*, *орбита*, *апогей*, *перигей*, *виток* — «космические» слова), не менее важна при изучении лексики. «Идеологическая» связь между словами составляет основу речевой деятельности, обусловливает сочетаемость, употребляемость слов, возможность их переносных и метафорических значений и употреблений. Изучение «идеологических» микросистем раскрывает степень открытости-закрытости лексической системы в целом, ее двусторонность: с одной стороны, непосредственная связь с окружающей действительностью, с другой — подчинение общеязыковым законам словообразования.

Выделенные микросистемы позволяют проследить сближение и расхождение языковых и внеязыковых факторов, выявить обусловленность языковых изменений социально-культурными «сдвигами», очертить предел возможных влияний внеязыковых явлений на язык.

Эти краткие вводные замечания показывают, с каких позиций рассматривается конкретный лексический материал. В последующих главах в ходе анализа сделана попытка уточнить, дополнить и расширить те общие положения, которые в настоящих строках представлены конспективно.

В предлагаемой книге можно получить сведения о русском языке наших дней, дополнив ими раздел «Лексика» в школьных учебниках.

Автор рад возможности выразить благодарность своим рецензентам чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударову, проф. В. Г. Костомарову, советы и критические замечания которых помогли в работе над книгой. Автор также признателен за целый ряд полезных рекомендаций чл.-кор. АПН СССР Н. М. Шанскому, канд. фил. наук. Л. И. Скворцову и канд. фил. наук В. В. Веселитскому.

ГЛАВА I

Новые явления — новые слова

1

Состояние лексики, как известно, отражает уровень развития общества. Находят яркое выражение в языке различные социальные факторы и в эпоху атома, телевидения, космоса. Все новое, что происходит в нашей жизни, запечатлевается в слове. Яркий тому пример — завоевания в космосе и растущее число «космических» слов.

Слово *космос* не только становится более употребительным, но и расширяет свою словообразовательную систему. Возникает целый ряд новых слов: *космодром*, *космонавт*, *космовидение*, которые построены по аналогии с уже существовавшими наименованиями, сходными по значению или по функции.

Проведем анализ неологизмов, подтверждающий данное положение.

Аэродром — 'естественная или искусственная площадка для стоянки, подъема и спуска летательных машин'[1]. *Космодром* — 'площадка для запуска космических аппаратов — ракет, спутников-кораблей'. *Лунодром* —'специально построенные для испытания лунных аппаратов площадки', «рельеф и грунт которых повторяли возможные препятствия, ожидающие лабораторию на поверхности Луны» («Комсомольская правда», 1971, 9 февр.).

Аэро-, *космо-*, *луно-* воспринимаются как определение к *-дром*, заимствованному из греческого языка (δρόμος —'место для бега, бег') и имеющему в русском языке давно установившееся значение 'место'; ср.: *ипподром* — 'место скачек', *велодром* — 'место велосипедных состязаний', *танкодром* — 'место стоянки танков' и уже проанализированные *аэродром* и *космодром*[2].

---

[1] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 1. М.— Л., 1948, стлб. 229.

[2] Разложимость слов всегда зависит от степени владения языком и общей культуры говорящего, но повторяющиеся одинаковые части

Аргонавт — аэронавт — космонавт. В этом словообразовательном ряду также действует закон аналогии. Казалось бы, *арго-*, *аэро-*, *космо-* можно рассматривать как различные определения к повторяющемуся во всех словах *-навт*. Но вторая часть этих сложных слов *-навт* (ср. греч. ναύτης — 'мореплаватель') в новых образованиях *аэронавт*, а позже *космонавт* как бы представляет значение первого — *аргонавт; аргонавты* — легендарные герои, отправившиеся в неизвестные страны...[1]. В существительных *аэронавт*, *космонавт* русифицированная морфема *-навт* означает 'мореплаватель, плаватель' ,но с оттенком 'первооткрыватель, плывущий или идущий неизведанными путями'. Этот оттенок значения сделал морфему *-навт* продуктивной в космической терминологии.

Космонавт — образование чисто русское. В английском языке для наименования американских космонавтов было создано слово *астронавт*, но в информациях — переводах на русский язык оно часто заменяется русским *космонавт*: «Космический корабль «Аполлон-11» приближается к Земле. Когда читатели «Известий» возьмут в руки этот номер, возможно, отважные *астронавты* — Армстронг, Олдрин и Коллинз — уже вернутся на нашу планету... Самочувствие *космонавтов* хорошее... *Космонавты* время от времени чистят кабину с помощью пылесоса... Сейчас *астронавты* заняты последними приготовлениями перед финишем» («Известия», 1969, 24 июля). *Космонавт* и *астронавт* воспринимаются как синонимы, различающиеся только национально-локальной окраской. Любопытно, что после успешных запусков лунных автоматических аппаратов у некоторых писателей и ученых промелькнуло слово *селенавт* — о первом человеке на Луне, первооткрывателе. Интересно, что для наименования обитателей Луны в литературе существовало *селенит*[2]. «Кстати, мы уже задумываемся, как

слов, как показывают наблюдения, всегда ощущаются и выделяются по аналогии. Общую часть (*-дром* > *-одром*) можно выделить как слово-морфему. См. об этом: Н. М. Шанский. Слова, рожденные Октябрем. «Русский язык в школе», 1967, № 5, стр. 93; В. Л. Воронцова. Процессы развития морфологических элементов на грани морфемы и слова. В сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 103.

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 1. М.— Л., 1948, стлб. 178.

[2] Ср., например, у К. Э. Циолковского: «...запас взрывчатого вещества равен массе ракеты $\left(\frac{M_2}{M_1} = 1\right)$, более той, которая нужна,

же назвать первого человека на Луне. *Космонавт* ведь уже не подходит. Пока остановимся на *селенавте*» («Комсомольская правда», 1966, 5 февр.).

И совсем недавно ряд слов с элементом *-навт* пополнился образованием *акванавт* — 'первооткрыватель, первый исследователь морских глубин'[1]. «Подводный дом на морской глубине... А можно ли изготовить надувное подводное жилище?.. *Акванавты* московского клуба «Дельфин» задались именно такой целью» («Вечерняя Москва», 1967, 19 авг.); «Пневматический гидростат в сложенном виде умещается в рюкзаке. Под водой он наполняется воздухом и надежно защищает *акванавтов*» («Правда», 1967, 29 авг.); «Женщины-*акванавты* начали работы под водой» («Правда», 1967, 10 сент.); «Отряд *акванавтов*-энтузиастов донецкого подводного клуба «Ихтиандр» вчера начал на черноморском побережье Крыма эксперимент длительного пребывания человека под водой» («Комсомольская правда», 1967, 30 авг.).

Сходство рабочего оснащения натолкнуло на сравнение спелеологов с космонавтами и привело к образованию экспрессивного наименования: *спелеолог — геонавт* —'открыватель тайн земли'. «За последние пять лет специальные экспедиции спелеологов — «*геонавтов*» (для путешествия под землю нужен специальный костюм и автономный кислородный прибор) обследовали также крупнейшие пещерные системы мира...» («Правда», 1968, 16 июня).

Не менее примечательно и другое словесное перемещение, произошедшее в результате развития нашей техники и науки. Разошедшиеся сейчас слова *ракетчик — космонавт* могли быть синонимами. В 30-е годы существительное *ракетчик* связывалось с космосом и космическими реактивными кораблями, о которых мечтали ученые, писатели-фантасты, кинематографисты.

чтобы камню или пушечному снаряду, пущенному «*селенитами*» с поверхности нашей Луны, удалиться от нее навсегда и сделаться спутником Земли, второй Луной...» (К. Э. Циолковский. Собр. соч., т. 2. М., 1954, стр. 83). В фантастическом романе Герберта Уэллса «Первые люди на Луне» мы также встречаемся с селенитами. (*Селенит* — от *Селена* — «богиня Луны». См. подробнее стр. 27—28, 33—34. Напомним, что есть еще термин *селенит* — название минерала.)

[1] Ср.: заимствованное слово *океанавт* (фр. *océanautes* —'исследователь глубин океана' — *подводник* — 'моряк, служащий на подводных лодках, или специалист по подводным работам' — *водолаз* — 'специалист по подводным работам'. См.: Г. И. Миськевич. *Океанавт, гидронавт, акванавт*. «Русская речь», 1968, № 2, стр. 83—85.

В 1935 г. на «Мосфильме» была снята кинокартина «Космический рейс». Научным консультантом был К. Э. Циолковский, и вот какие любопытные строки сохранились в архиве ученого: «26-го октября 1933 года в Советском Союзе на орбиту спутника Земли мощной ракетой-носителем был выведен космический корабль, пилотируемый экипажем, который впервые осуществил выход человека в космическое пространство. *Ракетчик* (так тогда называли *космонавтов*) рассказал о необычайном чувстве отсутствия тяжести...» («Литературная газета», 1965, 13 апр.).

Существительное *ракетчик* — производное от *ракета*. Слово *ракета* в значении 'потешные огни' встречается в бумагах и письмах Петра I, датированных 1696 г. Именно эта дата фигурирует в словарях и исследованиях, посвященных иностранным заимствованиям в русском языке. Так, М. Фасмер, ссылаясь на В.-А. Христиани, утверждает: «Первоначально Петр Великий, 1696 год, см. Христиани, стр. 50»[1]. Но слово и понятие *ракета*, а также прилагательное *ракетный* были известны русскому языку много раньше, так как уже в 1680 г. в Москве было основано «Ракетное заведение», положившее начало производству и освоению ракетной техники[2].

Ракета в значении 'фейерверочный, потешный огонь' в петровскую эпоху приобрела довольно широкое распространение. Такое предположение позволяет сделать текст указа, обращенного ко всему населению. Этот указ о праздновании Нового года как яркое свидетельство эпохи впоследствии был включен А. Н. Толстым в роман «Петр Первый»: «Велено было царским указом: «... считать новый год не с первого сентября, а с первого генваря сего 1700 года. И в знак того доброго начинания и нового столетия века в веселии друг друга поздравлять с новым годом... По дво-

---

[1] M. Vasmer. Russisches Etymologisches Wörterbuch, Bd. II. Heidelberg, 1955, S. 488. М. Фасмер отмечает существительное *ракета* как заимствование из итальянского языка через немецкий (или, возможно, голландский): «*Rakete (raket)* < итальянск. *rocchetto, rocca* 'веретено' (по внешнему сходству ракеты-шутихи с веретеном). W. A. Christiani. Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906, S. 50».

[2] См.: Л. Шестерикова. Даты истории отечественной авиации и воздухоплавания. М., 1953, стр. 9; М. С. Арлазоров. Константин Эдуардович Циолковский. М., 1952, стр. 66; Большая Советская Энциклопедия, изд. 2, т. 35, 1965, стр. 665.

рам палатных, воинских и купеческих людей чинить стрельбу из небольших пушек, ружей, пускать *ракеты*...»[1]

И все же впервые слово *ракета* зафиксировано только в словаре Н. Яновского в 1806 г. Составитель к существительному *ракета* делает помету — «речение артиллерийское», но в самой словарной статье описывает употребление *ракет* и как потешных огней[2]. Производных слов от *ракета* словарь не отмечает, хотя прилагательное *ракетный*, как мы уже знаем, известно с XVII в. Документы пиротехнической лаборатории А. Д. Засядко (1814) сохраняют еще одно производное слово — *ракетчик*: «Всюду, где проходит одиночный пехотинец, там пройдет и там может действовать русский *ракетчик*»[3].

Так закрепляются два «земных» значения слова *ракета* — 'потешный огонь' и 'военный снаряд' и производные слова — *ракетный* и *ракетчик*.

Впоследствии, с развитием идей воздухоплавания и космонавтики, *ракета* получает новое осмысление. Но еще К. Э. Циолковский колебался в выборе названия для новых летательных аппаратов. Так, одну из своих статей, опубликованную в 1911 г. в журнале «Вестник воздухоплавания», ученый называет: «Исследование мировых пространств реактивными приборами. Реактивный прибор «*Ракета*» К. Циолковского»[4]. Слово *ракета* выступает здесь как маркировочный, номенклатурный знак. А в 1926 г. в работе «Исследование мировых пространств» К. Э. Циолковский замечает: «Для путешествия вне атмосферы и всякой другой материальной среды на высоте 300 *км*, а также еще дальше, между планетами и солнцами, нужен специальный прибор, который мы только для краткости будем называть *р а к е т о й*»[5]. «Вот почему в моих проектах давление на «*ракету*» я принимаю в 10 раз бóльшим...»[6] В рукописях К. Циолковского слово *ракета*, хотя и нерегулярно, сопровождают кавычки как знак необычного употребления этого имени.

---

[1] Алексей Толстой. Петр Первый. М., 1947. Книга вторая, стр. 476.

[2] См.: Н. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, ч. III. СПб., 1806, стлб. 501—502.

[3] М. С. Арлазоров. Константин Эдуардович Циолковский. М., 1952, стр. 66.

[4] К. Э. Циолковский. Собр. соч., т. 2. М., 1954, стр. 143.

[5] Там же, стр. 181.

[6] Там же, стр. 143.

В 20—30-е годы слово *ракета* благодаря фантастическим рассказам, повестям, фильмам имело распространенное значение 'межпланетный аппарат', поэтому производное *ракетчик* было достаточно «космическим». Одновременно словом *ракета* стали называть все летательные аппараты, работавшие на реактивном топливе. Первая такая *ракета* была запущена 17 августа 1933 г. Ученых, занимавшихся проблемами и техникой ракетного дела, в ту пору объединяли под именем *ракетчики*: «Вечером с разных концов столицы сюда собирались те, кто работал в других организациях. Просторный подвал был для молодых *ракетчиков* и домом, и клубом, и мастерской» («РТ», 1966, №7, стр. 13).

В наши дни существительное *ракета* более «земное». Значение 'летательный аппарат с реактивным двигателем' обусловило ряд модификаций: *межконтинентальная ракета*; 'боевой снаряд, приводимый в движение силой реакции выбрасываемой струи газа', — *фугасная ракета*[1]. Эти значения существительного *ракета* обусловили новые наименования: *ракетные войска* — 'войска, вооруженные ракетным оружием', *ракетчик* — 'солдат ракетных войск или ракетостроитель'. Ср.: «*Ракетчик*... Юноша в форме лейтенанта *ракетных войск*...» («Комсомольская правда», 1967, 20 июля). Теперь слово *ракетчик* не так легко связывается с космосом. *Космонавт* оказался более выразительным, передающим не только связь с космосом, но и значение 'первый плаватель в космосе, открыватель неизведанных пространств'. Нет сомнения — вытеснение наименования *ракетчик* из «космического» обихода обусловлено движением в ряду названий летательных аппаратов. В трудах К. Э. Циолковского мы сталкиваемся с поисками нужных слов-имен: *звездный домик*[2] — *спутник*[3] — *ракета*[4] — *зве-*

---

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 12. М.— Л., 1961, стлб. 565. Ср. также название-марку речных и морских теплоходов, выявляющее еще одно техническое и бытовое осмысление слова *ракета*: «Речной флот Москвы ежегодно пополняется пассажирскими «*ракетами*»... «*Ракету*» ведет капитан...» («Вечерняя Москва», 1968, 18 июня).

[2] Б. Н. Воробьев. Научная фантастика в трудах К. Э. Циолковского. Послесловие к кн.: К. Э. Циолковский. Путь к звездам. М., 1960, стр. 338. (Автор ссылается на рукопись К. Э. Циолковского «Изменение относительно(й) тяжести на Земле», 1894.)

[3] К. Э. Циолковский. Грезы о земле и небе (1895). В кн.: К. Э. Циолковский. Путь к звездам. М., 1960, стр. 66.

[4] К. Э. Циолковский. Собр. соч., т. 2, 1954 (в частности, «Исследование мировых пространств» и другие работы).

звездолет[1] — *космический корабль*[2] — *космические ракетные поезда*[3]. На современном этапе дифференциация и точность космических наименований присуща не только научным текстам, но и публицистике и художественной литературе. Каждое название закрепляет свое особое значение, уже оправданное определенными реалиями (*спутник* — *ракета-носитель* — *космический корабль*). Некоторые же пока остаются в сфере фантастической литературы или высокой публицистики (*звездолет*, *звездолетчик*, *планетолет*, *планетолетчик*). Ср.: «*Звездолет* получает сигнал отправления... Внезапно *звездолет* издал яростный вой и погасил огни»[4]; «Здесь готовят к космическим рейсам будущих *звездолетчиков*»[5]; «... *планетолетчиков* не должны подстеречь опасности космоса» («Комсомольская правда», 1966, 15 окт.); «День в «земном *звездолете*» — название репортажа об уникальном медико-биологическом эксперименте советских ученых, во время которого трое испытателей провели год в гермообъеме, совершенно изолированные от внешнего мира» («Комсомольская правда», 1968, 4 окт.).

Еще в 1960 г., когда 15 мая стартовал первый космический корабль-спутник, остро встал вопрос о наименовании этого вида летательных аппаратов. *Звездолет? Космолет? Спутник?* — Проблема наименования очень сложна. В свое время слова *паровоз*, *пароход*, *самолет* стали символами определенного технического прогресса. *Звездолет* — *звездолетчик*, *звездоплаватель*, *космолет*—*космолетчик*, *планетолет* — *планетолетчик* «... содержали в себе как бы осуществленную возможность совершать межпланетные перелеты и даже полеты к звездам. У нас же задача была куда скромнее. Поэтому появилось название *космический корабль*» («Правда», 1968, 22 янв.). Оно и вошло в широкий обиход, хотя и не без споров и сомнений.

Выдвижение в «космической» терминологии на первый план слов *спутник*, *космический корабль* оттесняет на второй план наименование *ракета*. Такое передвижение в ряду

---

[1] К. Э. Циолковский. Собр. соч., т. 2, 1954. («Звездолет» — статья, написанная для журнала «Знание — сила», 1922, № 23—24.)

[2] Там же. («Космический корабль», рукопись 1924 г.)

[3] Там же. («Космические ракетные поезда», первая публикация — Калуга, 1929.)

[4] И. Ефремов. Туманность Андромеды. М., 1959, стр. 362.

[5] А. Голиков, И. Касьян. Перед прыжком к звездам. «Огонек», 1962, № 34, стр. 4.

наименований летательных аппаратов в связи с их усовершенствованием поддержало новообразование *космонавт* и одновременно лишило прежний термин *ракетчик* былых космических ассоциаций. Продуктивным оказывается ряд новообразований, объединенных элементом *косм-* (*космо-*): *космодром — космонавт — космический корабль*.

Интересно, что для наименования «земной» специальности — физиков, изучающих космос и космические лучи, возникает особое наименование — *космики*. Пока оно бытует в разговорном стиле речи, но уже встречается и в языке художественной литературы.

«*Космики*» — так озаглавил свою документальную повесть о жизни людей новой специальности А. В. Афиногенов. «Я ходил по взбудораженной столице (в день полета в космос Юрия Гагарина.— *А. Б.*), вглядывался в нее, вслушивался,— и вдруг сверкнула в памяти чужая строчка, так хорошо рисующая далекий домик физиков: «Опустевшие комнаты, прелесть отъезда», и подкатила волна нежности к его хозяевам — *космикам*...»[1] Суффикс *-ик* в подобных случаях привычно входит в слова, обозначающие смежные специальности: *физик*, *химик*, *математик*, *медик*. Образование специального *космик* со значением 'специалист в определенной области' закономерно и общепонятно.

Непосредственная работа в космосе, хотя и с помощью автоматических аппаратов (например, управление *луноходом*[2]), обусловила сочетание *земной космонавт* («Вечерняя Москва», 1971, 13 янв.). Язык как бы стремится, с одной стороны, объединить общее: *космонавт* — это тот, кто работает в космосе, но *космонавт* — это и тот, кто находится на земле, но ведет работу с аппаратурой, предназначенной для исследования космоса. С другой стороны — с помощью определения в общем выделено частное: *космонавт* — *земной космонавт*.

Словообразовательный ряд от слова *космос* имеет и довольно неожиданное продолжение: «*Космонята* — так зовут мальчишек и девчонок из клуба юных космонавтов...» («Неделя», 1966, 22—28 мая). Новое слово по аналогии с существительным *ребята* получает особое значение 'юные космонавты'.

---

[1] А. В. Афиногенов. Космики. М., 1965, стр. 4. Ср. также название главы «*Космик* от авиации». Там же, стр. 60—66.

[2] См. об этом подробнее стр. 38—41.

Морфемы *-навт*, *-ик*, *-(н)ята* несут более или менее обобщенные значения. Их выбор в образовании новых слов определен и всякий раз подсказан смысловой аналогией: *аргонавт — аэронавт — космонавт; физик — химик — математик — космик; ребята — космонята.*

Как видим, «космическая» терминология находится в стадии становления. Движение в «космических» рядах — образование неологизмов, новые осмысления и переосмысливания старых слов — не представляют автономного явления, а находятся в русле общенародного языка.

Изучение космоса, запуск спутников, как и следовало ожидать, отражается в семантических движениях прилагательного *космический*.

С помощью определения *космический* возникают обозначения новых понятий — *космический корабль:* «19 марта в 12 часов 02 минуты по московскому времени *космический корабль* «Восход-2» ... благополучно приземлился в районе города Перми» («Правда», 1965, 20 марта); *космические трассы:* «По первым *космическим трассам* к Луне, проложенным советскими ракетами, к ней устремились и американские ракеты» («Вечерняя Москва», 1964, 3 авг.). В этих случаях прилагательное выступает в своем обычном значении 'относящийся к космосу'.

Но вот возникают сочетания: *космический мост* («Правда», 1965, 13 дек.); *космический радиомост* («Комсомольская правда», 1966, 24 апр.); *космические телеграммы* («Известия», 1965, 29 дек.). Здесь происходит расширение значения: *космический мост — радиомост* — 'образованный с помощью спутника связи'; *космические телеграммы* — 'полученные через спутник связи'. Метафора *космический мост* образно передает значение 'радиотелефонная связь через космос'. Метафорические употребления *космический* достаточно разнообразны: «Разговор *на космическом уровне.*— Земля слушала голос космонавтов, беседующих друг с другом по радиотелефону, и трудно было удержаться от восхищения тем, кто слышал эти переговоры *на космическом уровне*» («Известия», 1962, 15 авг.).

В выражении *на космическом уровне* определение *космический* означает и 'происходящий в космосе', и 'очень высокий'. Второе, контекстное значение появляется благодаря легко возникающей соотнесенности с постоянными выражениями *на высоком уровне*, *на уровне послов* и т. п.,

а также *быть (становиться, идти* и т. п.) *в уровень, быть на уровне*[1].

Метафорическое употребление *космический* развивает оценочно-качественное значение: «Мы хорошо знаем... что победы в космосе куются в труде каждым из нас... Именно поэтому коллектив нашего участка сборки электроаппаратуры первым стал на ударную *космическую вахту*» («Правда», 1962, 16 авг.); «Затем мы видели планку, установленную на отметке 2 метра 26 сантиметров. Поистине *космическая высота*. Но 20-летний советский легкоатлет с завидной легкостью овладел с первой попытки и этим рубежом» («Правда», 1962, 24 июля); *космические килограммы* (о рекордах тяжелоатлетов; «Огонек», 1962, № 23, стр. 24—25).

Разнообразные употребления закрепляют переносное значение этого слова — 'высокого качества, быстрый, скоростной, рекордный' , а также 'отличный, лучший, самый большой'. Ср.: «Машины одна за другой подходят к Дворцу. С женихом и невестой приехали близкие родственники, друзья-космонавты с женами. — Что пожелаете своим друзьям в день их бракосочетания? — спрашиваем мы у космонавтов.— Конечно, счастья,— говорит Быковский.— *Космического*, — добавляет Титов.— Я имею в виду по величине» («Огонек», 1963, № 46, стр. 6); «В концерте выделяется патетичностью «Русская вариация». Шубарин исполняет ее уже несколько лет и не перестает совершенствовать, добиваясь все большего и большего обобщения танцевальных образов — широких, полетных, подлинно *космических*» («Советская культура», 1967, 28 марта).

Семантическое движение в значении *космический* идет не просто по пути увеличения, расширения полисемии.

Обратимся к словарям. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова отметил у прилагательного *космический* переносное значение 'громадный, колоссальных масштабов': «Это движение возросло до *космических* размеров»[2]. Словарь современного русского литературного языка никаких переносных значений не отмечает[3]. К 50-м годам нашего века это переносное значение, по-видимому, пе-

[1] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 16. М.— Л., 1964, стлб. 824.

[2] См.: Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1. М., 1934, стлб. 1483.

[3] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 5. М.— Л., 1956, стлб. 1501.

реходит в разряд употреблений. Прилагательное *космический* возвращается к однозначности. Оживление основного значения к концу тех же 50-х годов обусловливает новые возможности переносных оценочно-качественных значений.

Выход человека в космос заставил по-новому посмотреть на планету Земля, а ее обитателей воспринимать как жителей одной из планет. Именно в это время появилось на страницах газет и журналов, зазвучало в эфире слово *земляне*. Слово *землянин* прозвучало уже в первых телепередачах 13 апреля 1961 г., посвященных первому космонавту Юрию Гагарину. Приведем несколько примеров из стихов и репортажей:

«Автографы дают *земляне*... Поднимать в небо космические корабли и выращивать пшеницу. Вырывать человеческую жизнь из рук смерти и строить красивые дома. И все это чудесные автографы, которые оставляют братья-*земляне* на просторах своей планеты» («Огонек», 1962, № 34, стр. 6—8).

Спасибо вам, товарищи *земляне*,
я улетаю к звездам...

(Марк Сергеев. Поэзия. «Известия», 1963, 15 июня.)

«Всего два года прошло с тех пор, как первый *землянин* — Юрий Гагарин перешагнул порог атмосферы» («Комсомольская правда», 1963, 12 апр.); «Всякая новая встреча с природой не может пройти бесследно для искусства. Но вряд ли стоит забывать, что для нас, *землян*, «системой отсчета» остается Земля, ее уже раскрытая и еще не раскрытая красота» («Литературная газета», 1965, 13 апр.).

А ведь существительное *землянин (землянинъ*, а также *земянинъ)* принадлежало древнерусскому языку. *Землянинъ — земляне* означало 'человек — народ, имеющий и обрабатывающий землю': «Коли все *земляне* имуть давати дань оу татары» («Жалованная грамота Подольского князя Александра Кориатовича Смотрицкому монастырю», 1375); «Коли вси бояре и *земляне* будутъ городъ твердити ...» (там же); «А бояромъ Козелскимъ и *земяномъ*, и местичомъ, и всимъ Козличомъ ездити къ господару нашому Казимиру» («Присяжная запись князя Федора Воротынского королю Польскому Казимежу», 1448)[1].

---

[1] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. СПб., 1893, стлб. 975, 976—977.

В новом значении слово *землянин* еще до полета человека в космос вошло в словарь фантастической литературы, посвященной покорению космического пространства. Приведем примеры из романа И. Ефремова «Туманность Андромеды»: «Огромное плоское стеклянное здание горело в отблесках кровавого солнца. Под крышей находилось нечто вроде большого зала собраний. Там застыло в неподвижности множество существ, не похожих на *землян*, но, несомненно, людей» [1]. «Врач наблюдала за состоянием Низы после взлета и возвращения к нормальной для *землянина* силе тяжести» [2].

«Космическое» восприятие нашей планеты заставляет по-иному осмыслять земное единство народов мира: «Планета *землян*.— Пора и литературе нашей увидеть в труде геологов не только пафос открытия новых природных ценностей, но и пафос самого близкого нам, *землянам*, и полного тайн мира — внутреннего мира великой, сложной и прекрасной планеты Земля» («Литературная газета», 1965, 30 окт.); «Мы — *земляне*» — название очерка о молодых строителях Новополоцка («Огонек», 1966, № 50, стр. 16).

Возникает новое словосочетание — *патриотизм землянина*. «Что ж, не будем бояться этого слова. Да, в человеческом обществе начало нарождаться это высокое, объединяющее людей чувство. И недаром все чаще и чаще на страницах газет встречается старое, но получившее новый глубокий смысл имя — *земляне*»,— заключает свое рассуждение известный ученый, геолог Г. Поспелов («Литературная газета», 1965, 30 окт.).

В современной словообразовательной системе за продуктивным суффиксом *-анин (-янин)* закрепилось определенное значение. С помощью этого суффикса «от основ имен существительных, обозначающих город, местность, страну, редко — какое-нибудь общественное явление», образуются названия лиц по признаку, выраженному основой: *южанин*, *горожанин*, *египтянин*, *марсианин* [3].

Слово *землянин* [4] обновляется, хотя и осталось неизменным по форме, как бы заново рождается в значении 'обита-

---

[1] И. Ефремов. Туманность Андромеды. М., 1959, стр. 11.
[2] Там же, стр. 155.
[3] См.: «Грамматика русского языка», т. I. М., 1963, стр. 223—224.
[4] См. о слове *земляне*: Е. А. Земская. Как делаются слова. М., 1963, стр. 9. Автор отмечает *земляне* только как новое образование: «Так появилось слово *земляне* (ср.: *Марс — марсиане*)».

тель планеты Земля'. В данном случае сила аналогии *марсианин — землянин* обусловила второе рождение и новое осмысление этого забытого слова.

Следовательно, неологизм — это не только слово, ранее не существовавшее, родившееся вместе с новым явлением. Чаще мы наблюдаем новые осмысления старых слов, обогащение их новыми значениями *(земляне)*. Многие слова были ограничены сферой специальной терминологии. События в науке, жизни выносят их в широкий обиход *(ракета, космонавт)*. Те же новые слова, которые действительно ранее не существовали, строятся из известного языкового материала и по известному образцу-модели. В новом мы угадываем старую форму и части уже известных слов. Это помогает понять неологизм, осмыслить его и ввести в речевой обиход *(космодром, космонавт, космик, звездолетчик, планетолетчик* и т. п.).

2

Отмирание одних и рождение других слов происходит в языке незаметно. Но наблюдается и такой языковой факт, когда новое слово или новое значение уже существующего слова имеет «день рождения», связано с определенной датой.

4 октября 1957 г. Советским Союзом был произведен запуск первого искусственного спутника Земли. С этого дня слово *спутник* в значении 'искусственный спутник' становится международным и в различных транскрипциях входит в разные языки мира[1].

Новое значение *землянин*, соотносимое теперь с *марсианин*, позволяет новые аналогичные образования. Ср., например окказиональный антоним к слову *землянин*: *космиянин — космияне* («Литературная газета», 1968, 1 мая).

[1] См.: Г. Р. Почепцов. *Sputnik* в английском языке. «Иностранные языки в школе», 1959, № 6, стр. 83—89; П. Квасов. Заимствованное слово *Sputnik* в немецком языке. «Иностранные языки в школе», 1959, № 6, стр. 90; В. Тульский. Русское слово «спутник» прочно вошло в лексикон мира. «Русский язык в школе», 1958, № 2, стр. 118; В. Г. Костомаров. Слово «спутник» во всех языках мира. «Московская правда», 1958, 12 апр. См. также несколько фрагментарных замечаний в журнале «American speech», 1958, may, стр. 129, 153—154; «American speech», 1962, february, стр. 141; словари: The Thorndike-Barnhart comprehensive desk dictionary, vol. 2. Garden City. N. Y., 1958, стр. 749; Funk-Wagnalls Standard Dictionary of the English Language, International Edition. N. Y., 1958, стр. 1216; Webster's new

Словари современного русского языка регистрируют следующие значения слова *спутник*: «1. Человек, который вместе с кем-н. совершает путь. *Мои спутники в вагоне оказались очень приятными собеседниками*. 2. перен. То, что сопутствует чему-н., появляется вместе с чем-н. *Тиф — постоянный спутник голода*. 3. Небесное тело, обращающееся вокруг планеты (астр.). *Луна — спутник Земли. Спутники Юпитера*. 4. Название некоторых справочных книг, руководящих журналов и т. п. *Журнал «Спутник агитатора». Справочная книга «Спутник электротехника»* [1].

В «Лексиконе славенороссском» Памвы Берынды (1627) [2] слово *спутник* однозначно — 'товарищ в дорозе'. Но «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского свидетельствуют, что уже в XI — XIII вв. слово *спутник* имело два значения: 1) «товарищ в пути, попутчик», 2) «сопутствующий в жизни» [3]. Эти значения отмечают и различные словари XVIII в. [4]. С начала XIX в. словари, как правило, отмечают и третье значение слова *спутник*: «В астрономии. Так называется каждая из малых планет, обращающихся около главной своей планеты. *Спутники Юпитеровы, Сатурновы*». По тем же словарям можно установить, что у слова *спутник* в этом значении есть два синонима — *сателлит* и *луна* [5]. Впоследствии (XX в.) оба синонима стали

world dictionary of the American Language. N. Y., 1962, стр. 720; Webster's seventh new collegiate dictionary. Springfield, 1963, стр. 764; Petit Larousse. Paris, 1961, стр. 991.

[1] См.: Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 4. М., 1940, стр. 457—458.

[2] Памва Берында. Лексикон славенороссий и имен толкование, 1627. См. в словаре слово *съпвтникъ*.

[3] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. М., 1958, стр. 810.

[4] Э. Вейсман. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731 стр. 72, 463; Ф. Гельтергоф. Российский целлариус, или Этимологический российский лексикон. М., 1771, стр. 411; И. Нордстет. Российский с немецким и французским переводами словарь, ч. II. СПб., 1782, стр. 770.

[5] Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. IV. СПб., 1822, стр. 452; см. также: Н. М. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, ч. III. СПб., 1806, стр. 606; Ф. Рейф. Новый карманный словарь русского, французского, немецкого и английского языков, ч. I. СПб., 1845, стр. 674; Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II отделением имп. Академии наук, т. IV. СПб., 1847, стр. 209; В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1955 (перепечатка издания 1882, см. стр. 273 — *сопутный*). См. об этом также

употребляться реже. Слово *сателлит* как специальный астрономический термин суживало круг употреблений, а слово *луна* ограничивалось значением 'спутник Земли', превращаясь в имя собственное *Луна*, в наименование единичного предмета. Ср.: *солнце*, *луна*. Но ни *сателлит*, ни *луна* все же не потеряли окончательно синонимических связей со словом *спутник*[1].

В 1960 г. С. И. Ожегов в 4-м издании своего «Словаря русского языка» выделил в слове *спутник* новое значение: «Прибор, запускаемый с помощью ракетных устройств в космическое пространство и имеющий подобно небесным телам определенную орбиту. *Советские с п у т н и к и Земли*»[2]. А в вышедшем в 1961 г. IV томе «Словаря русского языка» отмечено только постоянное сочетание *искусственный спутник*[3].

В 1963 г. «Словарь современного русского литературного языка» также отметил в многозначном слове *спутник* особые употребления, см. во втором значении: «*Город-с п у т н и к.* Город, расположенный в пригородной зоне большого города и имеющий с ним непосредственные производственно-экономические и культурно-бытовые связи»; и в третьем значении: «*Искусственный с п у т н и к.* Искусственно созданное небесное тело, движущееся вокруг естественных небесных тел солнечной системы. *Запуск искусственного с п у т н и к а Земли*»[4]. Оба сочетания идут под рубриками «в образной речи», «в сравнении», «в устойчивых сочетаниях, фразеологических оборотах и т. п.».

в статьях: В. В. Веселитский. Иноязычные слова и их русские эквиваленты. В сб.: «К 70-летию В. В. Виноградова. Проблемы современной филологии». М., 1965, стр. 55—56; В. В. Веселитский. Из истории литературно-книжной лексики 20—40-х годов XVIII в. В сб.: «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 5. М., 1966, стр. 23.

[1] Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь, т. XXXI. СПб., 1900, стр. 315—316; Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, т. 37, изд. 11, стр. 361; Большая Советская Энциклопедия, изд. 2, т. 10, 1952, стр. 128: «*...у Юпитера обнаружились собственные луны—4 с п у т н и к а...*»; Малая Советская Энциклопедия, т. 8, 1960, стлб. 213: «*С а т е л л и т* (в астрономии) — редко употребляющийся термин, то же, что *с п у т н и к планеты*».

[2] С. И. Ожегов. Словарь русского языка, изд. 4. М., 1960, стр. 74.

[3] Словарь русского языка, т. IV. М., 1961, стр. 324—325.

[4] Словарь современного русского литературного языка, т. 14. М.— Л., 1963, стлб. 611—612.

Какой же словарь наиболее точно отразил новое в значении и употреблении слова *спутник*? Для ответа на этот вопрос проследим, как развивалось у слова *спутник* значение 'искусственный спутник'.

«Рождение» слова *спутник* в значении 'искусственный спутник' было обусловлено великим научным открытием. Многозначность же существительного *спутник* помогла найти наименование новому явлению: полисемантичное слово приобрело еще одно значение. До запуска спутников оно лишь намечалось. Так, научно-популярные работы К. Э. Циолковского как бы подготовили появление у слова *спутник* нового значения. В 1894 г. Циолковский ищет нужное слово, называя особое сооружение для космических полетов *звездным домиком*[1]. Но уже в 1895 г. у него употреблен термин *спутник*: «Воображаемый *спутник* Земли, вроде Луны, но произвольно близкий к нашей планете, лишь вне пределов ее атмосферы, значит, верст за 300 от земной поверхности, представит, при очень малой массе, пример среды, свободной от тяжести»[2].

Новое употребление слова *спутник* возможно как образное сравнение в художественной литературе XIX в. В романе «Братья Карамазовы» (1879—1880) Ф. М. Достоевского черт, преследующий Ивана, пускается в такое рассуждение: что сталось бы с топором, если бы он попал в пространство? «Quelle ideé! — восклицает черт,— я думаю, что будет летать вокруг земли... в виде *спутника*. Астрономы вычислят восхождение и захождение топора...»[3]

С появлением новой реалии — искусственного спутника — значение слова *спутник* как астрономического термина расширяется и используется сначала для обозначения двух понятий — *естественный, природный спутник* (спутник Юпитера, спутник Земли — Луна) и *искусственный*

---

[1] Б. Н. Воробьев. Научная фантастика в трудах К. Э. Циолковского. Послесловие к сб.: К. Э. Циолковский. Путь к звездам. М., 1960, стр. 338. Автор ссылается на рукопись Циолковского «Изменение относительно(й) тяжести на Земле». Ср. образное сравнение: «*Дом на орбите*» — об орбитальной космической станции («Неделя», 1969, № 41, стр. 12—13).

[2] К. Э. Циолковский. Грезы о земле и небе. В сб.: К. Э. Циолковский. Путь к звездам. М., 1960, стр. 66. См.: Б. Н. Воробьев. Научная фантастика в трудах К. Э. Циолковского. Послесловие к сб.: К. Э. Циолковский. Путь к звездам. М., 1960, стр. 338: «Именно здесь впервые применен этот термин...»

[3] Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 10. Братья Карамазовы. М., 1958, стр. 168.

спутник — с обязательным определением, т. е. в устойчивых словосочетаниях (см. стр. 23).

Но в дальнейшем употребление слова *спутник* в сочетании *искусственный спутник* становится настолько частым, что оно само приобретает новое значение 'искусственный спутник' и не требует более уточняющих определений. Например: «Более трехсот проектов памятника *Спутнику* было подано на конкурс, объявленный вскоре после знаменательного дня 4 октября 1957 года» («Огонек», 1961, № 39, стр. 5); «Читатель создает *спутник*, мечтает о проникновении в космос, и его мозг надо питать очень доброкачественной художественной пищей... Существует оплата художественных произведений по весу, но ведь надо понимать, что тонна *спутника* гораздо дороже тонны бекона»[1].

Конечно, новое значение слова *спутник* — 'искусственный спутник' опирается на контекст, ситуацию, но уже само словосочетание *памятник Спутнику* (или *тонна спутника*) не вызывает разночтений. Сравним еще несколько заглавий различных публикаций, взятых из газет за 1965—1966 гг.: «В космосе — советский *спутник* связи» («Правда», 1965, 25 апр.); «Разговаривать будете через *спутник* связи...» («Правда», 1965, 13 мая); «Кибернетический *спутник*» («Известия», 1965, 25 авг.); «Свидание через *спутник*» («Правда», 1966, 9 нояб.).

Слово *спутник* в значении 'искусственный спутник' получает признание в художественной прозе и в поэзии:

Вечер. Звездное небо. Сухумский вокзал.
Мой сосед, убелен сединами, мастит,
сунул палец в пространство и тихо сказал:
— Посмотрите, мне кажется, *спутник* летит[2].

Легко входит слово *спутник* в своем новом значении и в повседневную речь. Ср. рассказ одного из героев «Сибирских повестей» Владимира Чивилихина: «...я хочу еще сказать про электровозы. Машины эти добрые, ну, такие, какие надо... Но в одной только мелочи не подошли нам они — приемники стали жутко трещать... Мы боимся, главное, что когда со *спутников* начнут на телевизоры переда-

---

[1] Е. Старикова. Леонид Леонов о писательском труде. «Знамя», 1961, № 4, стр. 185, 187.

[2] А. Сурков. На Сухумском вокзале. «Огонек», 1961, № 9, стр. 24.

вать, то не будет ничего видно. А мы ждем не дождемся этого дела. Народ-то у нас больше денежный, и есть чудаки, что уже себе телевизоров понавозили,— мол, *спутники* пустят, тогда вряд ли достанешь»[1]. Насколько закрепилось новое значение слова *спутник* в разговорной речи, можно судить хотя бы по языку детей. Для поколения, родившегося в 50—60-х годах нашего столетия, значение 'искусственный спутник' у слова *спутник* стало основным и даже иногда единственным[2].

Новое значение как бы подавляет другие значения многозначного слова *спутник*, становится теперь не просто одним из многих, но центральным. Возникают новые ассоциации, сопоставления, словосочетания. «*Спутники* — предсказатели погоды» — так называется репортаж в газете («Правда», 1963, 14 авг.). И хотя поясняющее *предсказатели*, кажется, могло бы натолкнуть на значение 'спутник-человек', читатель понимает: слово *спутники* — 'искусственные спутники'. Становятся обычными, повседневными сочетания и выражения типа: *запуск спутника*, *автоматический спутник — автоматические спутники*, *парные спутники*, *управляемые спутники*, *действующие спутники*, *научные спутники*, *выход спутника на орбиту*, *спутники метеорологической службы*, *метеорологические спутники*, *наблюдения со спутника*, *летит спутник*, *летают спутники*[3].

Теперь без уточняющего определения становится неясным старое значение 'небесное тело, обращающееся вокруг планеты'. Именно в этом значении слово *спутник* требует постоянных определений. См. примеры: «Здесь была только одна станция на небольшом, лишенном атмосферы *природном спутнике*...»[4]; «К сожалению, мы еще очень многого

---

[1] В. Чивилихин. Про Клаву Иванову. Сб. «Сибирские повести». Роман-газета, 1965, № 8 (332), стр. 27.

[2] Вот, например, эпизод, связанный с детскими играми: «Из-за дома неожиданно вылетел мальчонка в серой кубанке на затылке. Он тянул за собой длинный караван санок с малышами и звонко, что было сил, кричал на бегу: — Сторонись, *спутник* мчится!» (Л. Бирчанская. Генерал молодого квартала. «Огонек», 1961, № 4, стр. 9). См. также наблюдение К. Чуковского в книге «От двух до пяти» (М., 1961, стр. 70).

[3] См.: Большая Советская Энциклопедия, изд. 2, т. 40, 1957, стр. 344—345, 345—346; «Снова русское чудо». «Литературная газета», 1964, 13 окт.; «Труженики космоса». «Правда», 1966, 3 янв.; П. Соколов. Вечернее. «Огонек», 1962, № 21, стр. 16.

[4] И. Ефремов. Туманность Андромеды. М., 1959, стр. 11.

не знаем о нашем *естественном спутнике* — Луне, хотя она и является ближайшей небесной соседкой Земли»[1].

Большая Советская Энциклопедия, напечатав статью «*Спутник Земли искусственный*», одновременно ввела для обозначения естественных спутников сочетание *спутники планет*[2], вместо существовавшего прежде наименования *спутники* с пометой «в астрономии»[3]. Необходимость дифференциации значений чувствовал К. Э. Циолковский и проводил ее, подыскивая определения и к старому значению слова: «Прибор делается *спутником Земли*, *маленькой луной*, и устойчивость его такая, как и какого-нибудь *планетного спутника*»[4].

По мере того как новое значение слова *спутник* — 'искусственный спутник' закреплялось в языке, разрушались некоторые, ранее постоянные синонимические связи его: *месяц* — *луна* — *спутник Земли*[5]. Выражение *спутник Земли* теперь не является постоянным синонимом к словам *месяц* — *луна*. Как мы видели, *спутник* в астрономической терминологии — это прежде всего 'искусственный спутник', а старое *спутник* — *Луна* уже часто требует определения. Двузначность сочетания *спутник Земли* (искусственный и естественный) лишает это выражение прежней образности: *Луна* — *спутник Земли*. Поиски нового образного сравнения приводят к воскрешению архаичного названия, к оживлению забытых синонимических связей: *Луна* — *Селена*[6]. «Пепельный свет *Селены*» — название газетного сообщения об уникальной фотографии неосвещенной стороны Луны («Известия», 1964, 2 июня); «Семь интервью в кафе «*Селена*» — телеочерк о молодежном клубе, избрав-

---

[1] Ю. Липский. Удивительный мир Луны. «Правда», 1963, 3 апр. См. также: «Глубокое зондирование Луны» (АПН). «Правда», 1964, 24 янв.; В. Луцкий. Луна вблизи. «Вечерняя Москва», 1964, 3 авг.

[2] Большая Советская Энциклопедия, изд. 2, т. 40, 1957, стр. 344—345, 345—346.

[3] Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь, т. 31. СПб., 1900, стр. 315—316; Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, изд. 11, т. 37, стр. 361.

[4] К. Э. Циолковский. За атмосферой Земли. В кн.: К. Э. Циолковский. Путь к звездам. М., 1960, стр. 327—328.

[5] См.: В. К. Фаворин. Синонимы в русском языке. Свердловск, 1953, стр. 32—33; В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1955, стр. 273.

[6] *Селена* — от греч. σελήνη — 'луна'. О Селене в мифологии см.: «Мифологический словарь». Л., 1959, стр. 173; см. также стр. 33—34

щем своим именем поэтический синоним к слову *Луна* — *Селена* («Правда», 1965, 26 апр.); «Зов *Селены*» — рассказ о будущих геологических разведках на Луне («Правда», 1966, 7 февр.); «Когда взошла *Селена...*» — репортаж о ночной Москве («Вечерняя Москва», 1966, 7 февр.); «Квадраты на *Селене* ... — Давайте совершим прогулку по двум квадратам на *Луне*, по тем ее районам, которые уже связаны с Землей... Кончается наше путешествие по одному из красивейших уголков *Селены*, как в древности называли *Луну...*» («Огонек», 1964, № 38, стр. 14).

Но забытое слово *Селена* обретает новую жизнь не только как поэтический синоним к *Луна*. Оно служит основой для новых словообразований. Ср. ряд: *аргонавт — космонавт — селенавт — селенит*[1].

Се́лена входит и в терминологические словообразования, вышедшие в последнее время из узкоспециального обихода: «Основное назначение станции — отработка систем, обеспечивающих создание искусственного спутника Луны с целью исследования окололунного космического пространства, а также отработка бортовых систем для вывода станции на *селено*центрическую (окололунную) орбиту» («Вечерняя Москва», 1966, 1 апр.).

Выход в неспециальную речь «селеновых» терминов и оживление образного названия *Луны — Селена* создают особую словесную игру — перекличку термина и метафоры. Ср.: «Вот она какая — *Селена*!.. Это лишний раз свидетельствует о правильности мнения советских геологов-*селенологов* о том, что поверхность Луны состоит в основном из горных пород» («Вечерняя Москва», 1966, 8 февр.). И все же старое сравнение *Луна — спутник* живет в языке, но возможна модификация формы сравнения: *Луна — спутница*. Ср.: «Телепередача с нашей *спутницы*» («Правда», 1969, 22 июля). Это позволяет разграничить ряд *искусственный спутник — естественный спутник = спутник — спутница*. Происходит и как бы обратное движение в семантике слов *луна — спутник*. Забытое значение *луна* — 'спутник' (у Юпитера собственные *луны* — 4 *спутника...*) пробуждается в образных употреблениях слова *луна*: «*У Луны* появилась *своя маленькая л у н а*» («Огонек», 1966, № 5, стр. 30—31, информация о запуске спутника-лунника).

---

[1] См.: Г. И. Миськевич. Селенография, селенология. «Русская речь», 1971, № 5, стр. 67—74.

Слово *спутник* теперь как бы окружено особым «космическим» ореолом, связано с выдающимися достижениями науки и техники, становится одним из символов нашей эры. Вот один пример. «*Спутник* и «Лампа Алладина» — название статьи миланского журналиста Джижи Лунари, написанной под впечатлением гастролей кукольного театра С. Образцова. Восторженная оценка русского искусства дается сквозь призму достижений в области науки, символом которых оказываются *советские спутники Земли*[1].

Под влиянием нового широко распространившегося значения *спутник* — 'искусственный спутник' расширяется и общая употребительность и сочетаемость этого многозначного слова. Возьмем ряд заглавий из газет за 1959—1962 гг.: «*Спутник* миллионов» — статья о газете «Правда» («Литературная газета», 1962, 5 мая); «Цирк-*спутник*» — народный цирк, «спутник» Московского цирка («Советская культура», 1961, 19 сент.); «Туризм — *спутник* мира» («Известия», 1961, 20 сент.); «Наши *спутники* быта» — пылесосы, холодильники и т. п. («Литературная газета», 1959, 20 окт.); «Верные *спутники*» — радио и телевидение («Советская культура», 1962, 5 мая).

Не возникают ли в русском языке затруднения в результате такого широкого употребления слова *спутник?* Может быть, некоторые значения слова *спутник* уже уходят в историю?[2] Иногда в периодической печати встречается последовательная замена существительного *спутник* в значении 'товарищ в дороге' синонимом *попутчик*. Так, например, поступают журналисты Д. Дар и А. Емельянов в своем очерке «Там, за поворотом»: «Мы выбираем *попутчика*. По опыту прошлых путешествий мы знали, что выбрать *попутчика* — это самое важное... Готовясь к новому путешествию, мы вспоминали всех наших неудачных *попутчиков*...»[3]

---

[1] Д. Лунари. Спутник и «Лампа Алладина». «Советская культура», 1961, 25 мая. См. также: О. Гончар Японские зарисовки. «Огонек», 1961, № 23, стр. 20.

[2] К. Чуковский сомневается: «Назвала ли бы теперь Вера Панова свой роман «*Спутниками*»? См. в кн.: «Живой как жизнь». М., 1962, стр. 27. Ср.: Роберт Рождественский. «*Спутник*» — поэма о советском искусственном спутнике («Советская культура», 1959, 12 февр.).

[3] Д. Дар, А. Емельянов. Там, за поворотом. «Новый мир», 1962, № 4, стр. 199.

Переносное значение *попутчик* — *попутчики* — 'лица, временно и только отчасти примыкающие к какому-либо общественно-политиче-

Любопытно, что во второй книге «Повести о жизни» К. Паустовского, опубликованной в те же годы, слова *спутник* и *попутчик* сохраняют свои синонимические отношения, не вытесняя друг друга: «Итак, мы ехали в Новый Афон с *попутчиками*»[1]. Но как только писатель говорит не о случайных дорожных спутниках, а о лицах приятных или неприятных, связанных определенными обстоятельствами, тогда определяющим словом становится *спутник*. Например: «Позади я увидел своих *спутников* по теплушке Риго-Орловской дороги»[2].

Дифференциация значений закрепляется и грамматически: *спутник* — *попутчик* имеют категорию одушевленности (совпадение винительного и родительного падежей), *спутник* — 'искусственный спутник' — категорию неодушевленности: «— Ты видела когда-нибудь *спутник*? — Нет...— *Спутники* ведь можно приспособить для нашего дела.— Как? — Пожары с них засекать»[3]. (Имеются в виду лесные пожары.)

Конечно, нельзя отрицать, что новое значение как бы бросило свой отблеск на прежние значения, но все же не вытеснило их.

Сочетание *первый советский спутник* намечает новое оценочно-качественное употребление слова. Вот один любопытный пример. Известный итальянский ученый профессор Дальотти с трибуны одного из хирургических конгрессов США назвал инструменты для сшивания сосудов и тканей, созданные в СССР, «советскими *спутниками* в хирургии. Трассы этих советских «*спутников*» пролегли по всему миру» («Спутники в хирургии». «Огонек», 1963, № 28, стр. 9). Это оценочное употребление слова в русском языке закрепляется в таких названиях, как, например, *спутник семилетки*. Такое почетное звание присваивается лучшей бригаде на заводе, лучшему классу в школе («Известия», 1961, 13 марта). Ср. также: «Новый повышенный план

скому движению' (см.: Словарь современного русского литературного языка, т. 10. М.— Л., 1960, стлб. 1339) в наше время отодвигается на задний план как историзм, связанный с предреволюционной эпохой и первыми десятилетиями Советской власти.

[1] К. Паустовский. Повесть о жизни, кн. 2. М., 1962, стр. 328; см. также стр. 408, 455, 459.

[2] Там же, стр. 94; см. также стр. 87, 88, 221.

[3] В. Чивилихин. Елки-моталки. В сб.: «Сибирские повести». Роман-газета, 1965, № 8 (332), стр. 86.

производства рабочие называют *«экономическим спутником»* («Правда», 1962, 16 авг.).

Как известно, слово *спутник* вошло в различные языки мира именно в новом значении 'искусственный спутник'. В русском языке это многозначное слово, оно имеет широкий круг употреблений, сочетаний. В языках, заимствовавших слово *спутник*, оно ограничено одним значением 'советский искусственный спутник'.

Но, отметим, слово *спутник* в заимствующих языках имеет двоякую функцию. Это, во-первых, функция номинации. С помощью заимствованного существительного *спутник* вносится дифференциация понятий: *satellite* — 'американский искусственный спутник' и *спутник* — 'советский искусственный спутник'. Во-вторых — функция характеристики или оценки: *спутник* — это первый искусственный спутник, впервые в мире запущенный в космос в СССР, символ больших научных и технических достижений. Приведем пример употребления слова *спутник* в функции характеристики в английском языке. Американский ученый И. Бар-Хиллел, оценивая возможности машинного перевода, замечает: "Few newspaper readers, who will then doubtless be confronted with a reproduction of an original page and its 'translation', will be in aposition to evaluate the quality of the translation and might therefore be persuaded to regard this feat as another *sputnik*. They will be badly deceived." — «Лишь очень немногие из тех, которые, увидев в газете страницу оригинала с ее параллельным «переводом» (а в том, что газеты воспроизведут этот «перевод», не может быть никакого сомнения), будут в состоянии оценить качество перевода, а поэтому среди широкой публики может создаться мнение, что это достижение равно по своему значению запуску нового *спутника*. Но это будет глубочайшим заблуждением» [1].

В лингвистической литературе высказывались мнения о слове *спутник* как об интернационализме, ограниченном в какой-то мере окказиональным употреблением [2]. Вероятно,

---

[1] См.: "The Times literary supplement". New York, 1962, Friday, April 20, p. 268. Русский перевод статьи И. Бар-Хиллела «Будущее машинного перевода» опубликован в журнале «Филологические науки», 1962, № 1, стр. 203—206.

[2] См.: А. С. Новый интернациональный русизм (краткие заметки). «Ученые записки филологического факультета», вып. 5. Славянский сборник. Киргизский государственный университет. Фрунзе, 1958, стр. 173.

правильнее было бы определить существительное *спутник* в функции номинации как интернациональное слово ('советский искусственный спутник'), окказионально выступающее в функции характеристики ('впервые совершаемое действие, явление, подобное запуску первого в мире советского искусственного спутника').

В зарубежной жизни слова *спутник* наблюдается чрезвычайно интересное явление в словообразовательном плане. *Спутник*, его основа *спут-* и суффикс *-ник* стали словообразующими морфемами. Так, например, в английском языке русское слово *спутник* дало целый ряд производных. С основой *sput-* (*спут-*): *sputpup* (*sput*nik+*pup*) — 'собака, летавшая на спутнике'. В этом случае основа русского слова *спутник* выступает как существительное в функции определения. Все слово *спутник* также может стать словообразующей основой: *sputnikked* —' имеющий спутник', см. в примере: "You've been *sputnikked* by Christmas toy makers?" — «Вы получили игрушку-спутник на елочном базаре?» (Дословно: «Вы *оспутничены* елочными игрушечниками?».) С суффиксом *-nik* (*-ник*): pup*nik* (*pup*+sput*nik*) — 'спутник со щенком'; pic*nik* (*pic*ture+sput*nik*) — 'изображение спутника'[1]; folk*nik* (*folk*+sput*nik*) — *фолькник*; *вьетник* — *вьетники* — «так американские «ультра» называют противников агрессии США во Вьетнаме» («Комсомольская правда», 1967, 11 янв.). Суффикс *-nik (-ник)* придает слову значение предмета или действующего лица, как и в русском языке[2].

Так складывается история многозначного слова *спутник*: расширяется круг употреблений русского слова *спутник*, его сочетаемость, стилистические возможности. Новое значение — 'искусственный спутник', по-видимому, нельзя считать только возможным употреблением в постоянном словосочетании *искусственный спутник*. Это новое значение, как показывают многочисленные примеры, закрепилось в самом слове, стало одним из его значений, ввело слово *спутник* во многие языки мира. Поэтому совершенно справедливо С. И. Ожегов в Словаре русского языка (1960 г.

---

[1] См.: «American speech», 1958, May, стр. 154; H. Küstner. Sprachliches zum Weltraumflug, «Sprachpflege», 1960, № 5, стр. 98—100; K. Hasen. Sputniks, Spätniks und Spottniks. «Sprachpflege», 1960, № 10, S. 200.

[2] О слове *фолькник* и русском суффиксе *-ник* в английском языке см.: „Русская речь", 1967, №5, стр. 106—111.

и след. издания) выделил в слове *спутник* новое значение 'искусственный спутник'.

Новое осмысление старого слова *спутник* возникло как бы через промежуточное звено — словосочетание *искусственный спутник*, что в свою очередь оживило употребление антонимичного *естественный спутник*. Потребности в языковой дифференциации создают синонимический ряд, опирающийся на грамматическую аналогию: *Луна — спутница* (не *спутник*). *Спутник* в значении 'искусственный спутник' разрушает постоянный для поэтической речи образ: *Луна — Селена — спутник*. Новое значение существительного *спутник* явилось не только фактом лексики, но, как мы видели, вторглось в сферу словообразования. Продуктивность суффикса *-ник* обусловлена широким распространением слова *спутник*, вошедшего во многие языки мира.

3

Продолжим наблюдения над лексикой, связанной с освоением космического пространства, изучением Луны.

Мы уже знаем, что терминологическое значение существительного *луна* — 'спутник планет' было обычным в прошедшую эпоху: «У Юпитера четыре *луны*»; «Девять *лун* Сатурна»[1]. Но обычно слово *луна* воспринималось как собственное имя или наименование ближайшего к Земле небесного тела, спутника Земли. В этом первом и основном значении *луна* фразеологизируется и получает особое осмысление: *(быть) под луною* — 'жить на Земле, в мире', отсюда *подлунный мир* и метафоричное значение определения *подлунный* — 'земной'. Слова *луна* и *лунный* очень часто поэтизируются. Ср. у Пушкина:

Как приведение за рощею сосновой
луна туманная взошла...

Или:

И между тем *луна* сияла
И томным светом озаряла
Татьяны бледные красы...

Древние легенды о богине луны *Селене* (от греч. σελήνη — 'луна' — 'свет, блеск; блестящая, лучистая') как бы оку-

[1] См. об этом также стр. 23.

тывают романтичной и таинственной дымкой «лунные» слова. Селена, как повествуют легенды, безнадежно влюблена в юношу Эндимиона. Но Эндимион предпочел получить от богов вечную юность ценой непробудного сна. С тех пор Селена проезжает ночью по небу на колеснице, спускается в пещеру, где спит Эндимион, и грустно любуется им. Вот откуда дымка печали, сопровождающая слова *луна — лунный (луна туманная, томный свет луны)*.

О путешествии на Луну мечтали писатели-фантасты. К Луне обращались мысли ученых. Мы знаем, что К. Э. Циолковский посвятил немало страниц Луне, написал даже приключенческую повесть «На Луне»[1].

Пришло время — и Луну облетают лунники (с 1959 г.), совершают посадку на ее поверхность (в 1959 г.), на Луне побывали люди (в 1970 г.), работают автоматические аппараты, исследующие Луну (с 1970 г.). Как же отразились все эти события на «лунных» словах?

В сообщениях об изучении нашего естественного спутника Луны говорилось о запусках *искусственных спутников Луны* — автоматических *лунных станций* — лунных аппаратов. Но параллельно формируется и другое название— *лунник*, ср.: «И каждая новая задача — сложнее предыдущей: спутники-гиганты, «*лунники*», автоматические межпланетные станции...» («Комсомольская правда», 1963, 12 апр.); «Репортаж о полете советского *лунника*... — Для того чтобы автоматическая станция достигла орбиты Луны, ей надо сообщить скорость 11 090 метров в секунду...» («Комсомольская правда», 1966, 5 февр.); «Комплекс научных и технических задач, решение которых возлагалось на отечественные *лунные аппараты*... В дальнейшем стал применяться иной способ запуска *лунных автоматических аппаратов*... А сейчас просторы космоса бороздит новый *лунник*...» («Известия», 1966, 30 авг.); «Полетами советских *лунников* открылась новая страница в изучении Луны и окололунного пространства» («Правда», 1966, 11 февр.); «Зарубежная печать о советском *луннике*» («Комсомольская правда», 1966, 27 дек.).

Конечно, формирование слова *лунник* шло под структурным влиянием модели *спутник*: *спут-ник — лун-ник*. Новое слово вслед за существительным *спутник* усваивается многими языками. Интересно, что в заимствующих языках

---

[1] К. Э. Циолковский. На Луне. М., 1893.

происходит как бы сращение и переразложение словообразующих морфем. Ср., например, немецкое *Lunik* (так назван отель в Айзенхюттенштадте, ГДР). Корневой *н* слова *лунник* сливается с суффиксальным *н*. Тем самым возникает иное структурное образование *lun*-(корень)+-*ik* (суффикс). И хотя русский суффикс -*ник* известен по другим образованиям (*spottnik*, *spätnik* и т. п.)[1], заимствованное русское слово получает в языке заимствующем более привычную грамматическую (структурную) форму: *lun-ik*.

Полеты в космос и на Луну своеобразно «подействовали» и на глаголы *приземляться* — *приземлиться* и на отглагольное существительное *приземление*. В русском языке эти слова приобрели обобщенное значение 'спуститься, спускаться, сесть' и 'посадка'. Конкретное значение, связанное с корнем *земл*-, как бы выветрилось, стерлось, чему способствовало отсутствие дифференцирующих названий для посадки на землю и на воду, как, например, во французском языке: посадка самолета на землю — *atterrissage* (от *terre* — 'земля') и посадка самолета на воду — *merrissage* (от *mer* — 'море').

С началом космических полетов возникает целый ряд глаголов, аналогичных *приземлиться* — *приземляться*. Семантически они могут быть самыми разнообразными, ср.: *приводниться* — *приводняться*, *прилуниться* — *прилуняться*, *примарситься*, *прильдиниться*, *приледниться*.

Судьба этих глаголов, их стилистическая окраска, условия возникновения различны. Глаголы *примарситься*, *прильдиниться*, *приледниться* возникают в определенных условиях по образцу продуктивной модели. Словообразовательный ряд по аналогии с глаголами *приземлиться* — *приземляться* не замкнут и может быть продолжен в зависимости от изменений условий посадки. Вместе с тем здесь существенно и стилистическое задание. Глаголы эти, как и производные существительные, имеют контекстное употребление и шутливую, подчеркнуто образную окраску. Ср.: «Прыжок с парашютом.— «*Приледнение*» на высотной отметке 6 100. Отсюда новый прыжок на сам пик — высшую точку Заалайского хребта» («Неделя», 1969, № 5, стр. 18).

Глаголы *прилуниться* — *прилуняться* и *приводниться* — *приводняться*, хотя структурно и аналогичные *приземлиться* — *приземляться*, как и *примарситься*, *прильдиниться*,

---

[1] Об этом см. подробнее стр. 32.

были вызваны к жизни иными причинами и имеют иную функцию в языке[1].

Глагол *прилуниться* нельзя назвать «несерьезным», шутливым. Он обусловлен, конечно, стремлением как можно точнее охарактеризовать новое явление. Например: «...*прилуниться*, стартуя с Земли, легче, чем *приземлиться*, стартуя с Луны» («Комсомольская правда», 1963, 12 апр.). Но употребление глагола не определяется контекстным заданием, характеристикой какого-то нового, единичного явления. Глаголы *прилуниться—прилуняться* получили общеязыковое значение и типичные лексико-грамматические категории — видовые. Благодаря категории вида глаголы *прилуниться — прилуняться* могут обозначать разные действия — как совершившиеся (совершенный вид), так и совершающиеся (несовершенный вид).

Что же касается глаголов *приводняться — приводниться*, то здесь толчком для образования нового слова послужила необходимость точной характеристики-обозначения. Дело в том, что американские спутники совершали посадку только на воду. Эту особенность американских спутников (космических кораблей) необходимо было подчеркнуть. В русском языке возникает глагол *привод-н-иться*, структурно аналогичный модели *при-земл-иться — при-лун-иться*. Новый глагол в силу характера своего значения и употребления уже получил видовую категорию: *приводниться — приводняться*. «В связи с приближением тропического шторма «Бетси» к району, первоначально намеченному для *приводнения* космического корабля после 121-го оборота, руководители полета решили осуществить посадку «Джеминай-5» после 120 витков... Американские космонавты... благополучно *приводнились* в Атлантическом океане, в 655 милях к востоку от мыса Кеннеди...» («Правда», 1965, 30 авг.)[2].

От глаголов *прилуниться — прилуняться*, *приводниться — приводняться* образуются отглагольные существитель-

[1] Здесь сделана попытка расчленить глаголы, которые в работе Е. А. Земской «Как делаются слова» (М., 1963, стр. 10—11) даны в одном плане.

[2] В английском языке этот процесс выражен иначе. Ср.: «Gemini-12» *splashed down* into a choppy sea...» — «Джеминай-12» *опустился* (*«шлепнулся»*) в неспокойное море...» («Daily Worker», 16— II —1966); «He was due to come back to a *watery landing*...» — «В ожидаемое время он вернулся назад, совершив *водное приземление* (водную посадку)...» («Daily Worker», 17— V —1966).

ные *прилунение, приводнение* (аналогично *приземлиться — приземляться — приземление*):

Звучат во всех краях планеты
Без перевода, как Москва,
Большевики, Октябрь, Советы,
Мир, спутник — русские слова.
И это слово — *прилуненье*,
Оно уже в родной семье,
В ряду тех слов, что имя *Ленин*
Призвало к жизни на Земле.

(А. Твардовский.)

Существительное *прилунение* стало обычным в газетных информациях и публикациях: «*Прилунение* было осуществлено в восточной части Океана Бурь вблизи экватора» («Правда», 1966, 11 февр.).

Следовательно, *прилуниться — прилуняться, приводниться — приводняться* и их производные не относятся к словам стилистически ограниченным, имеют общеязыковое распространение, а не контекстное употребление, подобно *примарситься, приледниться*.

Обратим внимание на следующий факт. Первый термин, связанный с изучением Луны — *лунник*, был «построен» по аналогии со словом *спутник*. *Прилунение, прилуниться — прилуняется* тоже аналогичны «земным» терминам. Но сама популяризация словообразовательной модели *прилунение, прилуняться — прилуниться* стала возможна благодаря собственно «лунному» употреблению. Отталкивание в словотворчестве — *примарситься, приледниться* — шло не от обычных нейтральных *приземление, приземляться — приземлиться*, а от «лунных» слов. Новое в изучении Луны дало толчок языковым процессам — новым аналогичным образованиям.

4

Проследим языковую историю еще нескольких «лунных» неологизмов.

В сентябре 1970 г. *лунник*-«*Луна-16*» доставил на Землю с помощью *грунтозаборного устройства лунный грунт, лунное вещество*. В широкий обиход входят сочетания

лунный грунт, *лунное вещество*, но наименование *грунтозаборное устройство* приобретает более употребительный в обиходе синоним *лунокоп*.

В ноябре 1970 г. газеты, радио и телевидение сообщили о мягкой посадке на Луну автоматической станции *«Луна-17»*, которая доставила *лунный самоходный аппарат «Луноход-1»*. Терминологическое наименование *лунный самоходный аппарат*, *управляемый с Земли*, замещается в речевом обиходе номенклатурным знаком — *луноход*.

Работа *лунокопа*, а затем *лунохода* вызывает живой интерес. 22 ноября 1970 г. состоялась радио- и телебеседа, посвященная достижениям в космосе. В эфире звучали слова *лунокоп* и *луноход*. Рассмотрим каждое из них.

Лунокоп образовано по аналогии: *землекоп*, *углекоп*. Но если *землекоп* и *углекоп* относятся к человеку и являются устаревающими профессиональными терминами [1], то *лунокоп* означает 'аппарат-автомат', заменивший человека в определенной ситуации. Словообразовательная модель старых терминов обретает новую жизнь.

Луноход входит в многочисленный «машинный» ряд — *пароход*, *теплоход*, *электроход*, *вездеход*. Прямую аналогию — 'ход по какой-то поверхности', а не способ движения (с помощью пара, тепла, электроэнергии) представляет *вездеход* [2].

Как часто бывает, новое явление, вызывающее всеобщее внимание, помимо нейтрального специально-терминологического наименования, получает еще и образные, метафорические осмысления. Вызвано это обычно двумя причинами — потребностями экспрессивного выражения и потребностями популяризации, объяснения нового через сходные, известные сравнения, образы. Внутренняя форма маркировочного знака «Луноход-1» оказалась достаточно прозрачной и соотносимой с аналогичным *вездеход*: «... в путь по лунной равнине отправился построенный людьми *вездеход*» [3]. «Вероятно, можно представить себе в будущем *луноходы*... для перевозки космонавтов, для транспортиров-

[1] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 4. М.— Л., 1955, стлб. 1197; т 16. М.— Л., 1964, стлб. 189.

[2] О словообразовательной модели *луноход* см. подробнее: Л. И. Скворцов. Луноход. «Русская речь», 1971, № 3, стр. 71—78; Н. М. Шанский. От *мимохода* до *лунохода*... «Русский язык в школе», 1971, № 2, стр. 54—57.

[3] Д. Биленкин. Путешествие по Луне. «Вокруг света», 1971, № 1, стр. 2.

ки грузов, *луноходы* с установленным на них различным оборудованием» («Правда», 1970, 18 нояб.).

По-видимому, справедливо было бы заметить, что в образовании аналогичных наименований действует обобщенная модель. Существует четыре типа (с подтипами) словообразовательной модели с элементом *-ход*: 1) *ледоход* — о действии, реже приспособлении; 2) *самоход* — о механизме и человеке; 3) *пароход* — о транспортном средстве особого устройства; 4) *снегоход* — о механизме особого назначения. Но когда образуется новое название, главным является семантическая соотнесенность понятия с основным элементом модели. Поэтому сходные по функции и назначению предметы могут носить названия, относящиеся к разным типам какой-то одной общей модели. Так, «у *лунохода* большая история. И нисходит она ко второй половине прошлого века — к странному, почти фантастическому механизму, который его создатель — великий русский математик и механик Пафнутий Львович Чебышев — назвал «*стопоходом*» («Комсомольская правда», 1970, 22 нояб.). А самоходный инопланетный аппарат будущего получил название — *шагоход*: «Работая над «*шагоходом*», ученые использовали принцип перемещения человека, который переносит свой центр тяжести обычно на опорную ногу» («Неделя», 1971, 1—7 февр., стр. 2). Юные космонавты, победители Всесоюзного конкурса «Космос», своему аппарату дали имя *ногоход*: «Наш *Ногоход* шагал по красной пустыне... увидели большую трещину. *Ногоходу* не пройти. Включили удлинитель ног. Ноги у *Ногохода* стали длинными, он перешагнул трещину...» («Неделя», 1971, 19—25 апр., стр. 20). В веселом «Фотоателье» в «Литературной газете» один читатель предложил подпись к фотографии мотофургона, потерявшего одно колесо и опирающегося на подставленные весы,— «*Весоход*», использовав тему дня — *Луноход*. Итак: *стопоход* — *луноход* — *шагоход* — *ногоход* — веселое слово *весоход*. Ряд слов скреплен элементом *-ход*, в словообразовании действовала одна модель, вызывавшая общие ассоциации с 'ходом'. Дифференцирующие же определительные элементы *стоп-*, *лун-*, *шаг-*, *ног-*, *вес* не мешают этой общей ассоциативной связи. «Чем ходит?» (*стопоход*, *ногоход*, *весоход*); «По чему ходит?» (*луноход*); «Как ходит?» (*шагоход*) — каждое название акцентирует внимание на какой-то особенности аппарата, но все они связаны общей идеей 'ход'. По этой же модели соз-

дано и общее родовое название аппаратов для передвижения на других планетах: «Луна не считается планетой только потому, что она спутник Земли, а не Солнца. Во всех других отношениях это вполне «полноценная» планета типа Меркурия. Поэтому можно сказать, что советский *луноход* означает рождение нового вида транспорта — инопланетного — *планетоходов*»[1]. «Штурманы *планетоходов*» («Правда», 1971, 19 янв.) — так назвали водителей *лунохода*.

Луноход — *планетоход* — этими существительными не исчерпываются названия лунохода. В создании названий действовала еще одна аналогия: *лунный автомобиль* —*луномобиль*: «Этот кратер был 41-й по счету, встретившийся на пути *лунного автомобиля*» («Комсомольская правда», 1971, 12 янв.); «Затем, послушный воле людей, *луномобиль* сам пришел в движение» («Вечерняя Москва», 1971, 9 февр.). Была попытка определить в названии источник энергии — *солнцемобиль*[2]. Но самым важным в аппарате оказалось воплощение идеи 'ходить по Луне' и отражение этого в названии.

Слово *луноход* стало жизненным не только для русского языка. Оно вошло во многие языки мира: английский — Moon-car *Lunokhod* — 'лунная повозка Луноход' («Morning Star», 1970, 19 November); The *Lunokhod*-1 («The Canadian Tribune», 1970, 25 November); немецкий — *Lunochod*-1 («Berliner Zeitung», 1970, 20 November); болгарский — *Луноход*-1 («Поглед», 1970, 23 ноемари); французский — Le *Lunokhod* («Le drapeau rouge», 1970, 20 November); *Lunokhod* («l'Humanité», 1970, 18 November). Чрезвычайно интересно, что, например, французская газета «Юманите» дала пояснение: «*Lunokhod* — a partir de racine du verbe marcher «khodit» — *луноход* — от корня глагола *ходить*.

Чем значительнее и ярче само новое явление, тем больше возникает экспрессивных— постоянных и окказиональных— наименований. Так, *луноход* называли: *автоматический селенолог*, *лунный робот* (радиопередача, 1970, 13 дек.); *космические автоматы-геологи* («Огонек», 1970, № 47); *автоматический исследователь* («Правда», 1970, 18 дек.); *первый советский автоматический самоходный лунный разведчик* («Правда», 1970, 18 нояб.); *первая передвижная лаборатория на Луне* («Правда», 1971, 9 февр.); *лунная колес-*

---

[1] Д. Биленкин. Путешествие по Луне. «Вокруг света», 1971, № 1, стр. 2.

[2] Там же, стр. 3.

ница («Комсомольская правда», 1970, 18 нояб.); *космическая колесница* («Известия», 1971, 11 янв.).

Аналогичное явление двойного ряда наименований — специального, нейтрального и экспрессивного — наблюдалось и в английском языке (и в переводах на русский язык) в названиях управляемого человеком, движущегося в лунных условиях аппарата: *лунный вездеход* («Известия», 1971, 17 июля); *двухместный вездеход* («Вечерняя Москва», 1971, 9 авг.); *вездеход* («Комсомольская правда», 1971, 10 авг.); *лунобиль* («Известия», 1971, 31 июля); *луноход* («Комсомольская правда», 1971, 7 авг.); *электрокар* — 'электроповозка' («За рубежом», 1971, № 32, стр. 28); «*Тележка*, или «*лунный скиталец*», как ее нарекли космонавты...» («Литературная газета», 1971, 11 авг.).

Экспрессивный ряд, как видим, может включать и сниженные, и возвышенные наименования, соответствующие определенной ситуации и характеру говорящего: «*Луноход* — лаборатория научная, а не «*тележка*», которая лишь бегает по Луне...» («Комсомольская правда», 1971, 12 янв.).

Изучение Луны и работа лунохода своеобразно отразились в таком «земном» сочетании, как *лунная ночь*. *Лунная ночь* — это ясная, освещенная лунным светом ночь. В этом значении *лунная ночь* не может иметь соотносительного выражения *лунный день*: днем светит солнце, а не луна — ночное светило. Но в «лунной» терминологии существует антонимичная пара *лунный день* — *лунная ночь* со своим «лунным» значением: 14 земных суток — день, столько же — ночь. «В период *лунной ночи* с 21 января по 6 февраля «Луноход-1» находился в кратере...» («Известия», 1971, 8 февр.); «К тому же луноход стал «шустрее» — за пятый рабочий день он прошел 2004 метра, больше, чем в предыдущие *лунные дни*» («Комсомольская правда», 1971, 23 марта); «Близится *лунный полдень*» («Правда», 1971, 11 февр.).

Если в «земном» употреблении прилагательное *лунный* имеет качественное значение, то в «лунном» осмыслении оно относительное. В сочетании *лунная ночь* для определения *лунный* совершается как бы обратный ход от качественного значения к выражению отношения определенного периода времени — ночи на Луне[1]. Приобретает широкое

[1] Обычный путь — переход относительных прилагательных в качественные. Ср.: *золотое кольцо* — *золотые волосы*; *железная руда* — *железная воля* и т. п.

обращение и специальное *лунный день*, происходит и дальнейшее переосмысление и перенесение «земных» сочетаний в «лунный обиход»; *лунный полдень* — 'середина лунного дня'. Но интересно, что в ряду выражений, с помощью определений перенесенных в «лунную сферу обращения» — *лунный грунт*, *лунный кратер*, *лунные горы*, *лунная пыль*, слово *камень* — *камни* не имеет «лунного» определения: «Впервые непосредственно... наблюдались *лунные горы*... Ученые внимательно исследовали изображения *камней*» («Правда», 1971, 9 янв.). Вероятно, дело здесь в том, что существует «земной» термин — *лунный камень*, определенный вид полевого шпата. «...Обычно сплошной загадочный лунный свет заливал весь камень, и шел этот свет откуда-то из глубины камня,— ну так, как горит синим светом Черное море в осенние вечера»[1], — так описал *лунный камень* — полевой шпат — А. Е. Ферсман, этот очень красивый полупрозрачный камень с зеленоватым или синевато-голубым отливом.

Вот какие ассоциации может вызвать определение *лунный* в сочетании со словом *камень*. Именно «земная» фразеологическая скованность сочетания *лунный камень* препятствует иным осмыслениям. Новое «лунное» значение существительного *камень* определяется общим контекстом. Но когда с помощью автоматического устройства «Луна-20» были доставлены образцы лунных пород из труднодоступных горных районов Луны, сочетание *лунный камень*, связанное уже со значением 'дорогой, красивый камень', как образное метафоричное имя дается действительно драгоценному лунному грузу: «Здравствуй, *лунный камень*» (название научно-популярного фильма); «*Лунный камень*» — название рассказа-информации профессора Ю. Суркова. Кстати, в самом тексте образное *лунный камень* заменено *лунные породы*, *лунное вещество* («Вечерняя Москва», 1972, 1 марта).

Столкновение образного, метафоричного и прямого значений, различные семантические перемещения в период новых открытий и поисков новых выражений дают много интересных материалов в лингвистическом и социально-историческом планах. Мы уже знаем историю перехода относительного прилагательного *лунный* (*лунная орбита*) в качественное (*лунная ночь*) и вновь в относительное

---

[1] А. Е. Ферсман. Воспоминания о камне. М., 1946, стр. 42.

(*лунный день* на Луне). Теперь добавим еще и употребление термина *лунный камень* в несвойственной вообще термину функции выразительности — *лунный камень* как образ г о р н ы х, не равнинных лунных пород.

Следует отметить, что «лунная» терминология в значительной степени условна: цепи гор, долины, моря, заливы, болота выделялись на Луне совсем по иным, чем на Земле, признакам. Только на основе большей или меньшей освещенности — более темные или более светлые пятна — выделялись так называемые моря, горы и т. п. На условность этих лунных наименований обращает внимание само построение собственных лунных имен: обозначение объекта (море, горы) входит в само название, что подчеркивается особым написанием — с прописной буквы[1]: «Близится к завершению девятый месяц работы советского лунохода в *Море Дождей*» («Известия», 1971, 9 авг.). Но чем больше в печати появляется информации о Луне, тем чаще случаи формального выравнивания правописания лунных названий по «земным» образцам. Ср. только что процитированную информацию, но напечатанную в другой газете: «...девятый месяц работы советского лунохода в *море Дождей*» («Правда», 1971, 10 авг.).

Научное открытие Луны приводит к разрушению некоторых бытовавших ранее представлений, а вместе с ними к разрушению некоторых образов и к переходу ряда слов в разряд курьезных историзмов. Теперь мы знаем, что поверхность Луны не столь пыльная, как полагали: «Словом, сзади лунохода пыль столбом не стоит» («Правда», 1971, 9 янв.). И меркнет сложившийся образ *пыльных тропинок*, распространившийся благодаря популярной песне («На *пыльных тропинках* далеких планет...»). Уходят в историю фантастики слова, подобные *пылеходам* и *пылекатам*[2].

Проанализируем еще одно языковое явление. XVIII век знал ряд тождественных синонимов: *луна — спутник — ночная лампада (светильник) — Селена*[3]. В наш век сино-

---

[1] См. об этом подробнее: Г. И. Ахманова, И. А. Данчинова. О структуре лунной топонимии. «Вестник Московского университета», 1971, № 4, стр. 63—66.

[2] См., в частности, «Лунную пыль» Артура Кларка.

[3] См.: В. К. Фаворин. Синонимы в русском языке. Свердловск, 1953, стр. 16. Ср.: В. В. Веселитский. Ученая лексика в произведениях А. Д. Кантемира. В сб.: «Лексикология и лексикография». М., «Наука», 1972, стр. 122—123.

нимические отношения осложняются ожившей полисемией слова *луна* — 'спутник Земли' и 'спутник планет вообще' и сформировавшейся новой — 'спутник естественный' и 'спутник искусственный'. Образное же *Селена* (мифологическая богиня Луны) становится удобным, уже в какой-то степени терминологизующимся, теряющим образность, однозначным именем естественного спутника Земли. Ср.: «...у Луны появилась своя маленькая *луна*» (о «луннике», облетевшем Луну. «Огонек», 1966, № 5, стр. 30—31); «Миф о марсианских *лунах*» («Комсомольская правда», 1972, 4 марта); «...больше узнать об общих закономерностях распространения химических элементов на *Селене*» («Вечерняя Москва», 1972, 1 марта). Как видим, живое функционирование синонимов обусловлено актуальной дифференциацией значений и потребностями экспрессивного выражения.

Анализируя новые «лунные» слова, новые «лу́нные» осмысления слов, мы стремились показать, к а к, к а к и м о б р а з о м научные завоевания отражаются в языке, как продвигаются в общенародный, разговорный язык специальные, научные термины, как возникают экспрессивные наименования и каковы взаимоотношения между этими, казалось бы, удаленными друг от друга уровнями языка: специальным, научным—нейтральным ,разговорным — экспрессивным, образным (ср.: *луна — Луна — Селена —спутник — лунная ночь — лунный камень*).

5

В языке наблюдается чрезвычайно интересное явление — назвать, выразить в слове все то, что не только родилось, но и то, что еще рождается или зарождается: своеобразный поиск имени, «заготовки» для будущего.

О том, как назвать движение в космосе, задумывался еще К. Э. Циолковский, стремясь дифференцировать это совсем особое явление: «*Звездоплавание* нельзя и сравнивать с *летанием* в воздухе. Последнее — игрушка в сравнении с первым»[1]. В 1930 г. К. Э. Циолковский издает брошюру «Звезд*оплавателям*». Но и «космическое» употребление глагола *летать* и его производных обычно в трудах К. Э. Ци-

[1] К. Э. Циолковский. Космические ракетные поезда (1929). Собр. соч., т. 2. М., 1954, стр. 299.

олковского, ср.: «звездо*лет*»[1], «заатмосферное *летание*»[2]. Происходило функциональное расширение полисемии глагола *лететь* — *летать*, выделение нового значения с помощью определений (*звездо-*, *заатмосферное*).

После первого выхода человека в космос во многих странах задумались над тем, как назвать движение человека в космосе — *плавать*, *ходить*, *двигаться*.

Польская газета «Экспресс вечорни» провела конкурс среди своих читателей и читателей «Вечерней Москвы», предложив изобрести новый глагол. Одним из них был глагол *леонить*, в честь Алексея Леонова, первого космонавта, вышедшего из космического корабля в космос («Вечерняя Москва», 1965, 3 апр.; 1965, 10 апр.; 1965, 12 апр.). Были предложены неологизмы, построенные по аналогии с различными русскими глаголами: *траекторить*, *спутничать*, *космировать*, *космосовать*, *невесомиться*. Часть читателей предлагала расширить значение старых русских глаголов: «*витать*, *парить*, *носиться*, которые можно ввести в космический словарь, так же как слова *спутник* и *корабль*» («Вечерняя Москва», 1965, 10 апр.)[3].

Пока описания действий космонавтов ограничиваются привычными глаголами движений и глагольными сочетаниями, хотя отчетливо ощущается определенная условность таких наименований: «Я *начал перемещаться*, *пошел* в район стыковочного узла... Хочу уточнить понятие *пошел*. У нас, живущих на Земле, понятие перехода, перемещения связано, как правило, с ходьбой. В условиях невесомости идти по поверхности корабля в обычном смысле слова нельзя — нет опоры под ногами, нет силы, прижимающей человека к поверхности. Еще на Земле, на тренировках мы нашли, что *перемещаться в космосе*, «*переходить*» по кораблю из одного места в другое лучше всего на руках, используя жесткие поручни для опоры. Так, перехватывая поручни, я *подошел* к кинокамере» (космонавт Хрунов. «Комсомольская правда», 1969, 25 янв.); «два космонавта *передвигались* по лунной почве» («Правда», 1969, 22 июля). Новое

---

[1] См.: К. Э. Циолковский. Звездолет. Собр. соч., т. 2. М., 1954.

[2] См.: К. Э. Циолковский. Космические ракетные поезда (1929). Собр. соч., т. 2. М., 1954, стр. 298.

[3] Ср. польские глаголы *leonować* и *orbitować*. См.: Н. Иванова-Перчинская. Вопросы культуры речи в Польской Народной Республике. В сб.: «Вопросы культуры речи», вып. VII. М., 1966, стр. 224.

явление — движение в космосе, в условиях невесомости — постигается через слово-описание. Глаголы с наименее конкретным значением (*начал двигаться, перемещаться*) или ассоциативно связанные с широким кругом конкретных представлений (*идти, ходить — медленно, на руках, вверх, вниз, плавно* и т. п.) в настоящий момент несут больше информации, более коммуникативны, чем предлагаемые новые, ограниченные одной ассоциацией (*траекторить* — 'идти по траектории', *спутничать* — 'идти по орбите спутника') или стилистически окрашенные устарелые (*витать*).

Как оценить такую речевую деятельность? Стоит ли фиксировать случайные (окказиональные) неологизмы? Словотворчество отражает движение мысли, восприятие народом — носителем языка тех или иных явлений в жизни, научных открытий.

Прежде чем появилось общепринятое теперь значение слова *спутник* — 'искусственный спутник', было окказиональное употребление в этом значении сочетания *звездный домик* (у К. Э. Циолковского), слова *спутник* (у Ф. М. Достоевского, К. Э. Циолковского), сочетания *дом на орбите* и т. п. *Ракете* в общепринятом теперь значении предшествовало сочетание *реактивный прибор «Ракета»*.

Когда возникла потребность наименования реально существующего предмета, язык как бы выбрал то, что наиболее точно отражало идею нового.

Как будет названо в будущем движение в космосе? Предсказать неологизм нельзя, но для его появления уже подготовлена почва.

6

Первые полеты искусственных спутников, кораблей-спутников выносят на страницы широкой печати слова-термины, обычно имевшие ограниченный круг употребления: «По предварительным данным, период обращения корабля-спутника вокруг Земли составляет 89,1 минуты; минимальное удаление от поверхности Земли (в *перигее*) равно 175 километрам, а максимальное расстояние (в *апогее*) составляет 302 километра...» («Вечерняя Москва», 1961, 12 апр.).

Обратим внимание на выделенные слова *перигей* и *апогей*. Они помещены в скобках. Это термины, требующие пояснений: минимальное удаление от Земли — *перигей*,

максимальное — *апогей*. Постепенно «космическая» терминология входит в жизнь. Вот одна из публикаций 1965 г.— сообщение о работе спутника связи «Молния-1»:«По данным вычислительного центра, спутник выведен на орбиту с *апогеем* 30 380 километров в северном полушарии и *перигеем* 497 километров в южном полушарии» («Комсомольская правда», 1965, 24 апр.). Термины *апогей* и *перигей* уже более не требуют непременных пояснений и не выделяются особо.

Слова *апогей* и *перигей* впервые были зарегистрированы русскими словарями в начале XIX в. как астрономические термины[1]. Оба слова греческого происхождения (*апогей* < ἀπόγειος — 'от+земля'; *перигей* < περίγειος — 'вокруг+земля').

Перигей сохраняет специальное значение. Словари второй половины XX в. отмечают только одно значение — 'ближайшая к Земле точка орбиты Луны'[2].

Апогей, в 30—40-е годы XIX в. имевший форму женского рода *апогея*, уже в это время приобретает переносное значение. Академический словарь 1847 г. отмечает все же только терминологическое значение: «*Астр*. Точка лунного пути, наиболее удаленная от центра земли»[3]. Но в словаре Толля (1863—1864) уже регистрируется переносное значение: «В переносн. смысле зн. высшую степень могущества»[4]. Исследователь лексики XIX в. Ю. С. Сорокин установил, что выражения *быть в своей апогее* (устар.), *довести до апогея*, *достичь апогея* являются ходовой книжной фразеологией, встречаются у Пушкина, Гоголя. Ю. С. Сорокин высказывает предположение: «Вероятнее всего непосредственное заимствование фразеологического оборота из французского языка. Случаи образного определения и подчеркнутой связи с терминологическим исходным значением редки и индивидуальны. Ср. у Герцена название главы в ч. VII «Былого и дум», характеризующей подъем и спад де-

---

[1] См.: Н. М. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, ч. I. СПб., 1803, стлб. 178. По данным картотеки Среднерусского словаря, впервые встречается в «Письмовнике» Курганова, 1790 г. (см.: Этимологический словарь русского языка, т. 1, вып. I. Изд-во МГУ, 1963, стр. 126).

[2] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 9. М.— Л., 1959, стлб. 1024; Словарь русского языка, т. 3. М., 1959, стр. 150.

[3] Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II отделением имп. Академии наук, т. I. СПб., 1847, стр. 10.

[4] Ф. Толль. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания, т. I. СПб., 1863, стр. 134.

ятельности русской типографии в Лондоне: «*Апогей и перигей*»[1].

Словари второй половины XIX в., а затем XX в. отмечают два значения у слова *апогей*, но одни на первое место выдвигают прямое терминологическое, другие — переносное.

В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля в первом издании 1863 г. зафиксировано только терминологическое значение слова *апогей*[2], но в последующих изданиях исследователь поясняет *апогей* так: «высшая степень славы, блеска, силы, значения; самое цветущее состояние, верх, вершина, максимум». Для специального астрономического значения В. И. Даль делает отсылку: «см. *абсида*». В словарной статье к слову *абсида* дано подробное специальное толкование: «*Астр*. Две конечные точки орбиты, большой оси пути планеты; точки ближайшего и дальнейшего расстояния ее от солнца; первая *перигелий*, вторая *афелий*, а в лунном пути *перигей* и *апогей*»[3].

В Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, в Словаре русского языка С. И. Ожегова (во всех девяти изданиях),в 4-томном Словаре русского языка *апогей* отмечается как слово двузначное: «1) *Астр*. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 2) *Перен*. Высшая ступень, наивысший расцвет чего-л. *В апогее славы*»[4].

Словарь современного русского литературного языка в словарной статье к слову *апогей* первым значением отмечает переносное: «1. Высшая точка развития чего-либо, вершина, расцвет. *Доводить, доходить и т. п. до апогея, достичь апогея...*» Вторым отмечается специальное терминологическое значение: «2. *Астрон*. Точка лунной орбиты, наиболее отдаленная от центра Земли (противополагается *перигею*)»[5].

---

[1] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.— Л., 1965, стр. 371.

[2] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, ч. I. М., 1863, стр. 17.

[3] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т I. М., 1955 (перепеч. 2-го издания 1880—1882 гг.), стр. 19 и 5.

[4] Словарь русского языка, т. I. М., 1957, стр. 36; см. также: Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1. М., 1934, стлб. 49; С. И. Ожегов. Словарь русского языка, изд. 9. М., 1972, стр. 29.

[5] Словарь современного русского литературного языка, т. 1. М.— Л., 1948, стлб. 164—165.

Колебания в порядке значений (специального и переносного) в словарных статьях разных словарей подкрепляет предположение Ю. С. Сорокина о заимствовании переносного значения *апогей* из французского языка. Толчком к формированию переносного значения в XIX в. была не столько детерминация специального *апогей*, сколько заимствование и калькирование французских фразеологизмов[1].

Отметим, что переносное значение *апогей*, хотя и было известно литературному языку и зафиксировано словарями, в народной речи не имело распространения.

Вспомним стихотворение В. В. Маяковского «О «фиасках», «*апогеях*» и других неведомых вещах», написанное в феврале 1923 г. Поэт рассказывает, как была понята группой красноармейцев строка из газетного сообщения о французском наступлении в Руре: «*Дошли до своего апогея*». Ищут на карте город, село, деревушку... Нет никакого *Апогея*. Тогда, посовещавшись, решили:

— Сказано: до *своего* дошли.
Ведь не до *чужого*?!..
Будь он селом или градом,
своего «*апогея*» никому не отдадим,
а чужих «*апогеев*» — нам не надо.

Маяковский заключает, что слово, подобное *апогей*, «годится для иностранного словаря, газете — не гоже»[2]. Но замечания Маяковского относятся к уже прошедшей эпохе.

Во второй половине XX в. происходит определенное движение в развитии как специального, так и переносного значений слова *апогей*. Выход искусственного спутника в космос обусловил семантические изменения целого ряда слов. *Апогей* и *перигей* расширяют свои значения. Оба они как астрономические термины связаны теперь с движением любых спутников Земли — и естественного, и искусственных.

Расширение значения слов *апогей* и *перигей*, их выход из круга научной литературы на страницы широкой печати,

---

[1] Во французском языке, например, сочетание *апогей славы* (l'apogée de la gloire) встречается уже в XVII в., в частности у Геза де Бальзака. См.: P. Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, v. I. Paris, 1957, p. 179.

[2] В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. 4. М., 1957, стр. 64—66.

в радио- и телевещание оживляют переносные значения. Если в XIX в., во времена Герцена, образное употребление, подчеркнутая связь с терминологическим специальным значением слов *апогей* и *перигей* были редки и индивидуальны, то в современную эпоху этот образ уже не может более характеризовать язык отдельного писателя. Он стал характеристикой эпохи спутников и космоса. «Это только *перигей*!» — так названа газетная информация о работе студенческого кружка на кафедре судостроения Горьковского политехнического института. Новому катеру студенты дали имя «*Перигей*»: «— Это чтобы не зазнаваться... До *апогея* нам еще далеко» («Комсомольская правда», 1966, 6 мая).

Заметим одно чрезвычайно интересное явление, также связанное с запусками спутников. У Герцена *апогей* и *перигей* символизируют подъем и спад, а в современном языке образные значения слов *апогей* и *перигей* — две ступени в развитии, в достижении цели. *Апогей* — высшая, *перигей* — одна из первых ступеней, один из первых рубежей, этапов в поступательном развитии.

Полеты спутников обусловили популяризацию терминов *апогей* и *перигей*. Оба термина, получив широкое распространение, легко допускают образное толкование на основе исходных специальных значений. При этом «отблеск» космических достижений затрудняет осмысление слова *перигей* в отрицательном плане, в значении ‘спад, упадок’.

7

В одном смысловом ряду со словами *апогей*, *перигей* стоит и слово *виток*. Проанализируем его значение и употребление, возникшее за последние годы.

Толковые словари так определяют значение существительного *виток*: «Один оборот винтовой спиральной линии; завиток... То, что свито спиралью...»[1].

Спутники и корабли-спутники совершали облет земного шара: «...после *облета* земного шара, в соответствии с за-

---

[1] Словарь русского языка, т. I. М., 1957, стр. 226; см. также: С. И. Ожегов. Словарь русского языка, изд. 4. М., 1964, стр. 80; Словарь современного русского литературного языка, т. 2. М.— Л., 1951, стлб. 400.

данной программой, была включена тормозная двигательная установка...» («Вечерняя Москва», 1961, 12 апр.). Второй после Юрия Гагарина космонавт — Герман Титов «*облетел* более 17 раз вокруг земного шара» («Литературная газета», 1961, 8 авг.); «Как чувствует себя герой космоса, совершая в кабине корабля *обороты* вокруг Земли?.. В 11 часов 48 минут (московское время) корабль-спутник «Восток-2» закончил второй *оборот* вокруг Земли и начал третий. В конце третьего *витка*, с 12 часов 30 минут до 13 часов, товарищ Титов обедал» («Литературная газета», 1961, 8 авг.); «Космонавт Терешкова чувствует себя отлично. Это было видно на экранах телевизоров в момент полета корабля «Восток-6» на втором и третьем *витках* над территорией Советского Союза. На первом *витке* Валентина Терешкова позавтракала, на третьем *витке* — пообедала» («Правда», 1963, 17 июня); «*Виток* за *витком*» — о полете кораблей «Союз-4» и «Союз-5» («Правда», 1969, 18 янв.).

Проанализируем ряд: *облет* — *оборот* — *виток*. Первое слово — отглагольное наименование по действию, второе — общепринятое в астрономии название движения по кругу, по орбите (ср.: *оборот* Земли вокруг Солнца) и, наконец, третье — *виток* — название-характеристика. В основе этого последнего названия лежит образное представление о движении корабля-спутника вокруг Земли.

Слово *виток* получает новое специальное значение: первый *виток* корабля-спутника, второй *виток*, 33-й *виток* (см., например, «Правда», 1963, 17 июня), но связь с исходным образом 'завиток, спираль' остается очевидной. Именно «прозрачная» образность слова *виток* привлекает поэтов. Вот строки из стихотворения Семена Кирсанова «Нить полета», посвященного Валентине Терешковой, бывшей ткачихе:

В Вологде,
в Трехгорке,
в Ярославле
тысячи
ткачих и кружевниц
за ее *витками*
посылали
взоры,
словно тысячи зарниц.

(«Огонек», 1963, № 27, стр. 4.)

Позже поэтесса Людмила Татьяничева в стихах о первых спутниках Луны раскрывает связь специального слова *виток* с начальным образом ‘вить — завить — завивать’:

Свобода дальнего полета,
Луна в *витках*,
Как в завитках...
(«Правда», 1966, 14 янв.)

На основе образного представления возникает специальное значение слова *виток*. В дальнейшем развивается новый образ как бы на базе специального «космического» значения. Например, сообщение об ударной работе комбайнеров, перевыполняющих дневные нормы выработки, называлось «*Витки» комбайнеров*» («Известия», 1962, 16 авг.). Здесь уже слово *виток* представляет яркую метафору. И хотя такое употребление этого слова необычно (о чем свидетельствуют кавычки), возможности новых переносных осмыслений уже намечены.

В статье о фильме «Обыкновенный фашизм» сопоставляются антифашистские фильмы. Один из них — фильм Стенли Крамера о суде над фашистскими судьями: «Авторская мысль захватывает все новые стороны проблемы, словно поднимается кругами все выше и выше по спирали. И на каком-то *витке* останавливается. Сказал ли всю правду Крамер?» («Литературная газета», 1966, 13 янв.). «Но все-таки не проходит и дня, чтобы в письмах на телестудию не значились среди любимых произведений танец маленьких лебедей, полонез Огинского, ария Далилы. Как помочь очень многим слушателям вырваться с застоявшейся орбиты вкусов на новый *виток*?» («Советская культура», 1967, 14 марта). *Виток* — это этап пути, движения, развития.

Еще ярче новое образное употребление слова *виток* в заглавии одной публикации, посвященной звуковому журналу «Кругозор»: «*Третий виток* «Кругозора». Здесь *третий виток* — это третий год жизни журнала, определенный этап в работе редакции. Новый журнал как бы пошел на *третий виток* своего непроторенного пути. Так образное сравнение *виток* превратилось в термин *виток* — ‘оборот искусственного спутника вокруг Земли’. Новое значение остается в пределах полисемии, легко оживляет и раскрывает связь с исходным значением. Одновременно обнаруживаются возможности новых переносных употреблений, но уже обогащенных «космическим» значением:

8

В русском языке заимствованное слово *орбита* получило распространение в XIX в. Исследователь лексики периода 30—90-х годов минувшего столетия Ю. С. Сорокин датирует начало словарной жизни существительного *орбита* 1847 г. [1], но слово *орбита* было уже зарегистрировано Н. М. Яновским в 1806 г. в «Новом словотолкователе»: «*Орбита*. Лат. Астр. Кривая линия, которую описывает центр какой-нибудь планеты собственным своим движением от запада к востоку. Астрономы до Кеплера думали, что орбита планет есть круг. Но сей великий астроном открыл, что планеты движутся по кривой линии, называемой эллипсом, коея один фокус занимает Солнце. Истина сия признана за неоспоримую от астрономов. Эклиптика есть орбита Солнца. Древние орбитою называли сферическое тело, определенное двумя поверхностями, одною выпуклою, а другою впадистою, как пустая бомба» [2].

Само латинское слово *орбита* — *orbita* восходит к существительному *orbis* — 'круг, колесо'. Как бы отталкиваясь и одновременно опираясь на конкретное значение *orbis*, возникают слова производные: *orbitus* — 'в форме колеса'; *orbita* — 'колея, след колеса', затем 'след вообще' и, наконец, 'след, путь Луны (орбита Луны)' [3]. Заметим, что первоначально *орбита* означала не 'путь небесного тела вообще', а 'след, путь Луны'.

В русский язык латинское слово *орбита* вошло как астрономический термин. Любопытно, что Словарь Академии Российской ни в первом издании (1783—1794), ни во втором (1806—1822) не включил этого слова-термина. И только в Словаре церковнославянского и русского языка 1847 г. находим: «*Орбита, -ы*, с., ж. *Астр*. Путь, описываемый планетою около Солнца» [4]. Словарь регистрирует только терминологическое значение слова *орбита*, хотя, как свидетельствует Ю. С. Сорокин, переносные употребления

---

[1] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.— Л., 1965, стр. 389.

[2] Н. М. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, ч. III. СПб., 1806, стр. 61—62.

[3] A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de langue latine, 3 éd. Paris, 1951, стр. 827.

[4] Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II отделением имп. Академии наук, т. III. СПб., 1847, стр. 77.

отмечаются уже с 30-х годов. Обратим внимание на интересное наблюдение Ю. С. Сорокина. Часто при переходе термина астрономии, географии, механики или физики «в общее литературное употребление при видоизменении его смысла и расширительном употреблении сохранялось и даже подчеркивалось явление «переноса», связь с исходным значением»[1]. Ю. С. Сорокин напоминает, что в первой половине XIX в. был употребителен вариант *орбит* (мужского рода), и подтверждает примерами из художественной литературы и публицистики того времени, что переносное употребление слова *орбита* восходит к сравнениям[2]. Например: «(Тушин) не был сам творцом своего пути, своей судьбы, ему, как планете, очерчена *орбита*, по которой она должна вращаться»[3].

Переносное употребление не стало все же значением слова. И вышедший в 1863—1866 гг. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля отметил только терминологическое значение слова: «*Орбита*, ж. Латинск. *Астрон.* Круговой путь планеты около Солнца; круговина». В. И. Даль регистрирует еще и значение 'глазная орбита': «*Врчб.* Глазная орбита, впадина, ямка, лунка, в коей лежит яблоко». Но никаких переносных, образных, не терминологических значений или употреблений В. И. Даль не отмечает[4].

Только Толковый словарь современного русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (в 1938 г.) впервые фиксирует переносное употребление слова *орбита*: «*Орбита влияния* (книжн.) — сфера, область влияния кого-н.»[5]. Но это еще связанное употребление существительного *орбита* встречалось, по наблюдениям Ю. С. Сорокина, и в XIX в. (выражения: *войти (включить) в орбиту* чего-нибудь)[6], хотя и не отмечалось словарями.

В то время как создавался Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, Большая Советская Энциклопе-

---

[1] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, стр. 386.

[2] Там же, стр. 389.

[3] И. А. Гончаров. Собр. соч., т. VI. М., 1954, стр. 391.

[4] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, ч. II. М., 1865, стлб. 1266.

[5] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. II. М., 1938, стр. 843.

[6] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, стр. 389.

дия в первом издании (т. 43, 1939) писала о слове *орбита*: «*Орбиты* планет и других небесных тел (от лат. *orbita* — колея, путь), пути, описываемые небесными телами. Весьма часто этот термин употребляется в более широком смысле, и под *орбитой* разумеют не только траекторию движения, но и закон движения по этой траектории...»[1] Такое расширенное употребление слова *орбита* говорит о его полисемантических возможностях даже в пределах термина.

Во втором издании Большой Советской Энциклопедии (1955) уже отмечены три значения слова *орбита*:

«*Орбита*, в анатомии — то же, что глазница.

Орбита (от лат. *orbita* — колея, путь) — сфера, среда, круг, обстановка. Отсюда выражения: *быть в орбите влияния*, *быть в своей орбите*.

Орбиты небесных тел — пути, по которым движутся планеты, спутники планет, кометы и другие небесные тела...»[2].

Итак, Большая Советская Энциклопедия во втором издании отмечает постоянное и переносное значения выражений со словом *орбита*. Следует заметить, что переносное значение 'сфера, среда, круг, обстановка' восходит к латинскому первоисточнику орбита — *orbis* ('круг').

Какие же изменения наблюдаются в лингвистических (толковых) словарях при составлении словарной статьи существительного *орбита*?

Словарь русского языка С. И. Ожегова в первых изданиях (1949 г.— 1964 г.) отмечает, как и В. И. Даль, только два значения у слова *орбита*: «1. Путь движения небесного тела. *Земная орбита*. 2. То же, что глазница...»[3] Но затем, как и Словарь русского языка в четырех томах (т. II, 1958), фиксирует три значения слова *орбита*: «1) *Астр*. Путь движения небесного тела. *Орбита Марса*. 2) Перен., чего. Книжн. Сфера действия, распространения чего-л. *Втянуть в орбиту своего влияния*. «Степи, леса, горы, моря и озера Советского Союза таят в своих недрах несметные сокровища, которые должны быть *включены в орбиту* производительного труда...» Куйбышев. Статьи и речи. 3) Глазница...»[4] Эти же значения отмечает Словарь современного русского литературного языка. Для второго зна-

---

[1] Большая Советская Энциклопедия, т. 43. М., 1939, стр. 265.
[2] Большая Советская Энциклопедия, изд. 2, т. 31. М., 1955, стр. 136.
[3] С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1961, стр. 446.
[4] Словарь русского языка, т. II. М., 1958, стр. 871.

чения слова *орбита* — область, пределы, сфера распространения, действия чего-либо — выделяются постоянные выражения: *втягивать*, *вовлекать* и т. п. *в свою орбиту*, *в орбиту своего влияния*; *входить*, *вступать* и т. п. *в орбиту* чего-либо. Как иллюстративный материал приводятся фразы из произведений писателей XIX и XX вв. (Аполлон Григорьев, Константин Федин)[1]. Это показывает, что формирование переносного значения началось еще в XIX в., но было зарегистрировано словарями только в середине XX столетия. И все же не все значения и употребления слова *орбита* отмечены современными словарями.

4 ноября 1957 г. в Советском Союзе был запущен искусственный спутник Земли — *выведен на орбиту*, *вышел на орбиту*. Необыкновенное событие — запуск спутника — оживляет первое терминологическое значение слова *орбита* — 'путь небесных тел', как бы возвращает его науке, астрономии, космосу. «Советский космический корабль «Восход-2» с экипажем... *был выведен на орбиту* спутника Земли 18 марта 1965 года» («Правда», 1965, 20 марта); «Спутник *выведен на орбиту* с параметрами...» («Правда», 1965, 26 июня); «Последняя ступень ракеты предварительно *была выведена на* промежуточную *орбиту* искусственного спутника Земли...» («Вечерняя Москва», 1965, 10 мая); «Молния-1» *на орбите*,—... 23 апреля, 1965 г. в Советском Союзе осуществлен запуск на высокую эллиптическую *орбиту* спутника связи «Молния-1» («Правда», 1965, 24 апр.); «Телестудия *на орбите*» («Известия», 1965, 24 марта).

Что же происходит со значением слова *орбита*? Движение по кругу? От однозначного термина к полисемии и затем вновь усиление исходного терминологического значения? Нет. Одновременно с усилением специального значения и переносное значение слова *орбита* получает новые смысловые оттенки, новые возможности употребления. *Вывести на орбиту*, *выходить на орбиту* приобретает расширенное значение 'попасть в поле зрения, внимания, стать центром внимания, обсуждения'. Просмотрим наиболее популярные газеты за последние годы: «*На орбиту вечности*» («Вечерняя Москва», 1964, 4 нояб.); «*На орбите рекордов*» («Правда», 1965, 23 марта); «*На кинематографической орбите*» («Литературная газета», 1965, 13 февр.); см. также

---

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 8. М. — Л., 1959, стр. 999

постоянную рубрику в газете «Советская культура» — «*На кинематографической орбите*» («Советская культура», 1965, 13 сент.); «*КМ* (кожаный мяч) *на золотой орбите*» («Комсомольская правда», 1965, 24 авг.); «*Орбитами кожаного мяча*» («Комсомольская правда», 1966, 3 авг.); «*Мир на орбите*» («Комсомольская правда», 1965, 20 мая); «*На орбите фестиваля*» («Комсомольская правда», 1965, 10 мая); «*На футбольной орбите*» («Правда», 1965, 8 окт.); «*На турнирной орбите*» («Правда», 1965, 23 окт.); «*На орбите — песня*» («Кругозор», 1965, № 6); «*На орбите рекордов...*» («Правда», 1965, 23 марта).

Предложные сочетания *на орбиту* и особенно *на орбите* прочно вошли в нашу публицистику. Закрепившись в новом значении 'на уровне определенных успехов, в центре внимания', существительное *орбита* обнаруживает новые возможности сочетаний с предлогами и новые оттенки значения. В газете «Правда» от 13 декабря 1965 г. читаем: «*По турнирной орбите*» — сообщения о происходящих турнирах в различных городах мира и страны. Можно сказать, что если *на орбите* — это сообщение о событиях, уже заслуживших особого внимания, то *по орбите* — информация, обзор интересных текущих событий в определенной сфере.

В старые терминологические сочетания со словом *орбита* как бы вливается новое содержание. Так, сообщение об использовании солнечной энергии и большой экспериментальной работе в этом направлении Физико-технического института Академии наук Узбекистана газета «Правда» озаглавила «*По солнечной орбите*» («...десятки исследований в различной степени идут *по солнечной орбите*». «Правда», 1966, 25 февр.). Слово *орбита* в этом случае становится синонимичным 'область, направление' (ср. исследования в этой области, в этом направлении). Приведем еще несколько примеров: «*На цветочной орбите*» («Вечерняя Москва», 1966, 5 авг.) — информация о выставке цветов на ВДНХ и планах озеленения Москвы; «*Гастрольная орбита*» («Вечерняя Москва», 1966, 31 авг.) — о гастролях зарубежных артистов в Москве; «Полтора месяца *на подводной орбите*» («Известия», 1966, 14 апр.) — о кругосветном походе советских подводных лодок и жизни моряков-подводников; «*На общей орбите*» — о том, чтобы «*на общей орбите* встретились поэты-братья, драматурги-соратники и поговорили бы об искусстве...» («Литературная газета», 1962, 13 сент.); «*На*

музыкальной орбите» — постоянная рубрика в журнале «Советская музыка» о международных новостях (см., например, № 1 за 1966 год, стр. 120—126); «*На орбите будущего.*— Хорошего писателя фантаста... можно уподобить космонавту, с той разницей, что он со своим творчеством выходит не в мировое пространство в прямом смысле слова, а *на будущую историко-общественную орбиту* своего народа и всего человечества» («Литературная газета», 1966, 10 дек.); «*Новые орбиты* сельского спорта» («Комсомольская правда», 1966, 2 сент.) — о путях и возможностях развития спорта на селе; «*На орбиту коммунизма*» («Литературная газета», 1962, 16 окт.); «Вспомните: Блохино вступило на лестницу социалистического восхождения в домотканой рубахе и берестяных лаптях. За несколько десятилетий оно прошло путь, равный эпохе, утвердилось *на орбите социализма*» («Комсомольская правда», 1967, 3 марта).

Слова *орбита — выходить на орбиту* становятся символом нового подхода к жизненным проблемам: «*Расчетная орбита.*— ...в результате проведения новой экономической системы планирования и руководства народным хозяйством значительно возросла творческая активность трудящихся, повысился уровень руководства экономикой... Как-то в разговоре Норберт Хельман обронил фразу: «Наш комбайн «Лейна» *вышел на расчетную орбиту*». Что ж, наш немецкий друг прав. Вся Германская Демократическая Республика *вышла на расчетную орбиту строительства социализма*, успешно покоряя все новые и новые рубежи» («Известия», 1967, 25 февр.).

Как видим, *орбита* не только все более и более синонимизируется со словами *путь*, *дорога*, но и развивает новые значения — *направление* ('солнечная орбита, новые орбиты сельского спорта'). Сочетание *(быть) на орбите* гастрольной, цветочной, подводной равнозначны '(быть) в кругу, в сфере определенных интересов, событий, новостей'.

Новые сочетания *выйти на орбиту*, *(быть, находиться) на орбите* воспринимались и в прямом и в переносном значениях как символ, характеристика новой эры. Эту новизну почувствовал и отразил драматург А. Е. Макаенок в комедии «Левониха *на орбите*». Между героями пьесы, энергичной Лушкой — Левонихой и ее несколько консервативным мужем, происходит бурный диалог. Лушка сообщает, что «выдвинута в депутаты!». «Люди добрые! Что делается на свете! Новости какие! Моя Лушка *выходит на орбиту*!» —

восклицает Левон[1]. Символично и само заглавие пьесы — «Левониха *на орбите*», ставшее широко известным, популярным выражением и в свою очередь популяризирующим новые сочетания *выйти — выходить на орбиту, (быть) на орбите*. Такой популяризации способствовали и переводы комедии на разные языки и театральные постановки[2].

Новые сочетания слов *выйти — выходить на орбиту, (быть) на орбите* вошли и в поэтический язык. Опубликованный в 1965 г. сборник стихов Сергея Смирнова назван «Сердце *на орбите*»:

Не мною
В космос
Дверь открыта.
Стезя проложена не мной,
Но сердце *вышло на орбиту*
И обогнуло
Шар земной[3].

Живой и очень современный образ характеризует книгу, посвященную всему тому, чем живет страна, и налагает особую ответственность на поэта — быть на уровне высокого мастерства. Сочетания *выйти — выходить на орбиту, (быть) на орбите* получают еще одно значение, синонимичное выражениям 'выйти — выходить на непроторенный путь, быть на переднем крае'. Переносные значения сочетаний *выйти — выходить на орбиту, (быть) на орбите* экспрессивны, образны, сохраняют прозрачную внутреннюю форму, связь с прямым значением. Это позволило Л. Мкртчану в заметке «Сердце *вышло на орбиту*» написать: «...некоторые ... стихотворения так и *не вышли на орбиту*, остались лежать на взлетной площадке. А прояви автор большую строгость ... быть бы книге *на орбите* целиком» («Литературная газета», 1966, 11 янв.).

---

[1] А. Е. Макаенок. Пьесы. Пер. с белорусск. М., 1963, стр. 265—266.

[2] Пьеса «Левониха *на орбите*» была впервые опубликована на белорусском языке в 1961 г. (А. Я. Макаенок. Камедыі. Мінск, 1961). В переводе на русский язык: А. Е. Макаенок. Левониха *на орбите*. «Театр», 1961, № 4; Пьесы. М., 1963; в переводе на украинский язык: А. Макайонок. Лявониха *на орбіті*. Киев, 1961; в переводе на болгарский язык: А. Макаенок. Левоница *в орбита*. Б-ка «Театральна самодеятельность», год 8, кн. 9, 1964, стр. 68—117.

[3] С. Смирнов. Сердце *на орбите*. Книга новых стихов. М., 1965.

Прямое значение существительного *орбита* наиболее прозрачно в глагольно-предложных конструкциях: *выйти — выходить на орбиту, (быть) на орбите* и др. Но если слово *орбита* включено в определительную конструкцию, то сильнее звучит его переносное значение. Ср. упоминавшиеся раньше: *на кинематографической орбите, на золотой орбите, на турнирной орбите, на футбольной орбите, на орбите фестиваля.*

Новые выражения не ослабляют и не вытесняют уже существующие. Ср.: «Однако пьеса Э. Радзинского и спектакль А. Эфроса выходят далеко за границы сюжета и захватывают *в свою орбиту* большие и трудные вопросы жизни художника и вообще человека наших дней» («Правда», 1965, 29 окт.).

В слове *орбита* наблюдается интересное явление — в переносных значениях как бы оживают старые этимологические связи. Например, в статье «*С орбиты привычного*» читаем: «... успех организации производства и управления связан именно с ломкой старого, отжившего и целиком будет зависеть от того, как скоро сумеем мы *сойти с орбиты привычных понятий и условностей*» («Известия», 1965, 2 апр.). В этом случае *орбита* синонимична словам *путь, дорога, колея* ('с привычного пути, с избитой колеи'). Вспомним: латинское слово *orbita* означает именно 'путь, колея'. Заимствованный термин *орбита* как бы раскрывает в переносном употреблении свое первоначальное конкретное значение.

Проанализируем несколько характерных употреблений слова *орбита* в терминологическом и переносном значениях: «Так меняется *орбита* «Спутника» («Правда», 1966, 4 июля); «Нацелены к *орбитам* корабли» («Комсомольская правда», 1966, 20 янв.); «*Орбитами* «Спутника» («Вечерняя Москва», 1966, 17 марта); «*Орбиты* большого футбола» («Правда», 1966, 20 нояб.); «*На орбите* — шестидесятые» («Комсомольская правда», 1966, 13 мая).

В первом случае *орбита* — астрономический термин. Речь идет о полете спутника «Луна-10». Во втором — *орбита* сохраняет терминологическое значение, но выходит из рамок узкотерминологического употребления, приобретает оценочное значение 'высокая цель'. Третий пример взят из сообщения о международных связях туристского молодежного лагеря «Спутник»: «*Маршруты* проложены через 50 стран... по *орбитам* «Спутника» проходят *трассы* взаимо-

понимания». В тексте можно проследить новый синонимический ряд: *орбиты — маршруты — трассы*. Заглавие спортивной информации — «*Орбиты* большого футбола» — соответствует словам *пути*, *дороги*, *маршруты*, *турне* сильнейших футбольных команд. Приведенный нами пятый пример («*На орбите* шестидесятые») говорит о еще новом употреблении слова *орбита*: «*На орбите* шестидесятые, в космос рвущиеся года...»; *на орбите* здесь можно истолковать — 'в пути, в действии'.

Сравним еще употребление слова *орбита* в следующем тексте: «Я уже писал о том, что детские дома Корчака существовали в бюрократическом, милитаризованном государстве Пилсудского своим особым миром. Там, где все двигалось *по казенным орбитам*, было предельно регламентировано, жило душными казенными идеями. Дом сирот и Наш дом как бы игнорировали всесилие этого высочайше утвержденного «солнца»...» (А. Шаров. Януш Корчак и наши дети. «Новый мир», 1966, № 10, стр. 175—176). Казалось бы, *орбита* предстает здесь в переносном значении, теряет связь с термином. Но связь эта не обрывается и позволяет создать публицисту ироничный образ высочайше утвержденного «солнца» — Пилсудского.

Так существительное *орбита*, теряя узкую терминологичность, как бы обнажает исходное значение 'колея, путь, дорога' и тем самым расширяет свои синонимические связи, круг возможных употреблений.

Слово *орбита* стало названием молодежной телепередачи «Орбита», а в Московском Доме ученых существует устный журнал «*На орбите*», посвященный международной жизни, науке и технике, литературе, искусству и спорту. Что же означает в этих случаях слово *орбита?* И телепередача и устный журнал дают обзор новостей со всего света из разных областей человеческих знаний.

Еще в 1658 г. Ян Амос Коменский назвал свой труд «Orbis sensualium pictus». Впоследствии «Orbis pictus» — «Мир в картинках» называлась книга для юношества. У римлян существовало выражение *orbis terrarum* — 'круг земной или вселенная', что означало 'страны, их население и все, что о них было известно'[1]. В нашем современном языке, можно сказать, проясняются первоначальные связи

---

[1] Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь, т. 22. СПб., 1897, стр. 92.

слова *орбита*: *orbita*<*orbis* 'круг<круг земной, вселенная'. Ср.: «Каждый человек ... вращается по своей *орбите*. Бывает так, что эта *орбита узка*», т. е. '*узок круг* личных интересов' («Известия», 1968, 25 мая).

Оживление этимологического значения обусловливает многозначность слова *орбита*. Обратим внимание, как разошлись значения двух однокоренных слов в сочетании *орбиты «Орбиса»* («Вечерняя Москва», 1966, 21 июля): *орбис* — 'вселенная, мир', так называется в Польше организация, подобная нашему «Интуристу»; *орбиты* — 'дороги, маршруты'.

Так в возникающих новых употреблениях пробуждаются старые этимологические связи. Но это не круговое движение от заимствованного термина к полисемии и вновь к исходному значению. Происходит дальнейшее развитие основного и переносного значений на базе старых этимологических связей и новых словосочетаний и употреблений.

9

Переосмысление старых слов, формирование новых значений очень часто неотделимо от сложения новых словосочетаний и их функционирования в языке.

Рассмотрим примеры образования словосочетаний из области технических наименований.

4 февраля 1966 г. газеты поместили сообщение ТАСС: «3 февраля 1966 года в 21 час 45 минут 30 секунд по московскому времени автоматическая станция «Луна-9», запущенная 31 января, осуществила *мягкую посадку* на поверхность Луны в районе Океана Бурь, западнее кратеров Рейнер и Марий». А 5 февраля 1966 г. в газетах публиковалось обращение-приветствие «Ученым и конструкторам, техникам и рабочим, всем коллективам и организациям, принимавшим участие в создании автоматической станции «Луна-9» и осуществлении *мягкой посадки* на Луну». Журнал «Огонек» на первой странице, посвященной знаменательному событию в изучении Луны, опубликовал стихотворение Сергея Смирнова:

Как пилот неробкого десятка,
взмыл к Луне
советский аппарат.

Прилуненье.
Мягкая посадка.
Межпланетно
вымпелы горят.

(«Огонек», 1966, № 7, стр. 1.)

Словосочетание *мягкая посадка* выходит из узкопрофессионального употребления и делается достоянием общенародного языка[1].

Словари русского языка выделяют в полисемантичном слове *посадка* значение «спуск на землю, приземление. О самолете, планере и т. п.»[2]. В сочетании *мягкая посадка* слову *посадка* придается новый оттенок значения. *Мягкая посадка* — это особая посадка, обеспечивающая сохранность ракеты, противоположна падению ракеты и одновременно означает плавное приземление, прилунение ракет, аппаратов. В информации о приземлении собак Ветерка и Уголька после трехнедельного космического путешествия сообщалось: «Довольно быстро обнаружили так называемый спускаемый аппарат. Он был цел. *Мягкая посадка* удалась» («Правда», 1966, 18 марта); «Очередным важнейшим этапом завоевания Луны была *мягкая посадка* советской автоматической станции «Луна-9» на ее поверхности, осуществленная 3 февраля 1966 г.» («Огонек», 1966, № 15, стр. 30); «*Мягкая посадка* — один из решающих моментов, так как раньше было сомнение, можно ли вообще опуститься на поверхность Луны, удержаться на ней... *Мягкая посадка* автоматической станции «Луна-9»... бесспорно, открывает новую эру в отношении человеческого общества к Луне...» («Комсомольская правда», 1966, 11 февр.).

Обратим внимание на пояснение летчика-космонавта Алексея Леонова: «Мы с Павлом Беляевым, пилотируя корабль, выполнили *мягкую посадку* на Землю. Осуществить ее на Луне во сто крат труднее. Ведь на Луне нет атмосферы, и, следовательно, о каких-то парашютных устройствах, тормозящих спуск, не может быть и речи. Скорость.

---

[1] Ср.: «Понятие «человек на Луне» непременно включает в себя плавный спуск (или, как говорят ракетчики, *мягкую посадку*) на поверхность Луны... *Мягкая посадка* — лишь одно из многих необходимых условий для осуществления полета человека на Луну» («Комсомольская правда», 1963, 12 апр.).

[2] Словарь современного русского литературного языка, т. 10. М.—Л., 1960, стлб. 1448.

станции гасилась только за счет работы тормозных двигателей, а для этого ориентация в непривычных лунных условиях должна быть безупречной» («Огонек», 1966, № 7, стр. 4). Хотя словосочетание *мягкая посадка* может иметь разное техническое содержание (*мягкая посадка* на Земле, *мягкая посадка* на Луне), само словосочетание с лингвистической точки зрения представляет известное единство, формирующееся на наших глазах.

Любопытно, как переводится новое сочетание *мягкая посадка (осуществить мягкую посадку)* на другие языки, в частности на французский: «Luna-9 *se pose en douceur* et commence son travail» («Humanité Dimanche», 1966, 13 февр.) — буквально: «Луна-9» садится в мягкость и начинает работать»; «Lunik IX déposé en douceur sur la lune...» (там же) — «Лунник IX, сев в мягкость на Луне...» По-итальянски сообщение о *мягкой посадке* прозвучало так: «Luna-9... *è posato dolcemente* sui suolo lunare con tutte le apparecchiature intatte...» («l'Unitá», 1966, 4 февр.) — буквально: «Луна-9»... села мягко на лунную поверхность со своей аппаратурой». По-немецки: «Erste *weiche Mondlandung*» («Junge Welt», Berlin, 1966, 4 февр.) — буквально: «Первое мягкое лунное приземление»; «Die *weiche Mondlandung*» (там же, 1966, 5—6 февр.) — «Мягкое лунное приземление»; «*Weiche Landung* auf dem Mond...» (там же, 1966, 8 февр.) — «Мягкое приземление на Луну...» Русскому *посадка* соответствует более специальное, принятое в авиации *landung* — 'приземление'; *weiche Mondlandung*, *weiche Landung* auf dem Mond» — 'мягкое лунное приземление', 'мягкое приземление на Луну'. То же наблюдаем и в английском языке: «...Soviet people are jubilant at the success in *soft-landing* their own observatory on the moon...» («Daily Worker», 1966, 5 февр.)— буквально: «...Советский народ ликует по случаю успешного мягкого приземления их собственной обсерватории на Луну».

Как видим, в основе нового терминологического сочетания лежит одно общее представление мягкости действия, но обнаружились расхождения в наименовании действия. В русском языке это многозначное слово *посадка*[1], употребляемое в авиации. Такое наименование не дает конкретных указаний на вид посадки — приземление, приводнение, прилунение. Этой же конкретности стремились избежать

[1] Ср.: *посадка растений, посадка в поезд, посадка всадников.*

французский и итальянский языки[1]. В немецком и английском языках слово *приземление* выступает в новой функции: 'приземление — прилунение — посадка вообще'.

Так вместе с общим в каждом языке обнаруживается свое частное выражение нового понятия.

Новое осмысление слова *посадка* возможно только в сочетании *мягкая посадка*, которое уже проявило тенденцию к устойчивости.

10

В газетах 1966 г. в публикациях об изучении космоса появляется термин *стыковка*: «...отработать практику *стыковки*» («Вечерняя Москва», 1966, 17 марта); «Обязательна ли *стыковка* кораблей на орбите Земли при полете человека к Луне?» («Комсомольская правда», 1966, 11 февр.).

31 октября 1967 г. на первых страницах газет находим слова *стыковка — расстыковка*. Два термина вышли из узкопрофессиональной сферы употребления: «30 октября 1967 года в Советском Союзе произведен запуск искусственного спутника Земли «Космос-188»... В 12 часов 20 минут московского времени впервые в мире осуществлена *автоматическая стыковка* на орбите искусственного спутника Земли «Космос-188» со спутником «Космос-186», запущенным 27 октября 1967 года»; «В 15 часов 50 минут московского времени 30 октября по команде с Земли была проведена *автоматическая расстыковка* искусственных спутников» («Правда», 1967, 31 окт.); «Осуществление первой в мире *автоматической стыковки* и *расстыковки* искусственных спутников Земли на орбите — достойный подарок Советской Родине в канун 50-летия Великого Октября»; «Все системы, установленные на спутнике «Космос-186», на этапе поиска, сближения, причаливания и *стыковки*, а также при *расстыковке*, последующем полете и посадке на Землю продемонстрировали высокую надежность функционирования при решении принципиально новых для космонавтики задач» («Правда», 1967, 1 нояб.).

Термины *стыковка* и *расстыковка* в широкой прессе требовали еще пояснений. Так, сообщение в «Правде», озаглавленное «Первая в мире автоматическая *стыковка* на орбите»,

---

[1] Ср., однако: посадка самолета на землю — *atterrissage* (от *terre* — 'земля'); посадка самолета на воду — *merrissage* (от *mer* — 'море').

имело подзаголовок — «Два спутника в *совместном полете*» (1967, 31 окт.). В выступлениях, посвященных выдающемуся событию, читаем: «Особое значение имеет важный факт, что в космических просторах произошло сближение, причаливание, *соединение* двух космических аппаратов и по команде с Земли их *разделение*» (Акад. Л. Седов. Стыковка — это подвиг. «Правда», 1967, 31 окт.); «...два космических аппарата... нашли друг друга в огромном пространстве и, уравняв скорости, *соединились* в единый корабль...» (Акад. Р. Петров. Открываются новые перспективы. «Правда», 1967, 31 окт.). Комментарий этого события «Комсомольская правда» озаглавила «*Встреча* на орбите» (1967, 1 нояб.). Но в дальнейшем термины *стыковка — расстыковка* уже не требовали пояснений — *соединение, разъединение* и т. п.

14 апреля 1968 г. на орбиту Земли был выведен спутник «Космос-212», а 15 апреля — «Космос-213», которые «осуществили автоматическую стыковку» («Правда», 1968, 21 апр.); «*Стыковка* спутников проведена успешно... Появление их на орбите, автоматическая *стыковка* и *расстыковка* — крупное, мирового значения достижение советских ученых...» («Вечерняя Москва», 1968, 16 апр.); «В 17 часов 11 минут московского времени 15 апреля 1968 г. по команде с Земли была осуществлена автоматическая *расстыковка* искусственных спутников» («Известия», 1968, 16 апр.).

Потребность в образном выражении удерживает сравнение-метафору *стыковка — встреча*: «Новая *встреча* на орбите» («Известия», 1968, 16 апр.), но не как пояснение, а как определенный эмоциональный образ.

Вокруг детерминированных слов *стыковка — расстыковка* группируется целый ряд однокоренных образований: «...оба спутника *жестко состыковались*... Телевизионные изображения *состыкованных* аппаратов... *Жестко состыкованные* искусственные спутники...» («Правда», 1967, 31 окт.); «...полет по орбите в *состыкованном* состоянии» («Известия», 1968, 16 апр.); «...корабли, которые будут стартовать с Земли и *состыковываться* с научной станцией при пересадке экипажей... По окончании работы этот корабль с исследователями стартует с планеты, сближается и *стыкуется* с ожидающим на околопланетной орбите основным космическим кораблем» («Правда», 1968, 21 апр.); «После старта космонавтов с Луны они *состыковали* взлетную ступень лунной кабины с кораблем-маткой...» («Правда», 1969, 23 июля);

«Затем два космонавта должны перейти в лунный отсек, *отстыковаться* от основного блока...» («Огонек», 1969, № 14, стр. 19); «При этом имитировался маневр, предшествующий *пристыковке* основного блока корабля «Аполлон» к лунной кабине...» («За рубежом», 1969, № 1, стр. 19).

Увеличивается ряд имен: *стыковка — расстыковка — пристыковка*... Глаголы *стыковать, состыковать* (переходные); *состыковаться, расстыковаться, отстыковаться*, как и их производные, например причастные формы *состыкованные, состыковавшиеся* и т. п., сохраняют ощутимую связь с существительным *стыковка*. Приставки вносят определенные оттенки значения: *состыковаться — расстыковаться* означают соединение или разъединение двух компонентов, *отстыковаться* — отделение одного компонента от другого, а с помощью приставки *при-* передается противоположное действие («*пристыковка* основного блока к лунной кабине»).

На основе терминологических значений новые слова получают особые осмысления в разговорной речи: «При *стыковке* «Космоса-185» и «Космоса-186», как явствует из сообщения ТАСС, широко применялись радиотехнические средства. Прошу вас, как специалиста, оценить их работу.— Пожалуй, нужно ваш вопрос «*расстыковать*». Какую аппаратуру вы имеете в виду?» («Комсомольская правда», 1967, 1 нояб.); «Все натурные съемки проходят под городом Чертковом... Примечательно, что в городе Черткове 22 июня 1941 года тоже должен был состояться конно-спортивный праздник. Началась война... Вот так события, описанные в сценарии фильма, «состыковались» с фактами из жизни» («Советская культура», 1971, 16 окт.). Теперь слова *расстыковать* или *состыковаться* в разговорной речи являются образными эквивалентами нейтральных *разделить, встретиться*.

Первые словарные фиксации слов с корнем *стык-* относятся к 1782 г. Это глаголы *стыкать* и *стыкаться* в словаре Нордстета[1]. Словарь современного русского литературного языка отмечает значения *стыкать* — 'соединять, скреплять концы, края чего-либо'; *стыкаться* — 'соединяться, скрепляться друг с другом концами, краями'[2]. Существительное *стык* впервые отмечается Академическим

---

[1] И. Нордстет. Российский с немецким и французским переводами словарь, ч. II. СПб., 1782, стр. 783.

[2] Словарь современного русского литературного языка, т. 14. М.— Л., 1963, стлб. 1121.

словарем в 1847 г.[1], а *стыкование*, *стыковать*, *стыковаться* только в 1940 г. в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, при этом последние три слова имели только специальное употребление[2].

Новое космическое достижение окончательно выводит специальные *стыковка*, *состыковка*, *расстыковка* и однокоренные слова, не зарегистрированные словарями, из специального обращения в общенародную речь. Радио, телевидение и газеты популяризируют и закрепляют их в общем языковом обиходе: «Совершена *стыковка* пилотируемых кораблей «Союз-4» и «Союз-5» («Известия», 1969, 16 янв.); «Пилотируемые корабли «Союз-4» и «Союз-5» *состыкованы*» («Вечерняя Москва», 1969, 16 янв.); «Как уже сообщалось, космические корабли «Союз-4» и «Союз-5» 16 января в 11 часов 20 минут московского времени *состыковались* и образовали экспериментальную космическую станцию, совершающую полет по околоземной орбите... 16 января в 15 часов 55 минут московского времени космические корабли «Союз-4» и «Союз-5» были *расстыкованы* и продолжают дальнейший полет раздельно» («Правда», 1969, 17 янв.); «Два *состыкованных* корабля представляют грандиозное зрелище в космосе» («Комсомольская правда», 1969, 18 янв.); «Полет космических кораблей «Союз-4» и «Союз-5» продолжается в *состыкованном* состоянии» («Советская культура», 1969, 18 янв.); «*Стыкуясь* с орбитальной станцией, будут доставлять в космос элементы конструкции космических объектов, продовольствие...» («Неделя», 1969, № 4, стр. 12).

1 ноября 1967 г., когда газеты опубликовали сообщение о первой автоматической *стыковке* искусственных спутников Земли, в газете «Правда» на первой странице был помещен следующий текст: «Только что был сварен традиционный «красный *стык*» на трассе крупнейшего в Сибири почти тысячекилометрового нефтепровода...»

После повторных *автоматических* и *ручной стыковки* в космосе намечается вытеснение специального, привычного в «земном» обиходе *стык* — ‘соединение, закрепление двух подведенных друг к другу концов, краев чего-либо’[3]

---

[1] Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II отделением имп. Академии наук. т. 4. СПб., 1847, стр. 194, 242.

[2] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 4. М., 1940, стлб. 574.

[3] Словарь современного русского литературного языка, т. 14. М.—Л., 1963, стлб. 1121.

словом *стыковка*: «Искусно маневрируя, электромонтеры произвели вытяжку и *стыковку* проводов. Движение поездов было восстановлено» («Комсомольская правда», 1969, 6 февр.).

Неологизм, как видим, может обладать своеобразной силой «цепной реакции». Одно новое слово вызывает к жизни другое, это в свою очередь обусловливает рождение третьего... Возникает ряд однокоренных неологизмов — гнездо: *стыковать — расстыковать — состыковать — пристыковать — отстыковать*; *стыковка — расстыковка* и т. д.

Родившийся термин, войдя в широкий обиход, сначала меняет свою стилевую окраску — теряет строгую специализацию, а затем теснит свой ранее существовавший синоним (*стык — стыковка*). Научные открытия как бы выделяют слово, позволяют ему входить почти в любую сферу языка, без особых стилевых ограничений.

11

Со словом *стыковка* возникают постоянные словосочетания: *автоматическая стыковка — ручная стыковка, жесткая стыковка*. Уже в первых публикациях, посвященных *стыковке* искусственных спутников, была намечена оппозиция *автоматическая стыковка — ручная стыковка*: «Однако проводить аналогию между *автоматической* и *ручной стыковкой* не следует...» («Комсомольская правда», 1967, 1 нояб.); «*Автоматическая стыковка* на орбите Земли спутников, двигающихся со скоростями около 8 километров в секунду... — дело большой технической трудности» («Правда», 1968, 21 апр.); «16 января 1969 года в 11 часов 20 минут московского времени успешно осуществлена *ручная стыковка* космических кораблей...» («Известия», 1969, 16 янв.). Противопоставление *автоматическая — ручная (стыковка)* обусловило еще одну оппозицию: *автоматическая космическая станция — обитаемая космическая станция*: «*Обитаемые космические*» («Правда», 1969, 17 янв.); «*Автоматические* или *обитаемые*? — ...*Обитаемые космические станции* и *корабли* будут строиться... Если автомат иногда и выигрывает в скорости «мышления», то в гибкости и полноте ему трудно сравниться с человеком» («Неделя», 1969, 26 янв., стр. 12). Такое противопоставление *автоматический — обитаемый*, выросшее из *автоматический —*

ручной (спутник с автоматическим управлением, корабль с ручным управлением, автоматическая стыковка — ручная стыковка), конечно, ситуативно обусловлено и благодаря довольно широкому распространению образовавшихся постоянных сочетаний входит в ряд контекстных антонимов: *автоматический — ручной, автоматический — обитаемый.*

Определения, привычно закрепленные за одним каким-либо словом, становятся сигналом всего сочетания. Повторение определяемого становится ненужным, особенно в заголовках статей, информаций: «*Обитаемые космические*»; «*Автоматические* или *обитаемые?*»[1].

Термин *жесткая стыковка* появился на страницах газет не сразу. Сначала давались различные описательные эквиваленты: «...Оба спутника *жестко состыковались* друг с другом... *Жестко состыкованные* искусственные спутники...» («Правда», 1967, 31 окт.); «*Жестко состыкованные* искусственные спутники «Космос-212» и «Космос-213» продолжают совместный полет по орбите» («Известия», 1968, 16 апр.); «После причаливания произошел взаимный механический захват кораблей, *жесткое их стягивание и соединение* электрических цепей» («Правда», 1969, 17 янв.).

И наконец, описание заменяется информацией, выраженной в специальном термине: «...космические корабли «Союз-4» и «Союз-5»... непосредственно сблизились и с помощью ручной системы управления осуществили *жесткую стыковку*» («Известия», 1969, 22 янв.). Этот же термин *жесткая стыковка* был многократно повторен по радио в Сообщении ТАСС от 18 января 1969 г.

Обычно оценочные выражения как бы предполагают оппозицию: *автоматический — ручной, жесткий — мягкий.* Иногда такое противопоставление формируется из слов, как правило, несоотносимых и не сопоставляемых (*автоматический — обитаемый*). Такое противопоставление обусловлено ситуативно. «Возможны и такие случаи, когда наша мысль, употребляя одно слово для выражения известного положения, не нуждается в выражении представления противоположного: ср. оборот *смотреть свысока*,

---

[1] Ср.: «Они возьмут на себя не просто прокладку курса планетохода и определение его координат, но и вождение машины с определенными исследовательскими целями. Это относится к штурманам, управляющим *автоматическими* самоходными аппаратами с Земли, и к штурманам экипажей больших «*обитаемых*» планетоходов» («Правда», 1971, 19 янв.).

при котором нет оборота, противоположного по значению (ср. еще *легок на помине*)»[1].

Жесткая стыковка относится именно к таким случаям, когда в широком языковом обиходе нет нужды в выражении противоположного представления. Такое положение может измениться с развитием науки и потребностей коммуникации. Вернемся к выражению *мягкая посадка*. Детерминированное сочетание *мягкая посадка* означало плавную посадку, обеспечивающую сохранность космических аппаратов, и было антонимично в неспециальном разговорном языке падению ракеты. Но как только *мягкая посадка* получит в разговорном языке значение 'благополучное окончание какого-либо дела вообще', так возникнет потребность в выражении антонимичного понятия 'неблагополучное окончание дела, затеи'. Независимо от существования специального *жесткая посадка*, не вышедшего из узкотерминологического употребления, в разговорном языке возникает оппозиционное *мягкая посадка* — *жесткая посадка*, подсказанное общеязыковыми антонимами *мягкий* — *жесткий*.

Переносное употребление сочетаний *мягкая посадка* — *жесткая посадка* проиллюстрируем следующими примерами.

Небольшой рассказ Елизаветы Ауэрбах называется «*Мягкая посадка*». Писательница вспоминает, как однажды на Севере под самый Новый год она летела на самолете. Самолет вел малоопытный пилот. В результате — целый ряд приключений, но все же «самолет *мягко сделал посадку* в 24.00 по московскому времени, и мы все поздравили друг друга с Новым годом» («Советская культура», 1969, 1 янв.).

Само терминологическое сочетание *мягкая посадка* как бы приобретает второй — разговорный — план. Ср.: «Мы пожелали ему счастливого продолжения полета, а он пожелал нам *мягкой посадки*» («Комсомольская правда», 1969, 18 янв.). Это пересказ радиодиалога космонавтов Волынова, продолжавшего космический полет, с Шаталовым и Хруновым, приготовившимися к спуску на Землю. Здесь специальное выражение *мягкая посадка* звучит и как пожелание благополучного, счастливого завершения космического полета.

---

[1] М. М. Покровский. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1896, стр. 33. О выражении *легок на помине* см. подробнее: С. И. Котков. Сказки о русском слове. М., 1967, стр. 70—71.

Выражение *жесткая посадка* в прямом смысле не получает распространения в нашей языковой практике, но это выражение уже возможно в переносном плане. Например, угроза матери сыну, слишком долго катающемуся на карусели: «Спускайся, а то будет у тебя *жесткая посадка*» (см.: «Улыбка художника». «Правда», 1966, 30 мая). Специальные выражения связываются с определенными образами, а это в свою очередь допускает новые образно-символические употребления: «Общий результат — *мягкая посадка* на почву *жесткой* реальности...» («Известия», 1968, 4 сент.).

Как видим, в основе образования специального термина может быть определенный образ *(стыковка — встреча)*. Эта образность при обращении термина отодвигается на задний план, стирается, и выдвигается новое, специальное значение. В дальнейшем определенные ситуации обиходной речи как бы пробуждают в терминологических значениях слов или словосочетаний забытый образ, связанный уже, однако, с новыми явлениями нашей жизни: *стыковка* — 'встреча', *расстыковать* — 'разделить', *мягкая посадка* — 'благополучное окончание', *жесткая посадка* — 'неблагополучное окончание'.

Отсутствие или, наоборот, заполнение недостающего в языковой оппозиции звена в определенную эпоху или в определенном стиле речи подтверждает обусловленность лексической системы потребностями коммуникации, а возможность установить отсутствующее звено в оппозиции говорит о системности в лексике. Заметим, что возможная сочетаемость слов, с одной стороны, предопределяется сложившейся лексической системой. С другой стороны, конкретные языковые ассоциации подсказывают выбор слова из возможного ряда. Ср.: *мягкий — твердый*, *мягкий — жесткий*, но *мягкая посадка — жесткая посадка*, не *твердая*[1].

---

[1] *Жесткая посадка* — см.: Англо-русский ракетно-космический словарь. М., 1966, стр. 376. Любопытно, что в «обратных» переводах на русский язык возникают синонимичные замены определения, вызванные лексическими ассоциациями. Так, в посвященной советским космическим достижениям публикации — переводе с немецкого языка — читаем: «До сих пор на Луне 5 советских зондов совершили *твердую посадку* и 4 — *мягкую*» («За рубежом», 1970, № 48, стр. 5). Прилагательное *мягкий* антонимично прилагательным *жесткий* и *твердый*, но в постоянное терминологическое сочетание вошло определение *жесткая*. Иное, хотя и синонимичное, слово разрушает термин, так как выпадает из сложившейся терминологической системы определений *жесткий — мягкий*.

Язык постоянно обогащается новыми словами и терминами, новыми осмыслениями старых слов. Однако далеко не всегда новое входит в речь без борьбы, не всегда создание этого нового оправдано.

Еще в первую пору космических ракет и лунников, когда образовались глаголы *прилуняться* — *прилуниться*, возникают шутливые, «несерьезные» глаголы — *примарситься*—*примарсяться*: «Наконец, вот он — Марс. Я сбавляю газ, даю гудок... *примарсяюсь...*» («Литературная газета», 1959, 1 янв.). И именно тогда уже было высказано предположение: «может быть, с освоением каждой новой планеты будут создавать соответствующий глагол, подобный *примарситься*. А может быть победит самый старый глагол... и люди будут спокойно говорить «*приземлился* на Марсе, на Венере, Юпитере, Сатурне», так как нерационально, неэкономно создавать специальный глагол для каждой планеты (да и не от каждого названия планеты можно образовать глагол). Ведь язык любит обобщать»[1].

Прежде всего постараемся выяснить, когда язык «любит обобщать», а когда он требует конкретности в обозначении частных явлений. Конечно, все *столы вообще* называются *столами*, но язык выделяет и разные виды столов: *обеденный стол*, *письменный стол*, *столик (маленький стол)* и т. п. Если же речь идет о терминологии, то здесь необходимо слово-термин, значение которого было бы связано с одним вполне определенным явлением. К тому же мы всегда стремимся выделить новое явление — вот почему вместе с новыми открытиями в речь входят новые слова. Вспомним, какой широкий отклик среди читателей «Вечерней Москвы» и «Экспресс вечерни» (Польша) нашло предложение назвать глагол-наименование движения в космосе. Предлагали: *траекторить*, *спутничать*, *космировать* и т. д. И только часть читателей считала возможным «распространить» космическим значением старые глаголы *витать*, *парить*, *носиться*.

Но вот однажды «Литературная газета» высказала такое сомнение: «...правильно ли поступают изобретатели таких слов, как *прилуниться*? Буквализм (вещь в языке нетерпимая) заставил их испугаться простых выражений *призем-*

[1] Е. А. Земская. Как делаются слова. М., 1963, стр. 11.

лился на Луне, сел на Луне. Но как они выйдут из положения, когда корабль опустится на Венере или Марсе? Напишут, что корабль *привенерился*?.. Что, например, стоят слова *апоселений* и *периселений*, которыми все те же изобретатели заменили *апогей* и *перигей*? Неужели появятся еще и «апоюпитерий» и «перимеркурий»?» («Литературная газета», 1971, 18 авг.).

Что же показала речевая действительность? *Апоселений* и *периселений* — термины, и, вероятно, их существование оправдано требованиями дифференциации и однозначности. Управление, например, космическими кораблями, особенно автоматическое, и информация о вращении вокруг Земли и вокруг Луны нуждаются в разных терминах для Земли (*перигей, апогей*) и для Луны — *периселений, апоселений*[1].

Приведем еще один пример из жизни космических слов. *Грунтозаборный аппарат «Луна-16»*, как мы знаем, был назван *лунокопом*. Казалось бы, общая идея назначения аппарата выражена в этом наименовании достаточно ясно. Однако в дальнейшем именно буквальное несоответствие наименования *лунокоп* ('копает лунный грунт') *грунтозаборному механизму* ('бурит и забирает лунный грунт') оставило неологизм *лунокоп* в сфере образных слов, сравнений (по аналогии 'человек-рудокоп'). Наименование другого аппарата — *луноход* стало общеупотребительным. Обобщение '*ходит — ездит* (на колесах)' оказалось возможным, а '*копает — бурит*' невозможным.

В названиях наших «умных машин», «машин-помощников» большую роль играют обобщающие родовые наименования: *машина, механизм, аппарат, автомат*. Но здесь же мы наблюдаем и тенденцию дифференциации — образование сдвоенных наименований с помощью уточняющих определений и номенклатурных знаков (*грунтозаборный механизм, электронно-вычислительная машина, космические автоматы, космический аппарат «Луна-1»* и т. п.).

Дальнейшее развитие космической терминологии в каждом конкретном случае будет определено требованиями космической науки, техники и сложившимся языковым узусом. При этом следует помнить, что любой термин должен стремиться к о д н о з н а ч н о с т и.

---

[1] См. оценку «лунной» (Луна — Селена) терминологии: Г. И. Миськевич. Селенография, селенология. «Русская речь», 1971, № 5, стр. 67—74.

Иное дело с глаголом *примарситься*, который создается не как термин, а как слово эмоционально окрашенное, шутливое или «несерьезное». Мы уже знаем, что словообразовательная модель «*при*-+-*земли*- 'основа глагола, указывающая на поверхность,=место действия'+*ться*» получает оживление в момент новых космических достижений и необходимости дифференцировать два способа спуска на Землю космонавтов — на сушу (для этого использовался глагол *приземляться*) и на воду (образуется новый глагол *приводняться*). Потребность особо назвать новое достижение науки — посадку космических аппаратов на Луне — формирует аналогичный глаголу *приземлиться* глагол *прилуниться*. *Примарситься*, *прильдиниться*, *привелиться* или даже *привесниться* ('дождаться наступления весны', «Неделя», 1971, № 3, стр. 21) — все это стилистически окрашенные и функционально ограниченные образования.

Как же должен поступить язык, когда космический корабль действительно опустится на Марс? Гадать долго не пришлось: «2 декабря 1971 года впервые в истории космонавтики спускаемый аппарат автоматической станции «Марс-3» *совершил мягкую посадку* на поверхность планеты Марс» («Известия», 1971, 7 дек.); «Спускаемый аппарат советской автоматической станции «Марс-3» *осуществил мягкую посадку* на Марс» («Правда», 1971, 8 дек.); «...*мягко опустился* в южном полушарии Марса» («Комсомольская правда», 1971, 8 дек.); «...аппарат *коснулся* каменистой равнины...» («Правда», 1971, 8 дек.); «...*сел* спускаемый аппарат «Марс-3»...*опустился*... *совершил посадку*» («Известия», 1971, 8 дек.). *Совершил*, *осуществил*, *опустился*, *сел* — вот глаголы, выбранные для информаций о новом космическом событии. Шутливое *примарситься* осталось, как видим, в «несерьезных» контекстах.

В новую «марсианскую» терминологию вливаются старые земные слова. Одни из них с обобщенным значением (*совершил*, *осуществил*, *сел*), другие характеризуются условностью употребления: «*Моря*, *заливы*, *проливы*—названия условные. Открытых водоемов, таких, как на Земле, на Марсе нет» («Известия», 1971, 8 дек.).

Вспомним об условности употребления ряда наименований в «лунном» словаре: *море*, *залив*, *пролив*, *материк*, *континент*, *день*, *ночь*. При этом нельзя говорить о развитии полисемии, но о с о б о е к о н т е к с т н о е употребление слов по сходству не может не привлечь наше внимание.

Еще в 1929 г. Ю. Тынянов писал о столкновении словесного «лексического плана» и «фразового единства». Поводом для этого послужило как раз «космическое» употребление «земных» слов в романе А. Н. Толстого «Аэлита»[1].

А. Н. Толстой описывает, как перед людьми, прилетевшими на Марс, появляется на летательном аппарате марсианин: «Вот он нырнул и *пошел у самой земли*... Но когда Лось и Гусев двинулись к нему, он живо вскочил в седло... и сейчас же опять *сел на землю*». Процитировав этот отрывок из романа, Ю. Тынянов объясняет, что слова *у самой земли*, *сел на землю* не разрушают «космическое, марсианское» впечатление, потому что «фраза подчиняет отдельное слово и предопределяет его значение».

Но раскроем последние издания романа «Аэлита» и прочитаем интересующие нас эпизоды: «Аппарат лежал на оранжево-апельсиновой плоской *равнине*... *Почва* вся в больших трещинах... Перед глазами расстилалась все та же оранжевая *равнина*,— кактусы, лиловые тени, трещины в *грунте*... *почва*-то ведь вспаханная... Действительно, теперь ясно были видны широкие, полуобсыпавшиеся борозды *пашни*...» Но вот появляется на летательном аппарате марсианин: «он нырнул и пошел у самой *пашни*... пробежал по *пашне*... взлетел, и сейчас же опять сел».

Еще более примечателен выбор слова в одном из первых диалогов землян и марсиан, стремящихся понять язык друг друга: «Голубоватое умное лицо марсианина было неподвижно... Он указал на *почву*, развел руками, как бы охватывая шар: «Тума»[2].

Итак, во всех случаях, казалось бы, ситуативно естественное слово *земля* замещается словами *равнина*, *почва*, *грунт*, *пашня* и опять *почва*. Можно встретить употребление слова *земля* и в «марсианском» осмыслении: *пошел у самой земли* или *сел на землю*, где *земля* имеет значение 'поверхность' ('у самой поверхности, на поверхности'). И все же фразовое, синтаксическое значение сталкивается с лексическим[3]. При этом лексическое значение оказывается настолько сильным — для данной «марсианской» фразы,— что

---

[1] Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 460—461.

[2] Алексей Толстой. Собр. соч., т. III. М., 1958, стр. 561—562, 577 (по публикации 1939 г.).

[3] Р. А. Будагов. Семантика слова и структура предложения. «Ученые записки Ленинградского университета» Серия филологических наук, вып. 10. Л., 1946, стр. 159.

в конце концов грозит разрушить «марсианское» впечатление. Специальные, ассоциативно нейтральные по отношению к планетам слова *равнина*, *почва*, *грунт* или функционально оправданное описанием борозд и т. п. *пашня* оказываются более подходящими к марсианскому пейзажу. Существительное *земля*, омонимичное собственному имени планеты *Земля*, вносило во фразу двусмысленность, размывало четкое противопоставление двух миров — Марса и Земли.

Примечательно, что и в наше время в информациях, посвященных исследованиям Луны и Марса, избираются слова *грунт*, *почва*, *поверхность*. Когда же необходимо подчеркнуть новое употребление и новое лексическое содержание слова, то его сопровождает определение-указатель: *лунный грунт*, *лунная поверхность*, *марсианский грунт*, *марсианские породы*, *лунный день*, *лунная ночь*, *марсианские сутки*[1]. Необычность, условность словесного употребления демонстрируют на письме и кавычки («Мы ждем *«открытий»* Марса» — «Комсомольская правда», 1971, 21 дек.; «Как создавались *«Марсы»* — «Вечерняя Москва», 1971, 13 дек.), и заглавные буквы нарицательных в земном обиходе имен (*Море Дождей* и т. п.).

Как видим, лексический план обусловливает синтаксические фразовые возможности слова. Собственно лексическое значение слова-наименования позволяет или не позволяет выразить независимо от контекста характерное, новое в явлении. Вот почему возникли глаголы *приводниться*, *прилуниться*. Вот почему язык все же вспомнил шутливое *примарситься* и создал новые производные от него: « У нас есть аппарат, который показывает, как *«примарсилась»* наша автоматическая станция... В планетарии есть глобус Марса... отмечена точка *примарсения* межпланетной советской станции» («Комсомольская правда», 1971, 21 дек.); «...спускаемый аппарат станции, мягко *«примарсившийся»* впервые в истории человечества» («Неделя», 1971, № 52, стр. 11).

Примарситься, *примарсившийся*, *примарсение* своим лексическим значением связаны с планетой Марс и тем самым аналогичны *прилуниться*, *прилунение*. Но почему же употребление «марсианских» производных ограничено, сопровождается часто кавычками? Дело в том, что *примарситься*,

---

[1] Ср. формирование нового значения: *искусственный спутник* → *спутник* (стр. 23—33).

примарсившийся, *примарсение* представляют грамматическую аналогию *приводниться*, *приводнившийся*, *приводнение*; *прилуниться*, *прилунившийся*, *прилунение*; *приземлиться*, *приземлившийся*, *приземление*. Ряды слов, связанные с *вода*, *луна (Луна)*, *земля (Земля)*, соотносятся с именами нарицательными. Так, например, глагол *приземлиться* ассоциируется с нарицательным именем *земля* и только впоследствии стал осмысляться как бы на фоне собственного имени планеты *Земля*.

Легко возникает подобная семантическая аналогия и для глагола *прилуниться* с ходом ассоциативных связей уже от собственного имени к нарицательному. Для глагола *примарситься* нет подобных аналогий и ассоциаций. Есть только одна семантическая связь — с собственным именем: *Марс* — 'планета'; *Марс* — мифологический бог войны. Связь же с собственными именами ограничивает словообразовательные возможности, ограничивает словоупотребление производных лексем особым контекстом, стилем, жанром.

В новых осмыслениях старых слов и новых словообразованиях, как видим, существенны не только возможности грамматических аналогий, сила фразового единства, но — и это главное — лексическое значение слова. Именно оно позволяет или не допускает ту или иную модификацию. Лексический план в свою очередь осложняется стилистической и стилевой окраской, сложившимся языковым узусом, иногда индивидуальным языковым восприятием.

Так, связь с нарицательным многозначным именем *земля* обеспечила жизненность и широкую употребительность глаголу *приземлиться*. Но дифференцированность значений полисемантичного слова *земля* связывает и ограничивает этот же глагол *приземлиться* пределами суши (ср.: *приводниться*). Одновременная же связь с собственным именем планеты *Земля* привязала глагол *приземляться* к одной планете и затруднила его выход в космос. Глагол *примарситься* ассоциируется неизменно с собственным именем *Марс* и остается стилистически окрашенным и функционально ограниченным. На ином лексическом уровне — специально-терминологическом, книжном — связь с собственным именем не всегда является словообразовательным препятствием и ограничением. Чем менее употребительно в обиходной речи имя, чем более ограничено книжным стилем, тем легче, тем удобнее оно для книжного, терминоло-

гического употребления. Ср.: *Селена* (богиня Луны) — *селеноцентрический*, *селенография*, *селенология*, *селенолог*.

Проследим на двух-трех примерах взаимосвязь лексического, синтаксического и ассоциативного планов. Космические события и информации о них дают в этом отношении интересный материал.

Вернемся к слову *космический*[1]. Как понимать сочетание *космическая плавка*? Это плавка, которая проводилась в космосе, или это плавка металла для нужд космонавтики? Вопрос был задан «Литературной газетой», которая стремилась оберечь нормы русского литературного словоупотребления (1971, 19 мая). Прилагательное *космический* — относительное и предлагаемое толкование сочетания *космическая плавка* обусловлено именно этим основным значением слова *космический*. Это же значение позволило образовать целый ряд новых словосочетаний — научных, технических (*на космических высотах*) и образных (*космические близнецы* — о космонавтах, побывавших в космосе в совместном полете). Можно отметить, как в пределах относительного прилагательного варьируется значение *космический* — 'относящийся к космосу (в космосе, для космоса), характеризующий космос' и т. п. На основе относительного значения, связанного с самим понятием к о с м о с, вырастает переносное качественное значение — *космический* — 'большой, огромный по размерам, масштабам' и т. п.

Л. В. Щерба еще в 1936 г. в докладе «О второстепенных членах предложения» обратил внимание слушателей на различие семантико-функциональных особенностей прилагательных в сочетаниях: *книжная торговля*, *счастливые слезы*, *пожарная тревога* и, наконец, *пивной вкус* и *пивная бутылка*. В сочетании *пивной вкус* определение *пивной* означает 'вкус как у пива', а в сочетании *пивная бутылка* — 'бутылка из-под пива', т. е. 'бутылка определенной формы'. По сравнению с определением *железный* в сочетании *железный гвоздь* ('сделанный из железа') определение *пивной* (вкус) и *пивная* (бутылка) значит совсем иное: «здесь, конечно, какой-то семантический скачок»,— замечает Л. В. Щерба[2].

---

[1] См. стр. 17—19.

[2] Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 98.

Определение уточняет лексическое значение определяемого, расширяет его или суживает (*марсианские сутки, лунный день, искусственный спутник*). Синтаксическое единство «определение+определяемое» может оказаться промежуточным звеном на пути дальнейшего развития лексического значения определяемого (*искусственный спутник→спутник*), создает возможности модификаций в значении определения (*космический*).

Мы проследили взаимодействие лексического и синтаксического планов в образовании новых словосочетаний и формировании новых значений. Но это взаимодействие лексики и синтаксиса обусловлено культурно-историческими факторами: связью слова с исторически сложившимися традициями, языковым узусом поколений, потребностями текущего дня, общества. Все эти, казалось бы, неязыковые моменты также обусловливают смысловые движения слов, тот или иной «семантический скачок».

Появившееся в печати сочетание *космические близнецы* (В космосе двое. М., 1962, стр. 148) имело синонимические параллели: *небесные братья* (там же, стр. 25) и *земные братья* («Огонек», 1962, № 34, стр. 31). Но вскоре происходит как бы экспрессивное переключение на иной образ — звезду: «Вот и сбылось то, о чем ты мечтала, первая сестра *звездных братьев*» (Летящие среди звезд... М., 1963, стр. 48). Быстро расширяется сочетаемость прилагательного *звездный* в этом образном значении: «*Звездный город*», «*Звездный городок*» — городок космонавтов (там же, стр. 47); «*Звездная эскадрилья*» (М., 1969) о советских космических кораблях в совместном полете и др. Чем же можно объяснить такую смену образных ассоциаций?

Определение *космический* привычно ассоциируется с космосом или по сложившейся и вновь ожившей традиции — с качественной оценкой (величины и т. п.). *Небесный* и *земной* — антонимы в языковом узусе, унаследованном от эпохи романтизма (*земной* — низменный; *небесный* — идеальный, одухотворенный), а также от религиозных верований (*земной* — греховный; *небесный* — безгрешный, божественный: *силы небесные*, *пища небесная*). В современных сочетаниях слова *небесные* и *земные* (братья)попадали в синонимический ряд. Но соотнесенность с *космосом* и именем планеты *Земля* угасала под грузом прошлых осмыслений.

Определение *звездный* — (первое значение — относительное: *звездный свет*, *звездное скопление*) — было введено

в терминологию космонавтики еще К. Э. Циолковским: *звездный домик* в значении 'искусственный спутник'. Здесь *звездный* имеет значение сравнительное 'подобный звезде'. С выходом человека в космос, т. е. в *звездный мир*, возникают экспрессивные сочетания: *звездные братья*, *звездная эскадрилья* и т. п. Во всех этих сочетаниях прилагательное *звездный* уже имеет значение, хотя и близкое к первоначальному относительному, но заметно меняет, варьирует ассоциативные связи — мир космоса, мир звезд, счастливых звезд (*родиться под счастливой звездой*): «... родилась под счастливой звездой» (Летящие среди звезд... М., 1963, стр. 36—38). Переход от прямого отношения к опосредствованному в слове *звездный* выдвигает качественное оценочное значение — *звездный час*, *звездный миг*: «Этот исторический подвиг Рублева, этот *звездный миг*, с которого, собственно, и возникает в русском искусстве ...мощная, светлая струя гуманизма» («Комсомольская правда», 1971,25 дек.).

Изучение планеты *Марс*, широкая научная и техническая информация как бы втянули в свой круг собственное имя, терминологизировали его. Все это лишает имя былой эмоциональной выразительности. Но язык как бы возмещает потери, выдвигая постоянный образный синоним,— *красная планета*: «...характер взаимоотношений *Марса* и солнечного ветра, натекающего на планету, очень интересен, так как у *красной планеты* нет заметного магнитного поля...» («Комсомольская правда», 1971, 8 дек.); «Нынче пришла очередь Марса — *красная планета* стала лабораторией...» (там же). Цветовое определение издавна сопровождало Марс: «*Кровавая звезда* на темном небе с древних лет была олицетворением бога войны...» («Правда», 1971, 9 янв.). А вот строки из В. Брюсова: «...сверкает и зовет *багряная звезда*... Марс, давний старый друг! Наш брат! Двойник наш *алый*!» Сохраняя цветовой образ, современное экспрессивное наименование Марса уже избегает научной неточности: *Марс — красная планета*, не *звезда*.

В лексической системе, как на шахматной доске, движение одной «фигуры»-слова меняет расположение других. При этом наблюдается зависимость от лексического значения слова и живых этимологических связей (*приземлиться*), сферы функционирования и социально-исторических ассоциаций (*земной*, *небесный*), стилистической окраски (*примарситься*).

* * *

I. Наблюдая группу «космических» слов, нельзя не прийти к выводу, что в данном случае в лексике находит свое выражение тенденция дифференциации новых реалий и явлений. Логика подсказывает пути формирования новых наименований. Чаще всего это новообразования по аналогии (*космодром*, *космонавт*, *космик*, *приводниться*, *прилуниться*) или функциональные переосмысления (*спутник*, *перигей*, *апогей*). Но и в сфере чисто научных понятий возможны образные представления и осмысления (*виток* — 'оборот').

Из старых морфем на основе ассоциативных аналогических связей «строятся» новые слова (*ребята* — *космонята*, *спутник* — *лунник*).

В словотворчестве, в возникновении неологизмов по закону аналогии отдельные морфемы закрепляют свои обобщенные значения, обретают большую самостоятельность и как бы обусловливают сознательный процесс словообразования, ср.: *космонавты* — *космики* — *космонята*; *космонавт* — *селенавт* — *селенит*; *приземлиться* — *прилуниться*; *приводниться* — *примарситься* и т. п.

II. Ассоциативные связи позволяют переосмыслить и старые слова. Движение семантики слова совершается не всегда прямо. Различные внешние ассоциации отбрасывают слово к исходному этимологическому значению (*орбита*), придают ему новые оттенки значения (*перигей*).

Возвращаются к жизни в новом осмыслении давно забытые слова (*земляне*).

III. Разные пути ведут к полисемии. Новое значение может возникнуть и существовать только в словосочетании (*мягкая посадка*). Словосочетание в формировании полисемии выступает и как промежуточное звено (*искусственный спутник*>*спутник*). Возникают новые оттенки значений в новых атрибутивных сочетаниях (*космический корабль*), развивается полисемия (*космический*).

IV. Возможно, что один из членов сочетания функционирует как сигнальное слово определенной группы (*космические обитаемые*). Слова и словосочетания, составляя оппозиционные пары, обнаруживают системные связи в лексике (*мягкая посадка* — *жесткая посадка*).

Как видим, с одной стороны, наблюдается стремление дать новое название каждому новому явлению, дифференцировать его лингвистически (ср.: *приземлиться* — *прилуниться*),

с другой — наблюдается стремление с б л и з и т ь ф у н к ц и о н а л ь н о с х о д н ы е я в л е н и я, выявить в них общее. Для наименования в этом случае используются старые слова, развиваются новые значения старых слов.

Так две противоборствующие и одновременно взаимообусловливающие друг друга тенденции — тенденции дифференциации и обобщения по сходству — регулируют процесс словопроизводства и обновления старой лексики.

V. Словарное обогащение идет не только за счет создания новых слов, но и за счет различных о с м ы с л е н и й у ж е с у щ е с т в у ю щ и х.

Если внимательно следить за жизнью слов, то легко обнаружить, как они подвижны, как изменяются. Слово — не застывший символ с раз и навсегда данным одним значением. Новые оттенки значения, новые употребления и стилистические перемещения, новые возможности эмоциональной выразительности или специального, терминологического осмысления отмечают «жизненный путь» слова. *Звездный домик* остался в сфере эмоциональных сравнений, аналогично и сочетание *звездные братья* (космонавты, побывавшие в космосе в совместном полете), а *Звездный городок* (городок космонавтов) превращается в топоним. От метафоры к термину идет развитие полисемии в слове *виток*, расходится значение прилагательного *лунный* в сочетаниях *лунная ночь* (на Земле) и *лунная ночь* (на Луне).

VI. Новое слово или новое значение чаще всего входит в язык, когда явление или реалия, им обозначаемая, получает более или менее широкое распространение. Каждое новое слово или значение имеет свою историю.

В языковом творчестве отражаются самые первые «ростки» зарождающихся новых явлений (*звездный домик* — *спутник*; *двигаться в космосе*, *плавать*, *летать*, *витать* и т. п.). Впоследствии язык выберет из множества заготовок то, что окажется наиболее целесообразным, жизненным, наиболее точно отражающим само явление.

Лексическая система демонстрирует способность к непосредственному отражению неязыковых явлений и фактов. Жизнь и история народа как бы входит в наш язык и оставляет в нем свои следы — новые слова, новые значения и осмысления старых слов.

ГЛАВА II

Устойчивые и временные заимствования

1

Развитие международных отношений, общение — экономическое, политическое или культурное — между разными народами отражается в лексике языков этих народов. Роли и значению этого явления посвящено не одно исследование, не раз разгорались и горячие споры: в оценке заимствованной лексики не было более или менее единого мнения[1].

Критическое отношение к заимствованному слову, умение определить функцию этого заимствования позволяет найти правильный ответ на вопрос о «своем» и «чужом» в родном языке.

Постараемся на отдельных примерах раскрыть функциональную роль заимствованных слов, очертить круг употребления, а следовательно, определить значение иностранного слова и степень его ассимиляции русским языком.

Новые реалии и явления, возникающие в одном языковом коллективе, могут «перекочевать» в другой или другие языковые коллективы. Вместе с ними «кочуют» их имена-названия.

Заимствование реалии происходит не всегда. Другой язык может усвоить только понятие, дав соответствующую оценку новому явлению.

Возьмем сначала три слова: свое — *капустник* и чужие — *хеппенинг*, *стриптиз*.

Веселое слово *капустник* возникло в русском быту. И хотя *капустник* «живет» сейчас среди молодежи, студенчества, возраст у него уже достаточно солидный. Проследим его историю.

---

[1] См., например, обобщающий труд: Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.— Л., 1965, гл. 1 «Лексические заимствования в русском литературном языке 1830—1890-х годов», в частности стр. 43—58, 173—179.

Капустник рождался дважды: сначала это было крестьянское слово, потом — актерское, теперь же оно стало общелитературным.

В народе существовал старый добрый обычай — *капустник* или *капустница* — время рубки капусты, когда приглашаются соседи и знакомые (чаще девицы), которые рубят капусту, поют песни и угощаются. «*Капустницею* называется, как всякому известно,— добавляет один из знатоков русского языка,— время рубки капусты, бывающее обыкновенно не позднее 1-го октября». Академический словарь (1908) свидетельствует: «Каждому известно — где *капустник*, тут и праздник, тут и пир горой». Популярны в русской кухне пироги и пирожки из пшеничного или ржаного, ячневого теста с начинкой из капусты свежей или кислой — квашеной: *капустники*, *капустнички*[1].

Капустник — это и традиционный ужин, который «по окончании театрального сезона повсеместно давался директором труппе»[2]. Как возник в актерской среде этот традиционный ужин и почему он назывался *капустник*?

Капустники устраивались в первый понедельник великого поста (семь недель перед религиозным праздником — пасхой). Время это было наиболее подходящее для «веселых вечеров» и диктовалось соображениями профессионально-бытового характера: в великий пост, по законам Российской империи, театральная жизнь должна была замирать, и семь недель актеры вынужденно бездействовали. Были знаменитые *капустники*, например в Петербурге — варламовский: «Варламов собирал «актерскую братию», чтобы повеселиться, забыть о всяческих горестях и не думать о печальных перспективах ... Все самое талантливое и знаменитое из мира искусств бывало обязательно на *капустниках* у Варламова»[3]. Название свое *капустник* получил от традиционных великопостных блюд — капусты квашеной и пирогов с капустной начинкой.

В Москве *капустники* организовывало «Общество искусства и литературы», а также Московский Художественный театр (с 1902 г.). *Капустники* МХТ завоевали огромную

---

[1] Картотека Ленинградского отделения Института русского языка Академии наук СССР.

[2] Н. И. Собольщиков-Самарин. Записки. Горький, 1940, стр. 89.

[3] См.: М. И. Велизарий. Путь провинциальной актрисы. Л.— М., 1938, стр. 45.

популярность, и в 1910 г. 9 февраля состоялся первый платный *капустник* (в пользу особо нуждающихся артистов театра). Это были вечера веселой пародии и шутки. «Ночь перед *капустником* преобразовывала до неузнаваемости весь театр. Все кресла партера выносились, и на их место ставились столы, за которыми публика ужинала»[1]. *Капустник* стал формой «профессиональных» вечеров. Так, журнал «Синефоно» (1913, № 12, стр. 22) отметил первое собрание-*капустник* синематографических деятелей в ресторане «Прага»:

Прекрасный ужин — кино-ужин...
А эти речи — кино-речи...
Тут делегаты всех течений...
Объединила всех *капуста*,
И так да будет веселей!

Возник даже глагол *капустничать* — 'справлять капустник' (Академический словарь русского языка, 1908; Картотека Ленинградского отделения Института русского языка Академии наук СССР).

Капустники популярны и в наше время. Праздники, юбилеи, студенческие каникулы отмечаются *капустниками*. Это один из видов художественной самодеятельности. *Капустники* носят обычно дружески-сатирический характер, злободневны, как правило, основаны на событиях института, школы, театра — своего предприятия или учебного заведения: «Следующие эпизоды *капустника* изображали работу редколлегии, совещание клубного совета, распределение путевок и другие сюжеты из жизни института и общежития»[2]; «... тот факт, что к любому экзамену они (студенты) начинают готовиться за 2—3 дня, известен не только из многочисленных *капустников*» («Советская культура», 1968, 25 мая).

Каким должен быть *капустник* по своему характеру, писали в газете «Советская культура»: «... *капустник*, где, как говорится, сам бог велел подурачиться... А главное, в *капустнике* и пяти минут «не прожить» без остроумия, изящества, легкости, непринужденности» (1968, 9 апр.).

---

[1] К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М.— Л., 1948, стр. 489—495, гл. Капустники и «Летучая мышь».

[2] Ю. Трифонов. Студенты. «Новый мир», 1950, № 10, стр. 171, гл 14.

Капустник — это самодеятельный спектакль, веселый, острый, на злобу дня, это и праздничный ужин, вечеринка[1]. Время проведения *капустников* теперь уже не ограничено каким-либо одним днем, а когда-то традиционная капуста — более не «гвоздь» стола, даже и не появляется на столе. Но неизменным осталось название — *капустник* и характер этого развлечения — злободневный, дружеский, рассчитанный на свою особую аудиторию, вовсе не обязательно артистическую. Если же *капустник* организован артистами и об этом хотят сообщить, то добавляется определение *артистический*, *актерский*. Так, Сергей Юрский, создатель кинообраза Остапа Бендера, вспоминает: «Десять лет назад, в новогоднюю ночь, я впервые играл роль Остапа Бендера... Это был веселый *новогодний актерский капустник*» («Советская культура», 1969, 1 янв.). Заметим, что первый *новогодний капустник* был устроен по желанию А. П. Чехова в Московском Художественном театре при встрече нового 1903 года.

В какой-то степени значение слова *капустник* своеобразно отразилось в исходном *капуста*. Ср.: «... объединила всех *капуста*, и так да будет веселей!» Интересно в этом смысле и название сборника сатирических басен Феликса Кривина «Вокруг *капусты*» (М., 1960).

А что такое *хеппенинг*? — Нечто вроде наших капустников. Так однажды оценил журнал «Огонек» (1967, № 28, стр. 16) это новое театрализованное зрелище, появившееся во многих странах Запада.

В середине 60-х годов на страницах газет замелькало новое слово *хеппенинг*, пришедшее из английского языка, где оно возникло несколько ранее: в конце 50-х — начале 60-х годов в театральном лексиконе США прозвучало слово *хеппенинг*. «Суть этого новшества сводилась к тому, что зрителю показывалась серия разорванных, без всякой связи между собой действий. Отсюда и само слово *хеппенинг* — «случайность действия» («Советская культура», 1966, 12 июля). А месяцем раньше «Советская культура» посвятила целую статью этому театральному направлению: «Снова *хеппенинг*».— «Речь идет о пресловутом *хеппенинге* (от английского слова *to happen* — 'случаться, происходить') или театре свободного выражения, о котором наша газета

---

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 5. М.— Л., 1956, стлб. 794.

впервые поведала читателям два года назад, вскоре после первого фестиваля этого «искусства»...» («Советская культура», 1966, 7 июня). Полагают, что первые *хеппенинги* демонстрировались в Японии, затем появились в США, Латинской Америке и Европе, но, возможно, это была одновременная вспышка нескольких очагов нового вида «искусства».

Можно ли *хеппенинг* назвать искусством? Жан-Поль Сартр, французский философ и писатель, перечисляет все, что может характеризовать *хеппенинг*. Это модное явление, условносимволическое (например, как намек на самосожжение буддийских монахов на эстраде сжигают сотни бабочек). *Хеппенинги* разыгрываются на улицах, в общественных местах. Это так называемые импровизации, призванные заполнить пропасть между автором и зрителями. Но «искусства здесь попросту нет» («Литературная газета», 1967, 1 февр.).

В уже упоминавшейся публикации из «Огонька» описывается *хеппенинг* в одном из студенческих клубов в Осло: «Сегодня здесь будет так называемый *хеппенинг*, то есть импровизированное театрализованное действо, в котором могут принимать участие все желающие... Демонстрируется кинохроника, кто-то карабкается по лестнице, кто-то играет в бадминтон... Довольно бессмысленно и скучно».

Хеппенинг — это не только «театральное» явление. Есть поклонники этого направления и в области живописи: парижская художница Марта Минуджен устроила публичное аутодафе в присутствии представителя газеты «Combat», сжигая на улице старый хлам. Это — «*хеппенинг*, произведение искусства как нечто происходящее, своего рода живые картины» («Коммунист», 1966, № 12, стр. 99).

Вслед за существительным *хеппенинг* в язык публицистики вошло и его производное — *хеппенер*: «...художник и поэт Жан-Жак Лебель, известный *хеппенер* (как-то неловко называть словом «режиссер» организаторов зрелищ, о которых пойдет рассказ ниже)» («Советская культура», 1966, 7 июня).

Оба слова — *хеппенинг* и *хеппенер* — подчинились системе русского словоизменения: «... *хеппенингов* и его толкований существует столько же, сколько самих *хеппенеров*» («Советская культура», 1966, 7 июня); «Во время одного из подобных «*хеппенингов*» Джун Пейк бросал в публику горох, покрывал лицо мыльной пеной...» («Коммунист», 1966, № 12, стр. 99); «...теоретик *хеппенинга*...» («Культур-

но-просветительная работа», 1966, № 9, стр. 52—53); «Изобретатель *хеппенинга* Аллен Кэпроу заставляет зрителей-участников... сооружать забор... Пьеса называется «Сверхурочные» («За рубежом», 1968, № 36, стр. 31).

Хеппенинг — это результат восприятия всего, что есть в мире, как «текучего и случайного». Это и критическое отношение к окружающей капиталистической действительности при одновременном неумении или нежелании бороться с ее пороками. Это и поиски новых форм в искусстве, но обычно лишенные ясной цели.

Хеппенинги получили настолько широкое распространение, что стали определенным символом современного модернизма, а само слово *хеппенинг* вошло в политический жаргон («Коммунист», 1969, № 16, стр. 110). *Хеппенинг* не ограничивается миром искусства, он имеет определенное значение и в мире политики: для многих молодежных группировок Запада, особенно выходцев из мелкобуржуазных слоев, *хеппенинг* едва ли не единственное средство общения, «шоковая терапия», лечащая от всех социальных бед (см., в частности: «О провотариате[1], хеппенинге и буржуазности, вывороченной наизнанку». «Советская культура», 1969, 11 и 13 нояб.).

Употребление слов *хеппенинг* и *хеппенер* и других производных ограничено специальной и критически-публицистической речью. Слова эти выделяют новое явление и помогают разобраться в нем. Ср. *хеппенинг* в ряду таких слов, как *театр*, *эстрада*, *концерт*, *живые картины*, *капустник*. «Раскрытая» внутренняя форма нового слова делает «прозрачным» название неизвестного ранее явления: *хеппенинг* — 'случайное действие'. Тем самым чужое слово становится именем-характеристикой.

Слово *стриптиз* — горестное. Появилось оно в русском языке сравнительно недавно. Чужое слово называло горестное явление чуждого нам мира. В русском языке оно получило еще и оценочное осмысление, и как слово-характеристика определенного действия входит в нашу речь и литературу. Расскажем историю этого слова.

Идет фильм «Доживем до понедельника» (из жизни советских учителей и школьников). Эпизод в классе. Урок литературы. Ученики пишут сочинение о счастье. Взгляд

[1] *Провотариат* от *прово* — сокращение фр. *provocateur* 'провокатор' — *provocation* 'провокация'. Так называют свои демонстрации протеста участники этого социального движения.

учительницы случайно падает на тетрадь одной из учениц. Учительница задерживается, читает и... глаза ее расширились, брови взметнулись вверх: «Это *душевный стриптиз*!» Для учительницы *стриптиз*, а для ученицы — искренний рассказ о счастье, ее счастье, о котором она еще только мечтает,— быть женой и матерью. Непонимание между учительницей и ученицей подчеркнуто словом *стриптиз*. Моя соседка справа тихонько переспрашивает своего спутника: «*Душевный стриптиз?*» В ответ неясное междометие. Оба не поняли этот удачный словесный образ — 'обнажать свой внутренний мир, душу'. А между тем слово *стриптиз* уже известно русскому языку, встречается в определенных контекстах в печати, и прежде всего в газетах: «Гвоздь сезона» — приезд новой «артистки» из Южного Вьетнама для участия в представлении *стрип-тиз*» («Советская культура», 1962, 26 апр.); «... в фильме Блазетти «Европа ночью» было несколько кадров о входившем тогда в моду «*стриптиз*» — спектакле с раздеванием» («Советская культура», 1964, 9 июля).

Как видим, в эти годы (1962—1964) американизм *стриптиз* в русском языке не имел закрепленной орфографии (*стрип-тиз — стриптиз*), не склонялся («о входившем тогда в моду «*стриптиз*»). Слово требовало пояснений — представление, «спектакль с раздеванием».

Американские словари так раскрывают значение слова *стриптиз* (*strip tease*): «зрелище — 'медленное раздевание женщин под музыку» (буквально — 'сдирать, снимать, раздеваться, обнажаться+дразнить'). Участниц этого спектакля называют *strip'teaser* или *stripper*. Иллюстративный материал датирован уже 1941 г.[1].

Это зрелище, жалкое и тягостное, описал советский поэт Андрей Вознесенский в стихотворении «Стриптиз»:

В ревю
    танцовщица раздевается, дуря...
Реву?
Или режут мне глаза прожектора?
Шарф срывает, шаль срывает, мишуру,
Как сдирает с апельсина кожуру.
А в глазах тоска такая, как у птиц.
Этот танец называется *стриптиз*...[2]

---

[1] Joseph A. Weingarten. An american dictionary of slang and colloquial speech. New York, 1954, p. 347.

[2] Андрей Вознесенский. Стриптиз. «Знамя», 1962, № 4.

В тревожном и отчаянном ритме знаменитого нашего «Камаринского» описано это новое развлечение капиталистического мира. Явление, вызывающее и протест и жалость.

А теперь вспомним эпизод из фильма «Доживем до понедельника». Если учительница искренний порыв 16-летней девчонки — быть предельно правдивой — называет *душевным стриптизом*, то может ли возникнуть понимание между нею и ее же учениками? Так вырастает стена непонимания. В подобном контексте этот американизм — не пустой словесный выверт, а слово-сигнал разных точек зрения на один и тот же поступок.

В русском языке слово *стриптиз* закрепилось в слитном написании. Оно подчиняется системе склонения: «Объединение защиты зверей (ФРГ) предъявило обвинение танцовщице *стриптиза* Кримгильд Зарине в том, что она мучает зверей» («Советская культура», 1968, 13 февр.). Известно русскому языку и производное *стриптизер*: «... бездельники с толстыми кошельками развлекаются в обществе девиц-*стриптизеров*» («Комсомольская правда», 1968, 10 июля). Существует в русском языке и собирательное употребление существительного *стриптиз* в значении 'исполнительницы представления': « — А производственные простуды?» — *стриптиз* бастует. « — А факты творческого зажима? — Не обнажимся!» (А. Вознесенский. Забастовка *стриптиза*. «Литературная газета», 1967, 23 марта). Возникло на русской почве и прилагательное *стриптизный*: «По установившейся традиции на рождество в Южный Вьетнам с музыкально-*стриптизной* труппой... прибыл «патриот» — весельчак Боп Хоуп» («Советская культура», 1967, 30 дек.). Ср. также: «*стриптизный* клуб» («Неделя», 1963, № 50); «*стриптизная* лирика» («Известия», 1964, 31 мая).

Слово *стриптиз* (подобно *кино*, *опера*) означает не только 'зрелище-представление', но и 'театр, где происходят эти представления'. Ср. строки из «Баллады о двух влюбленных» Инны Кашежевой к спектаклю, созданному в Московском театре им. Н. В. Гоголя по киносценарию Марселя Карне «Обманщики»:

Отмени все *стриптизы* и скачки,
Отмени все бокалы вина
Ради этой стотысячной сказки...

Или: «Мюзик-холлы, кафе и *стриптизы* открыты до рассвета» [1], «Но это не был Кингкросс. Ни кабаре, ни *стриптизов*, ни ревю...» [2]

Стриптиз — это название чуждого нам явления, которое с такой силой осуждения описал А. Вознесенский. И само явление и вкусы капиталистического общества получили в нашей прессе заслуженную, резко отрицательную оценку. Такое отношение к новому «развлечению-представлению», обозначаемому словом *стриптиз*, позволило несколько переосмыслить американизм, придать ему особую окраску — оценочную: или осуждающе-критическую *(душевный стриптиз)*, или ироническую. И именно это последнее осмысление находим мы в стихотворении Евгения Евтушенко «Жара в Риме» [3]:

Коровы на лугах протухли,
На небе Млечный Путь прокис.
Воняют люди и продукты.
Спасенье — массовый *стриптиз*!
Не превращайтесь, люди, в трупы,
Не бойтесь девственной красы.
Одежду носят только трусы!
Снимайте радостно трусы!

Три слова — *капустник*, *хеппенинг*, *стриптиз* — означают ‘представление, спектакль, зрелище, импровизация, развлечение’. Но как различны их истинный смысл и социальная окраска! История каждого из этих слов отражает историю того общества, в котором они зародились.

2

Сравнительно новые в русском языке слова *турне* и *круиз* вступают в разнообразные отношения с рядом слов *путешествие* — *поездка* — *вояж*, давно известных литературному языку. Интересно, что и старое заимствование *вояж* в современном русском подверглось переосмыслению.

---

[1] П. Сажин. Мерси, Мсье Пари. В сб.: «День приезда — день отъезда — один день». М., 1965, стр. 13.
[2] Д. Гранин. Месяц вверх ногами. «Знамя», 1966, № 1, стр. 205.
[3] Евгений Евтушенко. Жара в Риме. «Юность», 1966, № 1.

Вокруг древнерусского существительного *путешествие* постепенно стало группироваться все больше и больше слов: *путешествие — странствие — поездка — вояж — турне — круиз*. И. И. Срезневский поясняет *путешествие* (*пѫтошьствиѥ — пѫтьшьствиѥ — пѫтишьствованиѥ*) словом *странствие*[1]. Словарь современного русского литературного языка толкует его как «‘поездка или передвижение пешком, обычно далеко от своего постоянного местопребывания’»[2].

Между этими двумя фиксациями слова *путешествие* располагается целый ряд словарных статей[3]. Прежде всего, отметим, что значение существительного *путешествие* не совсем адекватно *поездка* или *передвижение пешком*. *Путешествие* и его производные имеют свои достаточно яркие семантические признаки, особенно ощутимые в разговорном стиле речи. Вот какое толкование дает словам *путешествие*, *путешественники*, *путешествовать* В. А. Сологуб в своей повести «Тарантас»:

«Когда *путешественники* выехали за заставу, между ними завязался разговор:

— Василий Иванович!

— Что, батюшка?

— Знаете ли, о чем я думаю?

— Нет, батюшка, не знаю.

— Я думаю, что так как мы теперь собираемся *путешествовать*...

— Что, что, батюшка... Какое *путешествие*?

— Да ведь мы теперь *путешествуем*.

— Нет, Иван Васильевич, совсем нет. Мы просто *едем* из Москвы в Мордасы, через Казань.

— Ну, да ведь это тоже *путешествие*.

---

[1] См.: И. И. Срезневский. Материалы для древнерусского языка по письменным памятникам, т. 2. СПб. 1902, стлб. 1735, 1740.

[2] Словарь современного русского литературного языка, т. 11. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1961, стлб. 1749.

[3] См., например: Словарь Академии Российской, ч. III. СПб., 1792, стлб. 211—212: «*путшествую* и *путешествую*... 1) иду в дороге... 2) странствую, хожу или ежжу по отдельным странам... *Путешествованіе*, *-нія*, с. ср. *странствованіе*»; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. V. СПб., 1822, стлб. 737: «*путешествие* — 1) странствование по отдаленным местам своего отечества или по чужим краям, землям... 2) сочинение, содержащее в себѣ описание всего того, что узнано, открыто кем или примечания достойного где-либо найдено...»; Словарь церковнославянского и русского языка, т. III. СПб., стр. 580: «*путешествие* — 1) езда или ходьба по разным странам... 2) книга, содержащая в себе рассказы путешественника...»

— Какое, батюшка, *путешествие*. *Путешествуют* там, за границей, в неметчине; а мы что за *путешественники*? Просто — дворяне, *едем* себе в деревню.

— Ну, да все равно. Так как мы *отправляемся в дорогу*...

— А, вот это, пожалуй»[1].

Интересно, что автор называет Василия Ивановича и Ивана Васильевича *путешественниками*. Иван Васильевич, долго живший за границей, не чувствует поначалу разницы между словами *путешествовать — ехать домой* или *отправляться в дорогу*. Только для Василия Ивановича эго слова различные, нетождественные, неравные: *путешествие* — это не простая поездка из Москвы к себе домой. *Путешествие* имеет определенную цель — развлекательную, деловую, познавательную. Именно на этом оттенке значения выросло второе осмысление слова *путешествие* — жанр художественной или научной литературы, содержащей географические и этнографические сведения, описание впечатлений и размышлений автора и т. п.[2], произведение этого жанра (см. «*Путешествие* из Петербурга в Москву» Радищева).

Уже в допушкинские времена стилевым синонимом *путешествия* стало заимствованное из французского языка *вояж*. Это слово отметил Н. М. Яновский в своем «Новом толкователе» 1803 г.: *Вояж* — «фр. Путешествие, дорога, путь, предприемлемый с одного в другое отдаленное какое-либо место сухим путем или морем от праздности, по собственным делам или для приобретения полезных сведений»[3].

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля не дает никаких специальных осмыслений или помет к слову *вояж*. *Вояж* у Даля — это 'путь, путешествие, путничанье, путина, перепутье, подорожье, дорога, езда, странствие, поездка, разъезды, отъезд'[4]. В. И. Даль начал составлять свой словарь в 20-е годы XIX в., первый выпуск словаря (А—З) был опубликован в 1863 г. Между тем в шутливо-сатирических стихах и каламбурах современников В. И. Даля (Козьма Прутков, Мятлев и др.) намечается

---

[1] В. А. Соллогуб: Тарантас. В сб.: В. Соллогуб. Повести и рассказы. М.— Л., 1962, стр. 167—168.

[2] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 11. М.— Л., 1961 стлб. 1749.

[3] Н. М. Яновский. Новый словотолкователь, ч. I. СПб., 1803, стлб. 491.

[4] См.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, ч. I. М., 1863, стр. 224.

ироническое употребление слова *вояж*, уже не столько стилевого, сколько стилистического синонима к слову *путешествие*[1]. Вот один пример из «Мыслей и афоризмов» Козьмы Пруткова: «Даже летом, отправляясь в *вояж*, бери с собой что-либо теплое, ибо можешь ли ты знать, что случится в атмосфере»[2].

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова отмечает (1934) только иронично-шутливое значение *вояж*: (шутл. ирон.) 'Путешествие, поездка'. Но заметим, иллюстративный материал, раскрывающий употребление и значение слова в тексте, взят из литературы XIX в. (Козьма Прутков и Мятлев)[3].

Четырехтомный Словарь русского языка (1957) снабжает *вояж* пометой «устарелое»[4]. Такой же пометой сопровождает *вояж* и Словарь иностранных слов (1964): «*вояж*, фр. *voyage* — уст. 1) путешествие; 2) деловая поездка коммивояжера»[5].

Словарь современного русского литературного языка, подготовленный к печати более чем через 20 лет после Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, опускает к слову *вояж* и помету «иронично-шутливое», и помету «устарелое»: «*вояж*, *а*, м. Путешествие, поездка»[6].

Между тем заимствованное существительное *вояж* сохраняется в современном русском языке в ироничном, иногда шутливом значении. Если обратиться к современной литературе, и в первую очередь к публицистике, то *вояж* употребляется в текстах ироничного, критического, «осуждающего» содержания. Ср., например: «Провокационный *вояж*.— В программу очередного *вояжа* Любке в Западный Берлин входит и ряд других демонстративных шагов...» («Известия», 1965, 9 июля); «Ясно, что сайгонский временщик собирается не просто расточать благодарственные улыбки... Можно вспомнить его августовский *вояж* в Манилу, ускоривший отправку в Южный Вьетнам филиппинских солдат» («Комсомольская правда», 1966, 27 дек.); «... пра-

---

[1] Разграничение стилевых и стилистических синонимов см.: Р. А. Будагов. Введение в науку о языке, изд. 2. М., 1965, стр. 62—64.

[2] Козьма Прутков. Полн. собр. соч. М.— Л., 1949, стр. 119.

[3] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. I. М., 1934, стлб. 383.

[4] Словарь русского языка, т. 1. М., 1957, стр. 285.

[5] Словарь иностранных слов. М., 1964, стр. 137.

[6] Словарь современного русского литературного языка, т. 2. М.— Л., 1951, стлб. 751.

вительство США финансирует и поддерживает диктаторские режимы. Об этом ... красноречиво свидетельствует недавний *вояж* в Латинскую Америку помощника государственного секретаря по латино-американским делам Линкольна Гордона ...» («Правда», 1966, 29 дек.); «*Вояж* японского генерала» — о таинственном визите генерала Мута в США («Известия», 1967, 9 янв.).

Вояж — слово стилистически окрашенное, в современном русском языке круг его употреблений очерчен острокритическими, ироническими текстами, чаще всего на политические темы. Но возможно и шутливое осмысление, без уничижительного оттенка. В таких случаях *вояж* синонимично нейтральным *поездка*, *путешествие*, возможно *визит*. В этом синонимическом ряду *(поездка — путешествие — визит — вояж)* дифференцирующим признаком слова *вояж* является шутливая окраска. Приведем несколько примеров: «Очень радостно читать письма, приходящие к нам в Якутск, в Ленское речное пароходство. Учителя и врачи из Москвы, рабочие «Уралмаша», ленинградцы спрашивают: можно ли совершить туристическую *поездку* по Лене? Ведь это значит, что наш далекий край стал близким, это значит, что люди у нас стали богатыми — им «по карману» такой *вояж!*» («Известия», 1963, 16 мая); «Советские хоккеисты закончили победный *вояж* за океан. И вот теперь они ждут ответного *визита* своих канадских и американских коллег» («Неделя», 1964, 5—11 янв., стр. 3). Ср. также рассказ о старом судне «Смольный»: «Суда эти называли в шутку «рысаками» ... не мы на рысаках катаемся, а они нас заездили. Каждую зиму миллионы ухлопываем на ремонт...» Но вот судно реконструировали, модернизировали, и, «совершив почти кругосветный *вояж* на Дальний Восток, «Смольный» благополучно плавал там почти двадцать лет» («Известия», 1967, 19 янв.). В этом контексте ироничное *вояж* поддерживает шутливый тон рассказа, уже созданный сравнением *судна* с *рысаками*, эмоционально-разговорным *ухлопать миллионы*[1].

Отметим, что в последнем примере слово *вояж* близко не только существительному *путешествие*, но и *круиз* — 'морское путешествие' (англ. *cruise*)[2]. Но слово *круиз* нельзя назвать синонимом *вояж*, хотя в некоторых случаях

[1] См. также интересную заметку Л. П. Крысина о слове *вояж* в сб.: «Вопросы культуры речи» (вып. 7. М., 1966, стр. 195—198).

[2] Словарь иностранных слов. М., 1964, стр. 345.

они и могут быть взаимозаменяемыми. Существительное *круиз* вошло в русский язык с точным и узким значением — 'морское путешествие', обычно по определенному замкнутому маршруту: «*Морское путешествие* только что началось. Впереди плавание по Средиземному морю, заходы в Грецию, Италию, посещение шести стран Африки. Закончится *круиз* в столице Гвинеи Конакри. В обратный рейс теплоход «Армения» отправится 12 апреля...» («Известия», 1966, 16 марта); «*Круиз* мира. У причала Лондонского порта отшвартовался советский теплоход «Башкирия». Мы — 270 английских сторонников мира — стали его пассажирами. Маршрут *круиза* мира таков: Копенгаген — Росток — Хельсинки — Ленинград — Стокгольм — Гданьск» («Вечерняя Москва», 1965, 30 авг.); «*Путешествие* было организовано шведскими компаниями, которые зафрахтовали это судно. За три недели *круиза* наш теплоход побывал почти в десяти портах — в Дании и Касабланке, в мавританском Порт-Этьене и в портах Мадейры ... Туристские компании, организовавшие *круиз*, провели анкету среди пассажиров... она показала, что туристам понравилась *поездка*» («Известия», 1967, 10 янв.).

Итак, *круиз* — 'морское путешествие по определенному маршруту'. Если мы проанализируем приведенные примеры, то увидим, что *круиз* неоднократно заменяется словами *путешествие*, *поездка*. Но слова эти не синонимичны, так как *круиз* и *путешествие*, *поездка* соотносятся как видовые и родовые понятия[1]. Их взаимозамена и синонимичное употребление возможны только в определенных контекстах, когда нет необходимости в уточнении понятия или когда это уточнение поддерживается всем контекстом, как в приведенных примерах.

Существительное *круиз* уже ассимилировалось в русском языке, подчинилось правилам 2-го склонения (мужской род, окончание на твердый согласный). Ср.: «Старт *круизов*.— С городами Японии познакомились советские туристы во время прошлогоднего *круиза* на теплоходе «Туркмения» («Известия», 1966, 16 марта).

Иностранное по происхождению слово *круиз* не только усвоило парадигму словоизменения, но уже имеет производную форму, возникшую по одному из образцов русских от-

[1] О соотношении родового и видового см.: А. Б. Шапиро. Некоторые вопросы теории синонимов. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», т. 8, 1955, стр. 75.

носительных прилагательных,— *круиз — круизный*: «В *круизном* сезоне этого года стартовала «Армения» («Известия», 1966, 16 марта); «Теплоход «Латвия» вышел из Сочи в *круизный* рейс по Черному морю. На борту судна — школьники, которые во время каникул совершат увлекательное *морское путешествие*: побывают в городах-героях Одессе и Севастополе... Рейс закончится 10 января в Сочи» («Известия», 1966, 4 янв.).

Интересно, что в производном прилагательном яснее проступают значения, развившиеся на русской почве. *Круизный* — это не только 'принадлежащий морскому путешествию' (*круизный* сезон), но и 'определенный, замкнутый, круговой' (маршрут, рейс), 'туристский' (сезон, маршрут, рейс).

Круиз может быть синонимично в некоторых употреблениях другому видовому обозначению специальных путешествий — *турне*: «Сверхскоростной «*круиз*» по Европе.— Это были первые гастроли наших черноморцев в западноевропейских странах. До этого с кораблями Черноморского флота ансамбль многократно бывал с визитами дружбы в социалистических странах» («Советская культура», 1965, 14 окт.). Такое синонимическое употребление *круиз* подчеркивает, что *гастрольная поездка (турне)* была своеобразной — морской.

Теперь остановимся на еще одном видовом наименовании путешествий, поездок — *турне*. Существительное *турне* было впервые зафиксировано нашими словарями в 1937 г., и это было сделано в Словаре иностранных слов[1]. Но употреблялось это слово в русской речи в XIX в., о чем свидетельствуют литературные иллюстрации из произведений А. П. Чехова и А. И. Куприна в Словаре современного русского литературного языка[2].

Турне — заимствование из французского языка (*tournée*). В русском языке имеет два значения: 1) 'путешествие-поездка по круговому маршруту' — *кругосветное турне*, 2) 'поездка артистов или спортсменов куда-либо для гаст-

---

[1] См.: Справочный отдел к слову *турне* в кн.: Словарь современного русского литературного языка, т. 15. М.— Л., 1963, стлб. 1156.

[2] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 15. М.— Л., 1963, стлб. 1156. Отметим, что само слово *турне* (как термин карточной игры) и однокоренные *тур, турнир* были известны в русском языке значительно раньше. См.: Н. М. Яновский. Новый словотолкователь, ч. III. СПб., 1806, стлб. 909.

рольных выступлений' — *гастрольное турне*. Словари иностранных слов отмечают только первое значение, но русские толковые словари — Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова[1] и Словарь современного русского литературного языка — отмечают оба значения.

В современном русском языке наблюдается развитие иронического оттенка в первом значении слова *турне*, которое ранее только намечалось, ср.: «В 1890 году совершил путешествие на Сахалин... В 1891 году совершил *турне* по Европе...» (Чехов. Письмо В. А. Тихонову, 22 фев. 1892 г.); «Выражаясь высоким штилем, вижу, что мое земное *турне* окончено» (Куприн. На покое). Приведем несколько примеров из периодических изданий: «Латиноамериканское *турне* Гордона и Линовица.— Президент Джонсон объявил вчера, что помощник государственного секретаря по межамериканским делам Гордон и постоянный представитель США в ОАР Линовиц отправятся по его просьбе в *поездку* по ряду стран Латинской Америки» («Известия», 1966, 8 дек.); «*Турне* марионетки.— Канцелярия премьер-министра Австралии объявила, что сайгонский премьер Ки 18 января прибудет в Австралию» («Правда», 1967, 10 янв.).

Как видим, по своему употреблению в некоторых политических и социально-этических текстах *турне* синонимично слову *вояж*. В этом жанре оба слова — *турне* и *вояж* приобрели сатирически-ироническую окраску.

Существительное *турне* во втором значении — 'поездка артистов или спортсменов куда-либо для гастрольных выступлений' очень распространено в газетном языке наших дней: «Триумфальное *турне*» — о поездке балета Большого театра по Мексике («Известия», 1966, 14 дек.); «В составе сборной Советского Союза он (Валентин Афонин) дебютировал в 1965 году. Принимал участие в *турне* советских футболистов по странам Южной Америки» («Вечерняя Москва», 1966, 13 янв.); «В *турне* по Канаде хоккеисты второй сборной СССР после трех поражений одержали победу...» («Вечерняя Москва», 1966, 22 дек.); «Сборная СССР по хоккею прибыла в город Корнер-Брук ... где в пятницу поздно вечером состоится ее первая встреча канадского *турне* —

---

[1] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 4. М., 1940 стлб. 831.

с местным клубом...» («Комсомольская правда», 1966, 24 дек.); «Московская хоккейная команда «Крылья Советов» начала свое *турне* по Чехословакии» («Комсомольская правда», 1966, 25 дек.).

Несклоняемое слово *турне* в значительной степени сохраняет свое «иностранное» произношение. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова специально отмечен твердый *н* — *турне* [нэ], а С. И. Ожегов в первом издании Словаря русского языка (1949) отразил особое произношение орфографически — *турнэ*; Словарь современного русского литературного языка (1963) фиксирует *турнэ*, но с отметкой «см. *турне*»[1]. Тем самым утверждается свойственное русскому языку общее написание иностранных слов на *э* (открытое и закрытое): *бебе*, *безе*, *купе*, *кашне*, *плиссе*.

Можно заключить, что все слова ряда *путешествие* — *поездка* — *вояж* — *круиз* — *турне* являются фактом русского языка, но используются они в современном русском языке различно, в соответствии с особой семантикой каждого слова.

Путешествие — *поездка* — *вояж* можно рассматривать как синонимический ряд, в котором каждое слово имеет свою дифференцирующую функцию. Устаревшее слово *вояж* приобрело иронично-шутливую окраску значения и обеспечило себе определенное место в синонимическом ряду. В современном языке *вояж* покидает высокий стиль и получает дифференцирующий признак — «стилистически сниженное».

Круиз и *турне*, являясь видовыми обозначениями специальных путешествий, относятся к ряду *путешествие* — *поездка* — *вояж* как к родовым обозначениям. Но взаимоотношения между этими словами сложны. Несинонимичные значения переплетаются с синонимичными употреблениями: *вояж* — *круиз*, *круиз* — *турне*, *вояж* — *турне*. Синонимичное употребление позволяет ярче выделить дифференциальный признак слова, например, *круиз* — *турне*; в этом случае подчеркивается — гастрольная поездка совершена морем, ‘морская гастрольная поездка’.

---

[1] См.: Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. т. 1. М., 1940, стлб. 831; С. И. Ожегов. Словарь русского языка, М., 1949, стр. 863; ср.: там же, 1952, стр. 754; Словарь современного русского литературного языка, т. 15. М.— Л., 1963, стлб. 1158 и 1156. О произношении иностранных слов см.: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1950, стр. 119, 121.

Сложные переплетения сходных по своему значению слов, взаимоотношения которых еще находятся в становлении, требуют особого внимания. Сходство анализируемых слов иногда заслоняет различие и ведет к ошибочному употреблению: «Министерство морского флота СССР и Государственный Комитет по радиовещанию... собирают на этот вечер всех, кто в прошлом совершал увлекательные морские путешествия, участников *морских круизов*...» («Вечерняя Москва», 1967, 20 янв.); «*Морские круизы* становятся все популярнее среди любителей путешествовать» («Известия», 1966, 16 марта). Если *путешествие* может быть и морским и сухопутным, то *круиз*[1] — специальное обозначение морского путешествия и определение *морской* в этом случае тавтологично.

Вояж и *турне* иногда употребляются как абсолютные синонимы. Различие этих иностранных заимствований кажется неясным, и общее в их значении ('путешествие, поездка' — 'кругосветное путешествие, поездка или поездка по круговому маршруту') сближает и синонимизирует на русской почве два французских по происхождению слова[2].

В анализируемом ряду каждое из слов имеет достаточно яркие специфические (дифференциальные) признаки. Это обусловливает жизнеспособность всего ряда.

Ряд русских слов *путешествие — поездка* первоначально обогатился французскими *вояж*, позднее *турне* и, наконец, английским *круиз*. Тем самым родовые наименования старого ряда *путешествие — поездка — вояж* уточняются рядом видовым: *турне — круиз*. Одновременно возникают стилистические ограничения и переосмысления слов *вояж* (полностью) и *турне* (в определенных контекстах).

3

Развитие международного туризма внесло в русский язык существительное *кемпинг* — 'лагерь автотуристов, лагерь отдыха'. Английское *a camp — to camp* этимологи-

---

[1] Ср.: англ. *cruising voyage* — 'морское путешествие' (The concise Oxford dictionary of current English, 4 ed., 1956, стр. 288).

[2] Ср.: *voyage* — 'путешествие, поездка': *voyage circulaire* — 'круговая поездка'; *voyage d'aller et de retour* — 'поездка туда и обратно'; *tournée* — 'круговая поездка, объезд'. Значение *турне* поддерживается глаголом *tourneer*—'вертеть, поворачиваться, повернуться' (А. П. Редкин. Французско-русский словарь. СПб., 1906, стр. 1167 и 1111—1112).

чески связано с латинским *campus* — 'лагерь'. В том или ином варианте это слово бытует почти во всех европейских языках. Ср. французское *champ* — 'поле', итальянское и испанское *campo* — 'поле, лагерь' и т. д. В английском языке *a camp* — *to camp* означают 'лагерь, временное пристанище путешественников' и 'располагаться лагерем, временно жить'; *a camp out*, *camping-out*; *persons camping-out* — 'ночевать под открытым небом, временно жить без особых удобств'; 'ночующие под открытым небом'[1].

Английские *кемп* — *кемпинг* в значении 'лагерь для автотуристов' проникли во многие языки мира. Писатель Геннадий Фиш, путешествовавший по Дании, обратил внимание на популярность туризма в Европе. Одна из глав его книги «Здравствуй, Дания!» (1959) названа «Километры, мили, *кемпы*». В русском языке распространилась форма *кемпинг*. Сначала слово это употреблялось как иностранное вкрапление в английской орфографии (*camping*), но с непременным русским пояснением: «Останкино, *кемпинг*.— Появился указатель с надписью на английском языке «*Кемпинг*». Вторая строка уже по-русски гласит: «Лагерь для автотуристов». «Ворота Останкинского *кемпинга* гостеприимно распахнуты для путешественников со всех континентов» («Вечерняя Москва», 1960, 24 июня). Газетные и журнальные публикации закрепили в русском языке за словом *кемпинг* русскую транслитерацию и сделали ненужными описательные пояснения к этому слову: «*Кемпинг* у Минского шоссе» («Вечерняя Москва», 1965, 19 авг.); «Своеобразна архитектура деревянных павильонов *кемпинга*» («Правда», 1966, 24 июля). *Кемпинг* принимает падежные окончания 2-го склонения. «В Исполкоме Моссовета согласовано проектное задание на строительство *кемпинга*... предусмотрено сооружение при *кемпинге* жилых домиков...» («Вечерняя Москва», 1965, 19 авг.).

Существительным *кемпинг* усвоено не только русское словоизменение, но и русское образование относительных прилагательных — *кемпинг* — *кемпинговый*: «В Европе тесно, и все популярнее там становятся *кемпинговые* домики на воде...» («Турист», 1966, № 11, стр. 31). Вместе с производным значением 'лагерь для автотуристов' *кемпинг* имеет

---

[1] См.: The concise Oxford dictionary of current English, 4 ed., 1956, стр. 170.

и расширенное значение ‘лагерь, временное передвижное жилище’ — яхта, лодка, автомобиль и т. п.

Итак, можно заключить, что функция существительного *кемпинг* в русском языке номинативная, понятийно-дифференцирующая. В этой функции заимствованное слово вошло в активный словарь русского языка.

4

Слово *сервис* впервые в русском языке было зафиксировано только в 1937 г. в Словаре иностранных слов [1].

Интересно, что в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова первым значением отмечено узкоспециальное, спортивное: «*сервис*¹ [сэ], *а*, мн. нет, м., англ. *service* (спорт.). То же, что *сервировка. Искусная сервировка. Сервировка, и*, мн. нет, ж. (спорт.). Действие по глаголу *сервировать* — ‘подача мяча’. *Искусная сервировка, трудная сервировка*» [2]. И только с отметкой *сервис*² дается значение ‘совокупность учреждений и мероприятий по обслуживанию населения в повседневных бытовых нуждах и создание всевозможных удобств для него’ (быстрая починка носильных вещей, доставка покупок на дом, справочное дело и т. д.) [3]. Сопровождалось указанное значение слова *сервис* в русском языке пометой «новое». О новизне и еще недостаточной ассимиляции его русским языком говорило и специально отмеченное произношение: *сервис* [сэ]. Произношение твердых согласных перед гласными переднего ряда характеризует слова иностранные и для собственно русских слов нетипично, ср. произношение *село, семь, семя* [4]. Проникая в просторечье, слово *сервис* подчиняется русским произносительным нормам. С течением времени меняются местами значения заимствованного имени. Так, Словарь иностранных слов, вышедший в 1964 г., отмечает: «*сервис*, англ. *service* — 1) обслуживание, 2) специальное в теннисе

---

¹ См. справочный материал к словарной статье «*Сервис*» в Словаре современного русского литературного языка (т. 13. М.— Л., 1962, стлб. 670).

² Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 4. М., 1940, стлб. 153.

³ См. там же.

⁴ См. об этом: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1950, стр. 119—123.

и других играх — подача мяча, т. е. удар, которым игрок вводит мяч в игру»[1].

Но семантические движения в слове *сервис* еще не закончились, и еще не все отражено словарями. В Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (1940) отмечено, хотя и вторым, значение 'совокупность учреждений и мероприятий по обслуживанию населения в повседневных бытовых нуждах...', и при этом не поставлено локальных ограничений для употребления слова *сервис*. Но вот в 13-м томе Словаря современного русского литературного языка, вышедшем в 1962 г., зафиксировано: «*Сервис*, *а*, м. В некоторых странах Западной Европы — обслуживание бытовых нужд населения; совокупность учреждений по обслуживанию бытовых нужд населения и созданию всевозможных удобств для него»[2]. Словари иностранных слов, например, таких ограничений не делают[3], так же как и 4-томный Словарь русского языка: «*сервис*, *а*, м.— обслуживание бытовых нужд населения»[4].

Если же обратиться к литературе, и в первую очередь к публицистике, то мы столкнемся с довольно частым употреблением слова *сервис* со значением — 'обслуживание населения и т. п. в нашей стране': «Каков *советский сервис?* Журнал «Служба быта» должен стать настоящим пропагандистом *советского сервиса*, в котором забота об удобствах и комфорте человека сочетается со стремлением сделать красоту хозяйкой и жилища, и вещей, и одежды, и человеческих отношений» («Литературная газета», 1965, 10 авг.).

Внимание партии и правительства к сфере обслуживания населения, например торговле, организации труда, быта, отдыха, вывело слово *сервис* на страницы массовой печати. Приведем примеры из периодических изданий: «Рядовые *сервиса*.— Чувствуется большая озабоченность большинства покупателей нашим *торговым сервисом... Советский сервис* выходит на новые рубежи» («Комсомольская правда», 1966, 11 марта); «Пустите *сервис* на завод» («Комсомольская правда», 1966, 26 марта); «*Сервис* «Паннонии» — о выставке промышленных швейных машин из Венгрии («Известия», 1966, 9 июня); «*Сервис* — это выгодно для всех.— Роль

---

[1] Словарь иностранных слов. М., 1964, стр. 586.

[2] Словарь современного русского литературного языка, т. 13. М.—Л., 1962, стлб. 670.

[3] См., например, указанный Словарь иностранных слов.

[4] Словарь русского языка, т. 4. М., 1961, стр. 110.

сервиса становится все заметнее» («Известия», 1966, 21 июня); «*Сервис* начинается с улыбки» («Советская культура», 1966, 6 окт.).

Слово *сервис* легко приобретает особое морально-этическое осмысление, тот или иной более специальный, узкий оттенок значения благодаря широкой сочетаемости с определениями. Ср. упоминавшиеся уже *советский сервис*, *торговый сервис*.

Проследим формирование новых оттенков значения слова *сервис* еще на ряде примеров: «— Эффект экономический, разумеется, от такого *обильного сервиса* небольшой.— Не скажите,— парировал он... — *сервис* должен быть *комплексным*: вас должны обслужить полностью» («Известия», 1966, 21 июня); «*Заоблачный сервис*» — об обслуживании пассажиров, радиозаказах с борта самолета комнат отдыха, железнодорожных билетов и т. п. («Известия», 1966, 18 июля); «*Свирепый сервис*» — о работе без улыбки («Советская культура», 1966, 6 окт.).

Как видим, слово *сервис* в словосочетании «определение+ + определяемое» или «субъект+именной предикат» может получить не только оценочно-качественную характеристику (*обильный сервис*, *свирепый сервис*), но и новые оттенки значения: уточняющие (*советский сервис*), профессионально-специальные (*торговый сервис*, *комплексный сервис*).

Заимствованное и ассимилированное русским языком существительное *сервис* находится в ряду близких по значению слов *обслуживание — услуги*: «Жертва *сервиса*... А поток жалоб в редакции от очередных жертв *обслуживания*, увы, не уменьшается» («Правда», 1966, 17 июля); «Он рассказал об *услугах*, которые оказывают покупателям... *сервис* должен быть комплексным» («Известия», 1966, 21 июня).

Существительное *сервис* более широко по своему значению — 'совокупность всех учреждений по обслуживанию бытовых нужд, все виды бытового обслуживания'. Этот собственный оттенок значения позволил иностранному слову найти свое место в ряду русских слов *обслуживание — услуги*.

5

В русском языке все более и более широкое распространение получает английское заимствование с элементом *end* (*энд*) — 'конец'. Это *хеппи-энд* — 'счастливый конец'.

У хеппи-энд в русском языке складывается довольно интересный «жизненный» путь.

В 20-х — в начале 30-х годов наблюдается усилившийся интерес к творчеству О' Генри, мастера воскресного рассказа. Возможно, именно тогда в русском языке получает популярность как литературоведческий термин *happy end* и соответствующий ему русский эквивалент *счастливый, благополучный конец*, столь характерный для О' Генри. Б. Эйхенбаум в статье «О' Генри и теория новеллы» (1925) писал: «*Благополучный конец* — естественный тип неожиданной развязки (ср. «Гробовщик» Пушкина и «Охотник за головами» Генри)»[1].

Рецензенты и критики пишут о *счастливых концах* в новеллах О' Генри: «... художник был оптимистичен... и тратил свой выдающийся талант рассказчика на изобретение *счастливых концовок* для новелл»[2].

Хеппи-энд в английской орфографии *(happy end)* впервые отмечен в «Словаре иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» (1966): «*Happy end (ending)*, англ. *Счастливый конец. Благополучная развязка* в художественном произведении или фильме». Иллюстративный материал в словаре взят из «Автобиографии» композитора Сергея Прокофьева («... «Ромео и Джульетту» с *happy ending*...») и из газет 1962 г. («*happy end* с примирением»)[3].

В последние годы *happy end* проходит еще один этап адаптации в русском языке. Наблюдается русификация самого английского слова. Иноязычная оболочка *happy end* получает русское графическое изображение — *хеппи-энд* и соответствующие формальные категории[4]: категорию рода, типичную для русских имен существительных. Заимствованное выражение становится фактом русского языка. «Финальные кадры бельгийской картины «Мы будем петь и в четверг» очень похожи на *классический* «*хеппи-энд*»...

---

[1] Б. Эйхенбаум. О' Генри о теории новеллы. «Звезда», 1925, № 6(12), стр. 294.

[2] А. Старцев. Мастер воскресного рассказа. «Художественная литература. Книга строителям социализма». Бюллетень Критико-библиографического института, 1932, № 13—14, стр. 23.

[3] А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. Словарь иноязычных выражений и слов, кн. 1. М.— Л., 1966, стр. 584.

[4] Однако ср.: «...герой двадцать раз на волоске от гибели, но *happy end*, конечно же, обеспечен» («Литературная газета», 1968, 31 июля).

Да нет же, это только горькая ирония авторов, пародия на «счастливый конец»!» («Советская культура», 1967, 11 июля); «*Стандартный «хеппи-энд*» здесь настолько неорганичен, что кажется привлеченным из другого фильма» («Советская культура», 1968, 3 февр.).

Освоение *хеппи-энд* в русском языке не ограничивается формальной стороной. Расширяются функции этого слова. Оно получает особую стилистическую окраску и входит в публицистику в определенной оценочно-критической функции. Вот несколько примеров: «*Хеппи-энд* с подслушиванием» — фельетон о зарубежных нравах и порядках («Комсомольская правда», 1965, 9 дек.); «Виновато солнце» — международный фельетон о морали расистов и истории белого человека, до черноты загоревшего на солнце: «Историю эту... венчал *желанный «хэппи-энд»*, так что при желании ее вполне можно считать подтверждением оригинальной и довольно модной нынче на Западе теории, что южноафриканский режим с каждым днем становится все более либеральным...» («Комсомольская правда», 1967, 28 мая); «Но по голливудским стандартам... еще необходима счастливая развязка, «*хеппи-энд*» («Вечерняя Москва», 1968, 7 февр.).

Выражение *хеппи-энд* в русском языке воспринимается как сложное слово мужского рода. Частичное подчинение грамматической системе русского языка объясняется стилистической ограниченностью употребления этого выражения: оно несет особую иронично-шутливую или критическую оценку (ср.: *классический хеппи-энд*, *стандартный хеппи-энд*).

6

«*Хобби*, *хобби*, модное словечко *хобби* появилось в нашем обиходе: организуются клубы «серьезных чудаков», увлеченных людей, коллекционеров... О *хобби* пишет «Неделя», «Комсомольская правда», передают радиостанция «Маяк» и радиостанция «Юность»...» («Литературная газета», 1965, 22 июля). О *хобби* не только пишут, но и оценивают и толкуют это новое слово. Одним оно нравится и принимается без особых раздумий, другие относятся к «новичку» с недоверием, иногда с неприязнью. А *хобби* между тем смело расположилось на страницах газет и журналов,

слышится в эфире[1], теперь это уже не случайный пришелец в нашем языке. Целые ряды синонимических замен, часто экспрессивных, образных, группируются вокруг слова *хобби*: *твоя вторая любовь*[2], *мир твоих увлечений*[3], *серьезные чудачества*[4], *вторая профессия*, *увлечение*, *конек*[5] ... *Вторая профессия* — это именно не профессия, это пристрастие, которому отдается свободное время[6]. Можно его назвать очень распространившимся в последнее время английским словом «*хобби*». Или русским, литературным *увлечение*. Или менее литературным, но более метким *конек* («Театр», 1965, № 5, стр. 136). Согласимся ли мы с таким толкованием *хобби*?

Гамлет, принц Датский, сетуя о человеческой недолговечности, восклицал, что даже великому человеку «грозит забвение, как *коньку-скакунку*, чья эпитафия: «О стыд, о стыд! *Конек-скакунок* позабыт!»[7] Дело в том, что в старину в Англии во время народных гуляний и представлений была излюбленная забава: на деревянной лошадке (по-английски *a hobby-horse*) скакал актер, веселя публику. В эпоху Шекспира эта забава начала выходить из моды, о *hobby-horse* *(коньке-скакунке)* забывали. Источник происхождения самого слова *hobby* не совсем ясен, но это было первоначально собственное имя, возможно *Hob* — уменьшительное от *Robin (Robert)*, очень популярного в Англии. *Hob*, например, воспринималось как постоянный синоним-имя к слову

---

[1] Например, радиопередача от 28 ноября 1965 г. «Последние известия» (22.30): «Ваше *хобби*» — о любителе-краеведе Бахчевникове, создавшем музей «Магаданская тайга».

[2] «Неделя», периодическая рубрика «Твоя вторая любовь». См.: «Неделя», 1965, 2—8 мая, стр. 20.

[3] «Комсомольская правда», периодическая рубрика «Мир твоих увлечений». См.: «Комсомольская правда», 1965, 16 мая.

[4] Фильм «Серьезные чудачества». Центральная студия документальных фильмов, 1963. См. о фильме: «Известия», 1963, 15 янв.; «Вечерняя Москва», 1968, 21 февр.

[5] «Театр», 1965, № 5, стр. 136—138.

[6] Ср.: «Рецензенты, отдавая дань широте творческих интересов Людмилы Чериной, отмечают, что, бесспорно, основное призвание прославленной балерины — мир балетной пластики, подмостки Гранд-опера, а ее увлечение изобразительным искусством можно рассматривать лишь как *хобби*...» («Советская культура», 1966, 26 февр.); «Случилось так, что моим увлечением (или, как теперь говорят, *хобби*) стало коллекционирование лыж» («Комсомольская правда», 1966, 14 апр.).

[7] «...else shall he suffer not thinking on, with the *hobby-horse*, whose epitaph is, 'For, O! for, O! the *hobby-horse* is forgot» («Гамлет», акт 3, сцена 2, 142, пер. М. Л. Лозинского).

клоун[1]. *Hobby* называли также деревянных лошадей на каруселях, маленьких пони, лошадей особой шотландской породы, а впоследствии так назвали первый велосипед. Но все эти значения устарели. Теперь Оксфордский словарь на первое место выдвигает *hobby* — 'излюбленный предмет или занятие, не составляющее основной профессии'. А Вебстеровский новый карманный словарь (1964) вообще дает единственное значение: *hobby* — 'излюбленное занятие'. Именно в этом значении слово перешагнуло национальные языковые границы и вошло во многие языки мира.

Своей популярностью *hobby-horse* в значительной степени обязан Лоренсу Стерну. В конце 1759 г. выходит в свет знаменитое произведение английского писателя «Тристрам Шенди», переведенное почти на все языки мира. В седьмой главе «Тристрама Шенди» автор прославляет «конько́в» (*hobby-horses*): «Да, сэр, если уж на то пошло, разве не было у мудрейших людей всех времен, не исключая самого Соломона,— разве не было у каждого из них своего *конька*; скаковых лошадей,— монет и ракушек, барабанов и труб, скрипок, палитр,— коконов и бабочек? — и покуда человек тихо и мирно скачет на своем *коньке* по большой дороге и не принуждает меня сесть вместе с ним на этого *конька*,— скажите на милость, сэр, какое вам или мне дело до этого?»[2]

Конек у Л. Стерна — это не только любимое занятие, увлечение, но и особая точка зрения, свой взгляд на вещи, вкус. Вот как поясняет автор «Тристрама Шенди» в восьмой главе латинское выражение «De gustibus non est disputandum» («о вкусах не спорят»): «Это значит, что о *коньках* не спорят»[3].

Известный этимологический словарь немецкого языка Kluge — Mitzka сообщает, что в первом переводе «Тристрама Шенди» (1763) *hobby-horse* было передано как *Lieblingsbeschaftigung* — 'любимое занятие' и только впоследствии — *Steckenpferd*. Первое же упоминание *Steckenpferd* относится к 1605 г. (у J. Agrér'a)[4].

---

[1] Walter W. Skeat. An etymological dictionary of the English language. Oxford, 1956, стр. 273; Eric Partridge. Origins a short etymological dictionary of modern English. London, 1959, стр. 290, 568; *hob—Rob—Robert—Robin*.

[2] Лоренс Стерн. Жизнь и мнения Тристрама Шенди. М.— Л., 1949, стр. 14.

[3] Там же, стр. 14.

[4] F. Kluge, W. Mitzka. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1967, стр. 742.

На французский язык «Тристрам Шенди» был переведен в 1776 г. *Hobby-horse* (по-французски: *le dada* — 'лошадка' из детского языка) объясняется как калька — заимствование из английского языка[1].

Первый перевод «Тристрама Шенди» на русский язык относится к 1804—1807 гг. *Hobby-horse* переводилось словом *конек*. Была ли это калька или в русском языке уже сложилось или складывалось переносное значение, близкое английскому *hobby-horse?* По крайней мере, как мы увидим в дальнейшем, *конек* имеет и свои, чисто русские осмысления.

Вот как звучит слово *конек* у В. Г. Белинского (1834): «Десять, двадцать человек пишут об одних и тех же событиях, и каждый из них имеет своего *конька*, свою ахиллесовскую пятку, свой взгляд на вещи, свою манеру в изложении — словом, свои дурные и хорошие стороны»[2]. Здесь В. Г. Белинский ближе к стерновскому *hobby-horse* — 'особый вкус, мнение' и т. п., чем 'любимое занятие, коллекционирование' (лошадей, бабочек и т. п.). Словарь Академии Российской в 1847 г. пояснил переносное значение у слова *конек* как 'мнение, страсть или слабость, составляющие чью-либо особенность', а Словарь русского языка, составленный II отделением имп. Академии наук, в 1912 г. истолковал это значение так: 'излюбленная, постоянная дума кого-либо, любимая тема разговоров и предмет стремлений: слабость, охота, страсть'.

В. И. Даль также отмечает в своем Толковом словаре живого великорусского языка (в 1865 г.) слово *конек* в переносном значении («У всякого свой *конек* (погремушка); Это его *конек*»), но и он не дает никаких пояснений о происхождении этого значения.

Добавим — с незапамятных времен в русских деревнях, на гуляниях и ярмарках, устраивались карусели, или, как их тогда называли, *коньки*. Это было одним из излюбленных развлечений, так же как и на народных празднествах и гуляниях в Старой Англии[3].

Надо сказать, что у разных народов существуют слова-синонимы, выражающие то же понятие, что и *hobby-horse*.

---

[1] A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. Nouveau dictionnaire étymologique. Paris, 1964, стр. 219.

[2] В. Г. Белинский. Собр. соч., т. 1. СПб., 1900, стлб. 584

[3] См. об этом, в частности: В. Всеволодский (Гернгросс). История русского театра, т. 2, 1929, стр. 319.

Ср.: «Страсть коллекционирования всякой всячины получила распространившееся во всем мире название *хобби*. А в Силезии по-прежнему говорят: у него *«пток»*, либо *«шмергель»*, либо *«конек»*, что и означает — у него есть «бзик» либо *хобби*. Из этих трех названий самое популярное *«пток»*[1].

Польский писатель Казимеж Брандыс посвящает *hobby* одно из «Писем к пани З.»[2]. Его рассказ о *hobby* полон мягкого юмора. «*Hobby* пришло к нам с Запада и весьма у нас привилось. Дело заключается в том, чтобы наряду с профессиональными занятиями иметь еще что-то характерное, менее ответственное и абсолютно личное... Человек, для которого в жизни существует только работа, может быть очень содержательным и стоящим, но он немного плоский. А стоит только узнать о нем, что он по воскресеньям кормит дома мышей, и он сразу приобретает объемность... *Hobby* у нас является признаком стабилизации жизни... Счастлива страна, в которой командующий артиллерией коллекционирует фарфор... *Hobby* создает в стране более теплую атмосферу. Вместо сверхурочных часов — спокойный вечер с коллекцией старых монет. Поверьте мне, между человеком с *hobby* и человеком без *hobby* такая же разница, как между художественной фотографией и снимком в паспорте. Это безобидное помешательство, утверждающее красоту жизни. Наша печать прекрасно все это понимает и по нескольку раз в год помещает высказывания разных пользующихся известностью людей об их *hobby*». Ср. следующее осмысление *хобби*: «У тысяч других есть свои, «одиночные» излюбленные занятия, страсти, «*хобби*», как говорят англичане. Они что-то мастерят, конструируют, лепят, играют на музыкальных инструментах, увлекаются фотографией или киносъемками, собирают коллекции, изучают какую-либо отрасль науки, да мало ли что еще!» («Известия», 1964, 2 апр.).

Но, как мы уже говорили, не все столь добродушно относятся к новому слову. Иного мнения придерживается, например, академик А. Н. Колмогоров: «...самое слово «*хобби*» я не слишком люблю. В более узком смысле, мне кажется, оно обозначает стремление к самоутверждению в какой-либо нарочито выделенной очень узкой области интересов. Стремление это на Западе объясняется в значительной

---

[1] «Польша», 1965, № 7, стр. 44.
[2] «Польша», 1961, № 2, стр. 22 и 39.

мере чувством затерянности и беспомощности маленького человека в большом мире настоящих человеческих дел...»[1] А Мариэтта Шагинян сделала такую запись в своем дневнике (29 декабря 1951 г.): «У англичан есть слово *hobby*, его очень трудно перевести на наш язык, потому что у нас нет ему в жизни соответствия. Разве что слово «причуда» — у каждого своя *причуда*. Смысл его такой: любимая склонность в часы досуга, имеющая совершенно приватный характер. У одного *hobby* — ездить и скупать старинную церковную утварь, у другого — собирать марки, разводить махровые гвоздики, играть на дуде, писать историю своего рода и т. д. И, кроме себя самого, это *hobby* никого не интересует и ни для кого не нужно. У нас потому, может быть, нет слова, соответствующего *hobby*, что наши личные склонности вырастают в общественно полезные дела»[2].

Но все же для *хобби* обычно и положительное значение: «*Хобби* Иржи Халеша.— Чешский инженер... Иржи Халеш— единственный чех, который может делать то, что делают индийские факиры... » («Медицинская газета», 1965, 26 окт.); «Семейное *хобби*.— *Хобби* отца унаследовали дети. И для них марки не просто увлечение...» («Комсомольская правда», 1965, 28 дек.). И наконец, еще один пример из записок врача: «*Хобби* (по-русски это слово обозначает *конек*) — это не изобретение медиков или гигиенистов, а своеобразное, эмпирически возникшее защитное приспособление организма, средство переключения мыслей, способ дать отдых нервной системе... чего не сделают наставления, то могут сделать высокий интерес и пристрастие. Для любимого занятия время все-таки находится. Потому что оно — любимое, милое сердцу *увлечение*» («Литературная газета», 1966, 8 авг.). Этот абсолютно положительный план употребления слова *хобби* продолжает газета «Советская культура»:

---

[1] А. Н. Колмогоров. Алгоритм жизнелюбия. «Комсомольская правда», 1965, 9 июля. Ср. также несколько ироничное толкование *хобби* в повести Н. Асанова «Богиня Победы»: «Все они щеголяли своими *хобби* — причудами. Один рассказывал о подводной охоте с аквалангом на осьминогов в Тихом океане, другой что-то врал об альпинистском походе...» («Огонек», 1966, № 12, стр. 21). Сходное понимание слова *хобби* находим в одной из публикаций журнала «Театр»: «Границы внутреннего мира многих героев этих пьес, да и не только этих, так тесны, что там даже *хобби* не поместиться» (Л. Булгак. Драматическое эсперанто. «Театр», 1965, № 8, стр. 48).

[2] М. Шагинян. Дневник писателя (1950—1952). М., 1953, стр. 305.

«Хобби» большого города» — так озаглавлена статья об увлечении целого города кинематографией. «Человек, у которого есть какое-нибудь *страстное увлечение*, всегда богаче душой. Такая одержимость внушает уважение, даже зависть — с ней веселее шагать по жизни. А если *«хобби»* присуще не одному человеку, а целому городу, население которого перевалило за миллион,— тем более. Трудно даже перечислить, сколько больших и маленьких радостей принесло горьковчанам *увлечение* киноискусством, и потому они с гордостью называют свой город городом кинолюбов» («Советская культура», 1967, 9 февр.). Конечно, любое занятие, увлечение, мода могут иметь определенные социальные корни, но вряд ли следует искать особый социальный оттенок в значении самого слова *хобби*.

В языках английском, немецком, французском, русском существуют аналогичные выражения: «Every one has *hobby-horse*»; «Jeder reitet sein *Steckenpferd*»; «C'est son *dada*»; «У всякого свой *конек* (погремушка)»; «Это его *конек*»[1].

Английское *hobby* имеет в русском языке, казалось бы, точный эквивалент — *конек*. И все же *хобби* и *конек* не являются абсолютными синонимами. И дело, конечно, не в том, что *конек*, как представляется корреспонденту журнала «Театр», менее литературное слово. Это не верно. Уже словарь под ред. Д. Н. Ушакова дает к этому слову только помету р а з г о в о р н о е. В Словаре современного русского литературного языка мы не найдем никаких помет. Это слово, следовательно, хотя и меткое и образное, не имеет особой, нелитературной окраски.

Но каждый из синонимов — и *хобби* и *конек* — приобретает свои дифференцирующие оттенки значения, свои дифференцирующие признаки. Как свидетельствуют толковые словари русского языка, слово *конек* в выражениях *у него свой конек*, *это его конек* означает 'предмет стремлений, излюбленная тема р а з г о в о р о в кого-либо', а *оседлать конька*, *сесть*, *взобраться на своего конька* и т. п. значит 'начать р а з г о в о р на излюбленную тему'. Следователь-

---

[1] См.: М. И. Михельсон. Опыт русской фразеологии, т. 2, стр. 404; В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М., 1955 (перепечатка II изд. 1882 г.), стр. 155; Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1. М., 1934, стлб. 1435; Словарь современного русского литературного языка, т. 5. М.— Л., 1956, стлб. 1285.

но, *конек* всегда в большей или меньшей степени — 'излюбленная тема разговора'. Ср.: «Любимым *коньком* американской пропаганды были всегда разговоры об «открытом обществе», о «свободе личности», о «демократии» («Известия», 1965, 11 сент.); две реплики из пьесы В. Розова «В добрый час!», позволяющие также определить особый оттенок значения слова *конек*: «Г а л я. Вот эти складки придают ей (кофточке) легкость, свободу, и потом цвет пуговиц играет большую роль... В а д и м. Галина Георгиевна, *не садитесь на своего любимого конька*, нам некогда»[1]. Это старое, привычное значение слова *конек* в свое время позволило И. С. Тургеневу сблизить его даже с известным французским выражением *idées fixes* ('навязчивые идеи'). Вот как описывал И. С. Тургенев некоторые странности в характере госпожи Ельцовой в повести «Фауст»: «Но у г-жи Ельцовой были свои *idées fixes*, свои *коньки*. Она, например, как огня боялась всего, что может действовать на воображение; а потому ее дочь до семнадцатилетнего возраста не прочла ни одной повести, ни одного стихотворения...»[2] Еще более «словесное» содержание *конька* раскрыл И. С. Тургенев в ядовитой фразе женоненавистника Африкана Семеновича Пигасова в романе «Рудин»: «Мой *конек*... А у женщин их целых три, с которых они никогда не слезают — разве когда спят... попрек, намек и упрек»[3].

Хобби же — это всегда какое-то увлечение, дело: коллекционирование, цветоводство, подводный спорт и т. п. Вспомним хотя бы телепередачу КВН, в которой один из разделов программы назывался «Их *хобби*»[4]. Предлагалось назвать *хобби* знаменитых людей, чьи портреты находились на эстраде. Эта передача не только широко распространила слово *хобби*, но и подчеркнула особый оттенок значения по сравнению со значением русского слова *конек*.

Отметим еще одну особенность слова *конек*, специфично русскую, отличающую его от *хобби*: если *хобби* — любимое дело, занятие в часы досуга, то *конек* — это не только излюбленная тема разговора, но и любимое профессиональное дело, занятие, наиболее удачно и с удовольствием исполняемое специалистом. «Записки сумасшедшего» — это,

---

[1] В. Розов. В добрый час! (действие 1, картина 1). В сб.: «Пьесы советских писателей», вып. XII. М., 1956, стр. 306.

[2] И. С. Тургенев. Полн. собр. соч., т. 6. СПб., 1911, стр. 189.

[3] И. С. Тургенев. Полн. собр. соч., т. 4. СПб., 1911, стр. 357.

[4] Телепрограмма КВН, 1965, 21 марта.

по общему отзыву, *конек* Андреева-Бурлака[1]. «У каждого из воспитанных им паровозников был свой *конек*: один поражал знанием путевого рельефа, мог водить паровоз чуть не с завязанными глазами, другой слыл как мастер ремонта»[2]. Следовательно, *хобби* входит в русский язык как синоним к слову *конек* и выполняет свойственную всем синонимам дифференцирующую функцию, выражая определенный оттенок значения — 'излюбленное занятие'. Слово *увлечение* хотя и может быть в каком-то смысле синонимично *хобби*, но оно недостаточно конкретно и слишком расплывчато для выражения вполне определенного значения[3]. Наименования же типа *вторая любовь* или *серьезные чудачества* являются слишком экспрессивными, образными выражениями для столь распространившегося явления. И все же иногда именно они оказываются предпочтительными на страницах массовой печати благодаря своей экспрессивности и общепонятности. Ср. название рубрики в газете «Вечерняя Москва» — «Мир увлеченного человека» (см.: 1968, 20 апр., и др.). *Хобби* может быть противопоставлено *увлечению*, *любимому занятию*: «Нет, это не *хобби*» — об увлечении лепкой одного из московских артистов («Советская культура», 1968, 5 окт.); «И пусть это будет не мимолетное *хобби*...» («Советская культура», 1968, 25 мая). Слово *хобби* часто несет оттенок иронии: «У моего соседа *хобби*: он слушает поп, то бишь популярную музыку» («Огонек», 1968, № 39, стр. 16).

Есть и еще один формальный момент, одновременно поддерживающий существование *хобби* в русском языке и ограничивающий его. Слово *конек* в анализируемом нами переносном значении употребляется обычно в единственном числе[4]. Форма множественного числа как бы разрушает отвлеченность переносного значения. Между тем желание показать разнообразие увлечений требует именно этой формы. И здесь слово *хобби*, не имеющее каких-либо формальных выразителей категории числа, легко входит в соответствующий

---

[1] См.: Ю. М. Юрьев. Записки, т. 1. М.— Л., 1948, стр. 71, гл. 4.

[2] Б. Полевой. Золото, ч. III. М., 1955, стр. 261, гл. 1.

[3] Ср.: специальный корреспондент «Известий» берет интервью у популярного трио комедийных артистов (Вицин, Моргунов, Никулин): «Есть ли у вас *увлечения?*» — Моргунов: «И без *хобби* дел хватает» («Неделя», 1965, 26 дек.—1 янв., стр. 8).

[4] См.: Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1. М., 1934, стлб. 1435.

контекст, не нарушая значения множественности: «В странах народной демократии выпускается, например, множество популярных журналов, посвященных различным *хобби* — от выращивания комнатных растений и до разведения канареек» («Литературная газета», 1965, 22 июля).

Но одновременно с этим неизменяемая форма слова *хобби* не позволяет забыть его «чужестранное» происхождение. *Хобби* пока безоговорочно укрепляется на страницах газет и журналов, входит в разговорную речь людей, близких книжной традиции. О *хобби* говорят молодые ученые, инженеры: *научное хобби* — сфера интересов, «которая хотя и лежит в науке, но в стороне от фарватера главной работы» («Комсомольская правда», 1969, 29 марта). *Хобби* часто в языке артистов: «Я предался своеобразному *хобби*: стал следить, из каких театров, с каких спектаклей уходит публика?» («Советская культура», 1969, 26 июня).

Хобби появилось первоначально в переводной литературе и некоторое время сохраняло английское написание *hobby*, а также сопровождалось подстрочным комментарием. Приведем пример из романа Жоржа Сименона «Президент» в переводе Т. Лещенко-Сухомлиной: «Он не был библиофилом и никогда не покупал книг из-за роскошных переплетов или оттого, что они редкие. Он воздерживался от каких бы то ни было страстей и причуд, от каких бы то ни было *hobby*, как говорят англичане...» Переводчица дает пояснение к *hobby* — «любимое занятие или развлечение»[1].

Однако уже можно сказать, что слово *хобби* ассимилировано русским языком, хотя и осталось, как и большинство заимствований из других языков, оканчивающихся на гласный [э, и], нейтральным к формообразовательной и словообразовательной системам русского языка (у него нет ни падежных форм, ни особой формы множественного числа, ни производных слов)[2]. Английское существительное *hobby* в русском языке получило категорию среднего рода: «А ведь

---

[1] Жорж Сименон. Президент. М., 1960, стр. 409.

[2] Ср., однако, производное *хоббисты* и образное обыгрывание прямого значения *хобби* в противопоставлении *коньку* в упоминавшейся уже повести Н. Асанова «Богиня Победы» (см. сноску на стр. 112): «Крох, уймитесь вы с вашим «*хобби*»! Вот у Горячева действительно «*конек*», на котором не стыдно прокатиться».

Все «*хоббисты*» окружили Алексея, поздравляя его с оригинальным «*коньком*». Тут были домашние поэты, собиратели икон, любители репродукций, почитатели джаза... Но музыкантов еще не бывало...» («Огонек», 1966, № 12, стр. 23).

хобби действительно *интересно, полезно, приятно*» («Литературная газета», 1965, 22 июля); «Эта страничка посвящается тем, у кого природа дома, *чье хобби* — изучение животного мира» («Неделя», 1965, 2—8 мая, стр. 20); «У каждого человека может быть *свое хобби*» («Вечерняя Москва», 1965, 10 июля); «Но *главное хобби* Степина, пожалуй, не столько рыбы, сколько их... фотографирование» («Вечерняя Москва», 1966, 8 янв.).

Надо отметить, что в 60-х годах *хобби* было безусловно модным. Им злоупотребляли, предпочитали всем другим синонимам. Может быть, это и позволило написать одному из фельетонистов такие строки: «Слова «*экспо*» и «*хобби*» так прочно вошли в обиходную речь, что того и гляди их уже и склонять начнут скоро: не дашь ли, мол, ты что-нибудь от своих *хоббей* для нашей *экспы*?» («Неделя», 1968, 8 сент., стр. 23). Слово *хобби* проникло в обиходную речь и просторечье, склоняется, получает ту или иную категорию рода, однако именно в этом стиле речи ощущается как нечто чужое: «...*Хобба* у меня такая.— Чего, чего? — вскидывается Лебедь.— Простите, как вы сказали? — *Хобба*. Ну, это привычка, стал быть...»[1]

Хобби, как и следовало ожидать, вошло и укрепилось раньше всего в публицистике[2]. Каким будет его дальнейший путь, покажет время.

7

Разные и многочисленные социальные группировки молодежи Запада часто объединяют под названием *битники*[3]. Но у этого слова был предшественник — термин *хипстер*. Как правило, новые словообразования, возникающие в различных арго, толковать очень трудно. Такие слова и связанные с ними ассоциации ограничены узким кругом, часто не являются общеязыковыми[4].

---

[1] Ю. Скоп. Имя — Отчество. «Юность», 1970, № 12, стр. 18.

[2] О роли публицистики в развитии лексики см.: Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.— Л., 1965, стр. 5 и др.

[3] См., например: Ростислав Вольф. Среди битников. «Журналист», 1968, № 7, стр. 64—68.

[4] См. об этом, в частности: Б. А. Ларин. Западноевропейские элементы русского воровского арго. Сб. «Язык и литература», т. VII. Л., 1931, стр. 113—130.

Первые переводы на русский язык произведений Джека Керуака рассказали более или менее подробно об американских *хипстерах*[1]. Что же означает слово *хипстер?* Как оно толкуется? «Здесь мы сталкиваемся с новым термином — *хипстер*. Он происходит от английского слова «*hip*», что значит «бедро». *Хипстер* — это человек с особой развинченной походкой, он вихляет бедрами и волочит ноги, имитируя движения танцующего рок-н-ролл»[2]. Такое толкование обращает внимание на одну из внешних черт *хипстеров*.

Иное толкование дают словари: *хипстер* — 'человек, всецело преданный джазу, энтузиаст джаза или не скрывающий своих симпатий к хипстерам и подражающий им'. Объяснить это толкование можно так: во время исполнения джазовых импровизаций джазисты, как бы подчеркивая ритм, в экстазе выкрикивали *хип! хип! (hip! hip!)*[3]. Им вторили слушатели. Отсюда выражение *to be hipped* — 'быть увлеченным, захваченным (чем-либо)'[4].

Происхождение самого возгласа *хип*! не ясно. Словари обычно отмечают «неизвестно», «точно неизвестно». Однако в некоторых из них находим возможные предположения и догадки. *Хип* — это, может быть, вариант от *step*: *хип* или *хеп* — *hip*>*hep*>*step* — 'шаг'. *Хип-хеп* (*hip-hep*) — обычная команда сержантов, отмечающих на марше-тренировке шаг отряда, идущего в ногу[5]; возможно, это выражение пришло из американского просторечья (American underworld), где *hep* и позднее *hip* означало 'проницательный, настороженный, живой или осведомленный', а может быть, восходит к возгласу — своеобразному понуканию лошадей, в то время как их запрягают: *hep! hep! (getting hep!)*[6]; *хип*>*хеп* (*hip*>*hep*) — восклицание крестоносцев, состоя-

---

[1] См.: Джек Керуак. На дороге (Джаз разбитого поколения). «Иностранная литература», 1960, № 10.

[2] Л. Митрохин. Американские миражи, изд. 2. М., 1965, стр. 329 (изд. 1. М., 1962).

[3] Хип! (*hip!*) как постоянный рефрен звучало в песнях и стихах. Повторение *хип! хип!*, сопровождаемое ритмичным аккомпанементом банджо и барабанов, доводило присутствующих до так называемого «блуждания»: («...then becomes «*hip*» to his error». «Encounter», 1959, Juni, стр. 45).

[4] Webster's new world dictionary. Toronto, 1966, стр. 688; Webster's third new international dictionary of the English language. U.S.A., 1967, стр. 1057.

[5] Webster's new twentieth century dictionary of the English language. Cleveland and New York, 1963, стр. 848.

[6] См.: Eric Partridge. A charm of words. London, 1961, стр. 58.

щее из начальных букв возгласа: *Hierosolyma est perdita* («Иерусалим разрушен»)[1].

Общепринятое значение *хип* (вариант *хеп*): 1) 'живо интересующийся, знающий, осведомленный, проницательный, современный'; 2) 'остро реагирующий на джазовую музыку'. В арго *хип (хеп)* означает: 'хорошо, близко знающий, осведомленный, увлеченный, интересующийся'; 'хипстер или последователь хипстеров'; 'язык, образ жизни и поведения хипстеров'[2]. Но в разговорном языке существует омоним *хип* — как усечение полного слова *hipochondria* — 'меланхолия, болезненное уныние, тоска *(blues)*'[3]. Такая ассоциация уже может дать толкование, близкое к 'опустошенный, разбитый' или 'представитель разбитого поколения'.

Кризис 30-х годов вызвал депрессию, особенно отразившуюся на «средних» классах США, а затем вторая мировая война усиливает пессимистические настроения. Подростки из мелкобуржуазных семей, а также ветераны войны явились благоприятной средой для *хипстеризма*[4]. Для этого течения характерны неудовлетворенность современной капиталистической цивилизацией, протест против ханжества, «стандартизации» личности, но нельзя забывать, что философия *хипстеров* чрезвычайно эклектична. Это смесь анархизма, гедонизма, буддизма и христианства.

Американский писатель Керуак, выступая перед студентами Нью-Йоркского университета в 1959 г., назвал синоним к слову *хипстер* — *битстер* и истолковал посвоему эти термины[5].

---

[1] New «standard» dictionary of English language. Funk and Wagnalle Company. New York, 1962, стр. 1144.

[2] Webster's third new international dictionary of the English language, vol. I. London, Springfield, 1961, стр. 1057; The world book encyclopedia dictionary (Clarence L. Barnhart). Chicago, 1966. стр. 923; Harold Wentworth, Stuart Berg Flexner. Dictionary of American slang. New York, 1960, стр. 253.

[3] The Concise Oxford dictionary of current English, 1956, стр. 566. Ср. у Байрона: *hippish* — 'угнетенный, подавленный' («Беппо», строка 64); William Somerville (1675—1742) — «The Hip». См.: Walter L. Skeat. An etymological dictionary of the English language. Oxford, 1963, стр. 272.

[4] Harold Wentworth, Stuart Berg Flexner. Dictionary of American slang. New York, 1960, стр. 253.

[5] J. Kerouac. Beatific. On the origin of a generation. «Encounter», 1959, August, стр. 57—61.

Керуак вспоминает, что однажды, еще в 1944 г., один из джазистов назвал свой стиль игры «*бит*». К 1948 г. этот стиль принял вполне определенные формы. И именно в этом году Керуак впервые определил молодое поколение того времени как *бит-поколение*: «Я знаю, это действительно *бит-поколение!*»

Керуак замечает, что *бит-поколение* становится национальным, а *бит* — его официальным именем. Но сами *хипстеры* ненавидят это имя, так как слово *бит* (*beat* [bi:t]) означает не только 'бить—разбить', 'удар, бой барабана', 'пульсирующий ряд звуков', но и 'жалкий, катящийся на дно, разбитый, лодырь, бездельник, отчаянный, бездомник, спящий в метро' и т. п.

Термины *хипстер* и *битник* и соответственно *хипстеризм* и *битничество* обозначают в общем одно и то же явление. «Различие между ними заключается лишь в форме выражения. *Хипстеры* — это более массовое, более широкое явление. *Битники* — это преимущественно художники, музыканты, которые выражают свое мировоззрение в нарочито необычных, мрачных фантастических рассказах и поэмах. Они оказывают несомненное влияние на современную американскую литературу и поэзию. *Битники* — это, так сказать, «теоретики», философы этого течения...»[1]

Однако в общеязыковом употреблении и международном обороте наиболее распространенным оказалось толкование, связанное со значением *бит (to beat)* — 'бить—разбить', отсюда — *разбитое поколение*[2]. Это толкование принято и в русском языке. Для наименования определенной части западной молодежи наиболее распространенным оказался термин *битник*.

Обычно выделяют три поколения битников: наиболее раннее — *beat* — 'бывалое (утомленное, разбитое) поколение'; более позднее — *beatifical generation* — 'поколение

---

[1] Лев Митрохин. Американские миражи, изд. 2. М., 1965, стр. 329; Я. Н. Засурский. Американская литература XX века (Некоторые аспекты литературного процесса). Изд-во МГУ, 1966 (в частности, стр. 407). См. также: The world book encyclopedia dictionary (Clarence L. Barnhart). Chicago, 1966, стр. 936; Harold Wentworth, Stuart Berg Flexner. Dictionary of American slang. New York, 1960, стр. 25, 258.

[2] The Random House dictionary of the English language. New York, 1966, стр. 131; Webster's third new international dictionary of the English language. U.S.A., 1967, стр. 193; Caroline Freud. Portrait of Beatnik. Letter from California. «Encounter», 1959, Juni, стр. 42—66.

блаженных'; третье поколение — *beat* или *beatnik*. Характерная черта третьего поколения — увлечение джазом, «обожание барабанных ритмов». В американском сленге, как известно, *beat* причудливо сочетает различные значения — и 'бой барабана', и 'особый пульсирующий ряд звуков', и 'бездельник', и 'жалкий, катящийся на дно'. Этимология слова *битник* раскрывается лингвистами следующим образом: «*Beatnik* — 'битник' просто прибавляет *-nik (-ник)* (как в *Sputnik* — 'спутник') к *Beat*...», — сообщает Эрик Партридж в своей книге «A charm of Words»[1]. Суффикс *-ник* в этом случае квалифицируется как непосредственное заимствование из русского языка[2]. Но существует и несколько иное мнение: *битник* аналогично сленговому (в идиш) *нудник* (*нуд-* от *нужда*)[3]. Прямая ассоциация *битник — спутник* объясняется тем, что сленговые слова на *-ник*, и в первую очередь *битник*, вышли за пределы более или менее узкожаргонного употребления в период заимствования английским языком русского слова *спутник*. В английском языке появляются все новые и новые слова с суффиксом *-ник*[4]. Тем самым активизируется словообразовательная модель с суффиксом *-ник*, а суффикс воспринимается как элемент русского слова *спутник*.

Словарь американского сленга в 1960 г. отметил, что наименование *битник* становится общеязыковым. Первоначально *битник* — искусственно составленное слово — ис-

---

[1] Eric Partridge. A charm of words. London, 1961, стр. 55—59. «Whereas *Beatnik* merely adds *-nik* (as in *Sputnik*) to Beat...» Отметим, что в американском сленге *битник* (*beatnik*) означает 'язык, на котором говорят *битники*' (смесь сленга и джазового жаргона).

[2] Webster's new world dictionary. Toronto, 1966, стр. 130; The Random House dictionary of the English language. New York, 1966, стр. 131.

[3] Webster's third new international dictionary of the English language. U.S.A., 1967, стр. 193. См. также: М. Въгленов. *Битник* — нова чужда дума. «Български език», 1967, кн. 3, стр. 268—269.

[4] А. Д. Швейцер. Очерк современного английского языка в США. М., 1963, стр. 123: «За последнее время под влиянием заимствований из русского языка появился ряд слов с суффиксом *-ник* (например, *muttnik* — название второго советского спутника с собакой от сленгового *mutt* — 'собака'; *beatnik* — 'битник', представитель модного течения американской богемы «beat generation»; *flopnik* — ироническое название американского спутника, который не удалось вывести на орбиту, от *flop* — 'провал, неудача'; *spudnik* — название полуфабриката из картофеля, от *spud* — 'картофель')».

пользовалось в газетах[1], став наименованием довольно сложного и своеобразного движения, охватившего определенную часть молодежи в Америке и Западной Европе.

В социальном отношении *битники* не однородны. Существуют по крайней мере два рода *битников.* Одни — сытые, обеспеченные. Бедная и неопрятная одежда *битников* для них маскарадный костюм, а сборища в специально декорированных «пещерах», «могильных склепах» и «трущобах» — пикантное развлечение. Это — *стиляги*[2] и *тедди-бои.* Другие — бедны и носят истрепанные свитеры и башмаки: не на что купить новые. Наблюдательные, но аполитичные и наивные, с определенным интересом к литературе, искусству, хотя и недостаточно образованные, и с единственным оружием в руках — иронией. Можно было бы сказать, что жизнь их — прозябание без надежд и цели, если бы... не участие *битников* в борьбе профсоюзов, в стычках с неофашистами. Правда, участие стихийное, в период самых острых социальных столкновений[3].

Попав на русскую почву, *битник,* в первую очередь, ассоциируется со словом *стиляга* — тоже неологизмом, но уже получившим распространение.

Некоторое время слово *битник* чаще всего встречалось в фельетонах. Так, в «Вечерней Москве» был опубликован фельетон Ф. Липскерова «В абстрактной распашонке». Герой фельетона жалуется, что недавно в трамвае его назвали *«старым стилягой».* Назвали потому, что его летняя «распашонка» сшита из материала, расцвеченного асимметричными розовыми пятнышками и лиловыми зазубренными полосками. Эти пятнышки и полоски «перекрещивались и сталкивались в разных направлениях, создавая орнамент, годный для модной рубашки лондонского *битника»* («Вечерняя Москва», 1961, 22 июня). Но *битник* обо-

---

[1] Harold Wentworth, Stuart Berg Flexner. Dictionary of American slang. New York, 1960, стр. 26.

[2] О слове *стиляга* см.: В. Г. Костомаров. Откуда слово *стиляга*? Сб. «Вопросы культуры речи», вып. 2, 1959, стр. 168—175 («...слово *стиляга,* ставшее нарицательным обозначением молодого человека с моралью, чуждой нашему обществу»).

[3] Подробнее о *битниках* и *битничестве* см.: Лев Митрохин. Американские миражи, изд. 1. М., 1962, стр. 247—269; Там же, изд. 2. М., 1965, стр. 325—332 и др.; «Молодой человек середины XX века в жизни и литературе» (По материалам дискуссии в редакции журнала «Иностранная литература»). «Иностранная литература», 1960, № 10, стр. 294; Л. Андреев, Я. Засурский, Р. Самарин. Западная литература и наша критика. «Коммунист», 1963, № 8, стр. 91.

значает явление более сложное. Это не только экстравагантный вид и одежда. Это особое отношение к окружающему миру.

Как же поступит русский язык? Примет ли слово *битник*, с вернувшимся русским суффиксом *-ник*? Или будет все-таки искать адекватный перевод? «Разбитое, потерянное поколение» — но так называли определенную часть молодежи после первой мировой войны. Это герои Ремарка. Бывалые, утомленные, пришибленные, сердитые...

И вот язык как бы решился и взял нужное чужое слово для наименования явления, охватившего Америку и Европу.

Посмотрим наши газеты и журналы за 60-е годы. Вот несколько примеров. Александр Чаковский в статье «В гостях у битников», опубликованной в «Литературной газете», пишет: «Это не рассказ об английских *битниках*, а скорее зарисовка их быта, нравов, настроений... *Битническая* среда, *битническая* идеология не просто «вещь в себе» («Литературная газета», 1961, 8 июля). Н. Ермолович в статье «Вкус к жизни», опубликованной в газете «Известия», указывал: «Еще папирусы и береста донесли до нас мысли и чувства людей, которым никак не хватало одной человеческой жизни... и людей, тяготившихся бесконечной чередой лет... Пошли снобы и пессимисты, меланхолики и *битники*, «разочарованные» и «потерянные» поколения» («Известия», 1962, 31 июля). Константин Паустовский писал: «То были смазливые и хищные юноши с ослепительными проборами и искусственно бледными лицами. Некоторые из них гримировались под «*битников*» — грязноватых, неуклюжих и развязных» («Новый мир», 1962, № 5, стр. 159). В романе Д. Гранина «Иду на грозу»: «Какого же черта вы тут кокетничаете: жизнь не имеет смысла! Тоже мне циники-*битники*»[1].

Е. Евтушенко опубликовал стихотворение «Монолог *битников*». А в «Тридцати отступлениях из поэмы «Треугольная груша» А. Вознесенского, появившихся в том же 1962 г., есть не только *битник*, но и *битница*. Слово *битник* — уже не только социальное наименование. Оно не утрачивает своих связей с ранее найденными русскими словами-синонимами. А поэтому можно говорить о его своеобразной художественной образности. Вот несколько строк из произведения Андрея Вознесенского:

---

[1] Д. Гранин. Иду на грозу. «Роман-газета», № 23 (257), 1962, стр. 75.

Я тебя догоню и породу твою распознаю,
По базарному дну
ты, как *битница*, дуешь босая!

Так представилась поэту Америка во время его путешествия по США. *Базарное дно*, *дуешь* (в значении 'быстро идешь, бежишь, мчишься') — легко сочетаются с новым словом *битница* именно потому, что оно не лишено определенной образности. Возможно, что особую эмоциональность новому слову подготовили его синонимические соответствия — *стиляга*, *циник*.

Слово *битник* уже не требует пояснений и не берется в кавычки: «Это не авангардистский спектакль... и герой пьесы — не *битник*. Это просто документальная без «вывертов» драма о жизни великого английского поэта Перси Биши Шелли» («Советская культура», 1965, 26 окт.); «*Битники* в осаде. Париж — прибежище европейских *битников*. Об этом наслышаны не только туристы, наведывающиеся на набережную Сены поглазеть на молодых волосатых и помятых бродяг... но осведомлена и парижская полиция... Проводится ставшая уже традиционной «операция *антибитник*» («Известия», 1966, 16 марта).

От слова *битник* образуется ряд производных: *битник* — *битница* — *битничек* — *битничество* — *битнический* — *битниковский*...[1]

Что же обеспечило такую ассимиляцию иноземного слова? В первую очередь — необходимость номинации чуждого явления, поразившего значительную часть молодежи капиталистических стран. А облегчило усвоение этого слова следующее. Одним из синонимов к слову *битник* было сочетание *разбитое поколение*. *Битник* и *разбитый* созвучны, невольно выделяется общий слог *бит-*. Это звуковое совпадение позволяет сблизить оба слова, как бы дать им общую основу — русский глагол *бить*. Происходит так называемое явление народной этимологии, которое основывается, однако, на действительной семантической близости. Рус-

---

[1] См., например: «— Слушай, ты, Колчанов,— зашептал он, и если даже ярость его и злость были поддельными, то все-таки это было сделано здорово,— слушай, оставь ее в покое. Я тебя знаю, *битничек*» (В. Аксенов. Апельсины из Марокко. «Юность», 1963, № 1, стр. 28); «Григорьев был личностью известной. Он был сив, худ, ковылял на протезе, оброс *битниковской* бородкой...» (О. Смирнов. Макушка лета. «Огонек», 1963, № 28, стр. 11).

ский глагол *бить* и английский *to beat* имеют общий индоевропейский корень[1]. Это — с одной стороны. С другой — легко выделяется суффикс *-ник*, русский суффикс предмета и действующего лица, заимствованный в английском языке из русского. Следовательно, иноземное слово *битник* без всяких затруднений укладывается в одну из парадигм русского словообразования и словоизменения — *шут-ник*, *работ-ник*, *спут-ник* и т. п. Не удивительна поэтому легкость образования производных слов: *битник (работник*, ср. *ученик)*, *битница* (ср. *ученица)*, *битнический* (ср. *ученический)* и т. п.

Слово *битник* зарегистрировано впервые в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971). Войдет ли *битник* в русский словарь надолго или скоро станет историзмом вместе с самим явлением *битничества?* Это покажет время.

* * *

В 1967 г. на страницах нашей периодической печати появляется новое слово *хиппи*. Термин этот относится к определенной части американской и английской молодежи. «Были *сердитые молодые* люди, их сменили *битники* и *хипстеры*...» (Александр Чаковский. Призрачный мир, жестокая действительность. «Литературная газета», 1967, 1 нояб.). Затем на смену им пришли *хиппи*.

Чем обусловлено название *хиппи?*

«*Хиппи* — это молодые американцы, которым осточертел их хваленый бездушный образ жизни и которые решили вдруг одичать. Да, одичать. Они отказываются работать и зарабатывать. Спят где попало. Едят что придется. Одеваются в рваное тряпье. Небритые парни, нечесаные девушки носят спущенные на бедра мятые штаны, прихваченные широким поясом; бедро по-английски — *hip*, отсюда и их прозвище *hippies*» (Юрий Жуков. *Хиппи* и другие. «Правда», 1967, 5 июня).

Иную этимологию предлагает «Литературная газета»: *хиппи* «происходит от сленгового *хеп*, означающего ‘знать’, ‘понимать’, ‘проникать в суть’ ... *хиппизм* стало обозначать участников некоего молодежного движения, а, может быть, точнее — моду, возникшую совсем недавно... в США, в

---

[1] См.: J. Pokorny. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Lieferung 2. Bern, стр. 117.

Сан-Франциско, но быстро «перелетевшую» через океан» («Литературная газета», 1967, 1 нояб., стр. 13).

Как видим, термин *хиппи* уже имеет разные толкования. Первое — *хиппи* от *hip* ‘бедро’ — ассоциативно. Созвучие *hip* и *hippies* подкреплялось зрительным образом — своеобразный костюм *хиппи* со спущенным на бедра поясом. Родство слов *hip*= ‘бедро’ и *hippies* казалось бесспорным (вспомним подобное толкование слова *хипстер*[1]).

Второе толкование подкрепляется словарями. Происхождение термина *хиппи* аналогично *хипстер*: *hip* = *hep* — ‘сознающий, знающий, осведомленный, понимающий, живо интересующийся, проницательный’ и т. п.[2].

Сегодняшние *хиппи* — «это пессимизм без мысли ... *хиппи* вырождаются ... они не нашли выхода. Многие из них стали употреблять наркотики. Наркомания стала сегодня болезнью *хиппи* ... Они потеряли способность бороться...» («Огонек», 1967, № 6, стр. 21).

Теперь для *хиппи* прежде всего характерен уход от общественной жизни, с поля социальных битв (см.: «Известия», 1967, 17 окт.; «За рубежом», 1967, № 36, стр. 14).

«Холодная война» вызвала пессимизм, неуверенность в завтрашнем дне и породила *битников*. Война во Вьетнаме, ядерные испытания сеют еще большую неуверенность: появляются *хиппи* — «отчужденные» молодые люди.

Поэт Роберт Рождественский посвятил *хиппи* стихотворение, в котором рассказал об отверженных, добровольно опустившихся на дно жизни (не путайте *хиппи* с «хеппи», т. е. с *happy* — ‘счастливыми’!):

Мы —
хиппи.
Не путайте с «хеппи».
Не путайте
с нищими ...
Ничьи мы.
Не ваши,
не наши.
Ничьи мы.
Как мокрые ветры ...
Плевать нам
на ваши
морали!
Продажные
ваши
законы!..
Мы — вызов.
А может быть,—
бегство.
А может быть, сразу —
и бегство.
И вызов[3].

[1] См. об этом стр. 118.

[2] Подробнее см. стр. 119.

[3] Роберт Рождественский. Хиппи. «Неделя» 1969, 25—31 авг., стр. 9.

В основе термина *хиппи* — новые образы, свое толкование слова —'знающий, проникающий в суть, постигающий'. Но отличаются теперь *хиппи* от *битников* лишь невероятной экзотичностью одежды и все растущим употреблением наркотиков. И, как символ, отражающий сущность нынешних *хиппи*, распространились новые названия-метафоры: *flower people* — народ-цветок (люди-цветы) в США и *flower children* — дети-цветы в Англии. «Еще их называют поколением любви, цветочными ребятами. Обмен цветами, черешенками, палочками, а то и самодельными сигаретами с марихуаной несет символическую нагрузку — это как бы таинства их религии. Это идея дележа ... из чувства симпатии. Это идея братства и общности. *Хиппи* протягивает цветок даже полицейскому: Love ... Любовь ...» («Известия», 1967, 30 авг.).

Меняется движение *хиппи*, меняется и функция самого слова *хиппи*. К функции термина-наименования все чаще присоединяется функция характеристики: *зарос, как хиппи, длинные волосы, как у хиппи*. Социальная сущность слова отодвигается на задний план, выдвигаются чисто внешние детали, подчас очень далекие от первоначального значения слова, намечается оценочное переосмысление. Например, *мода хиппи* — это чрезмерные украшения, дешевые, но в большом количестве (кольца на всех пальцах, цепи чуть ли не с километр и т. п.), бубенцы и колокольчики на одежде, ориентальные мотивы, полуиндийские, полуцыганские, в покрое платья и, конечно, в рисунке тканей.

Мода хиппи воспринимается как протест против геометризма, как победа романтического стиля (см. о этом: «Humanité Dimanche», 1967, 31 дек.).

Мода на длинные волосы у мужчин также воспринимается как мода *хиппи*. Возникает даже термин *длинноволосый не-хиппи*: «... надо отделить *хиппи* с длинными волосами от респектабельных и долгогривых *не-хиппи*» («За рубежом», 1967, № 51, стр. 32).

В русском языке *хиппи* — неизменяемое существительное. Формы множественного числа — *хиппиз*, соответствующие аналогичной форме в английском языке, единичны. Можно сказать, что иностранные слова на гласный не подчиняются словоизменительной системе русского языка, но образуют свою микросистему, усваивают категорию рода, а формы числа и падежа находят контекстное выражение.

Хиппи употребляется и как определительный элемент в сложносоставных словах: *хиппи*-литература, *хиппи*-театр, *хиппи*-пьеса: «... первая *хиппи*-пьеса «Волосы» идет на Бродвее» («Литературная газета», 1968, 28 авг.). Современное употребление разобранных ранее слов, их жизнь в языке показывают, что неправомерно сводить сложные и многообразные значения анализируемых лексем к первоначальному узкоэтимологическому осмыслению (ср., например, толкование слова *битник* как чисто музыкального термина).

8

В последние годы в нашем музыкальном словаре появилось довольно большое количество новых слов. Сначала они встречались в языке профессионалов-музыкантов. Подчас слова-«новички» обозначали спорные музыкальные жанры и явления. Острые дискуссии вынесли их на страницы газет и журналов[1].

Уже со времени восьмого фестиваля в Сан-Ремо «начинается официальное, закрепленное на большой эстраде ... состязание между певцами-лириками и ритмистами, прозванными *крикунами*. В зависимости от манеры исполнения певцы-ритмисты получают прозвища — *дергунчики*, *крикуны*, *шептуны*»[2]. Последние два названия входят в русский язык как кальки с итальянского[3].

Это названия, дающие одновременно оценку новому явлению: певец кричит или шепчет, но не поет. Просвечивающая семантика раскрывается и значением корня (*крик-*, *шепт-* от *кричать*, *шептать*) и подкрепляется определенной окраской суффикса *-ун*. Этот малопродуктивный суффикс чаще всего выступает в современном языке (за небольшим исключением) в словах — названиях действующих лиц, склонных к какому-либо малоприятному или неприятному

---

[1] См.: «Известия», «Советская культура», «Комсомольская правда» и др. (1962—1966) — здесь печатались статьи Дмитрия Шостаковича, Арама Хачатуряна, Тихона Хренникова, В. Соловьева-Седого, К. Ваншенкина, Марка Бернеса и др.

[2] Подробнее см.: Ю. Волков. Итальянская песня на эстраде. «Советская музыка», 1965, № 12, стр. 94—98.

[3] Ср., например, итальянское *urlatóre* — 'крикун'. «Да, это — *крикуны* («урлатори» — по-итальянски), но *крикуны*, так сказать, художественные» («Советская культура», 1961, 21 февр.).

действию, ср.: *болтун, хвастун, шалун, драчун* и особенно новое переосмысление слова *летун* («*Разг.* Тот, кто часто меняет место работы (в погоне за большим заработком), от основного значения 'тот, кто летает, имеет способность летать'» [1]).

Одновременно с терминами *крикун* и *шептун* для исполнения песен с эстрады появляется наименование *микрофонное пение, микрофонный певец*.

Микрофонный певец часто заменяют старым сочетанием *эстрадный певец*. Если словосочетание *микрофонный певец* характеризует в какой-то степени новую манеру пения, то старое *эстрадный певец* никакой новой характеристики дать не может. Поэтому язык как бы продолжил поиски наименования новых приемлемых и неприемлемых исполнительских манер, поиски «видовых» наименований.

Так, за исполнителями песен нового эстрадно-микрофонного жанра из Франции закрепилось французское же слово *шансонье*: «Жан Бреаль ... его имя значится среди самых популярных французских *шансонье*...» («Огонек», 1965, № 44, стр. 29). Первое время еще непривычное и не совсем ясное в русском обиходе *шансонье* требовало пояснений или само выступало в роли определения-приложения: «Ален Делон ... воплотит на экране образ одного из самых любимых французских *певцов-шансонье* — Мориса Шевалье» («Советская культура», 1966, 6 янв.).

Песни же *шансонье* принесли свое французское «имя» — *шансон*, имеющее точный эквивалент в русском языке — *песня*. Это слово стало дифференцирующим синонимом, выделяющим песни *шансонье* как особый жанр: «Лемарк поет *шансон*, написанные им самим. «Маржолена», «Лягушка», «Маленький сапожник» и, конечно, знаменитый «Солдат». Эти песни напевают во многих странах...» («Комсомольская правда», 1966, 21 янв.); «...одно из мероприятий фестиваля — международный конкурс танцевальных песен и *шансонов* — видели телезрители многих стран...» («Советская культура», 1965, 15 июня).

Оба слова — *шансонье* и *шансон* — заимствования из французского языка, но вошли в русский язык в разное время. *Шансонье*, как свидетельствуют словари, было отмечено русскими лексикографами еще в 1864 г.: «*Шансонье*

---

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 6. М.— Л., 1957, стлб. 194).

(франц.) — автор народных песен»[1]. Следовательно, значение заимствованного слова в русском языке достаточно определенно и совпадает со значением в родном языке: «Поэт, пишущий песенки; певец, исполняющий их»[2].

В. И. Ленин, проявляя интерес к песням рабочих окраин, считал целесообразным сохранять это французское слово без перевода. Вот что писал он в письме к Марии Ильиничне Ульяновой 2 января 1910 г.: «Собираюсь сегодня в один увеселительный кабачок на goguette révolutionnaire к «песенникам» (неудачный перевод chansonniers)»[3]. Дело в том, что оба слова, одинаковые в своем основном значении, имеют разную национальную окраску: *шансонье* связано с песнями французского народа, а *песенник* — с песнями русского[4]. Окраска эта не стирается, если слова попадают в иное национальное окружение, что не допускает абсолютной синонимии, эквивалентности.

Шансонье как слово иностранное, оканчивающееся на гласный звук [э], несклоняемо. В этом смысле оно сохраняет самостоятельность, не подчиняется грамматической системе русского языка.

Существительное *шансонье* за последние годы вновь стало широко употребляться, особенно в публицистике[5]. Теперь в русском языке *микрофонный певец-шансонье* противостоит *микрофонному певцу-крикуну*. Тем самым углубляется и обогащается содержание слова *шансонье*.

Сравним два газетных сообщения о французских певцах и проследим значения слов *шансонье* и *крикунья* в русском

[1] Ф. Толль. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания, т. 3. СПб., 1864, стр. 1022. Любопытен перевод *шансонье* на русский язык, сделанный авторами «Словаря на семи языках»: *сочинитель, песенник* (А. и В. Поповы.— Словарь на семи языках, т. 1. Варшава, 1902, стр. 402). Слова *шансонетка, шансонетный, шансонеточный* нуждаются в особом рассмотрении и здесь не освещаются.

[2] Словарь современного русского литературного языка, т. 17. М.— Л., 1965, стлб. 1263—1264. Ср.: «*Chansonnier*. Автор песен». В речевой практике — и 'исполнитель песен'. См. в словаре примеры типа «Chansonnier dans un cabaret» (P. Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, v. I. Paris, 1957, стр. 707).

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 302.

[4] О слове *песенник* (=*песельник*) см.: В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 3, 1912, стлб. 1444.

[5] См., например: «Известия», 1966, 27 июня: «Почти все «*шансонье*» умеют «сыграть песню», как жанровую картинку»; «Советская культура», 1966, 14 июля: «В роли Артиста он (Брассенс) не слишком отличался от того прославленного *шансонье*, которого французская публика привыкла «ловить» на редких, очень редких концертах...»

языке: 1) «Сказать, что у Лемарка есть голос — нельзя. Он типичный *микрофонный певец*, как и все до него приезжавшие французские *шансонье*. Никто из них никогда не готовился к певческой карьере в прямом вокальном смысле этого слова. Здесь никакая вокальная школа не поможет, если нет своего чисто индивидуального подхода к жанру» («Известия», 1968, 22 янв.); 2) «А недавно во Франции был опубликован специальный словарь «Скажи, Шейла», посвященный французской *крикунье* ... Словарь, состоящий из вопросов и ответов, раскрывает удивительную, какую-то бравирующую ограниченность *крикуньи* Шейлы. Вот, например, вопрос: «Что вы знаете об опере?» и ответ: «Если ехать в метро, то эта остановка будет сейчас же после остановки «Порт де Лила» ...» («Советская культура», 1964, 12 мая).

Итак, *шансонье* — не *крикун*, не *шептун*. Это певец, внимательный к слову, к содержанию песни.

Слово *шансон* для русского языка — сравнительно новое заимствование, не отмеченное словарями. Соответственно окончанию существительное *шансон* получает парадигму склонения имен мужского рода на твердый согласный. Правда, падежные употребления еще ограничены, не закреплена и форма множественного числа *шансоны*. Ср.: «Лемарк поет *шансон*, написанные им самим...», но «международный конкурс танцевальных песен и *шансонов* ...».

Популяризация эстрадной песни, популярность певцов — одна из многих примет нашего времени. Ср.: «В последние годы в Москве стаями и в одиночку бродили песни. Одни рождались и умирали немедленно, другие переходили из дома в дом ..., а геологи и туристы привозили с собой самодельные, сочиненные на привалах у костров...» («Огонек», 1966, № 16, стр. 22).

Все это обусловило поиски экспрессивных синонимов, образных определений к обычному слову *певец* в новом широком употреблении. Чаще всего в этой функции встречаем существительные *менестрель* и *бард*. Эти слова получают новое звучание: «Сразу 80 *менестрелей* услышали мы в одном из концертных залов. Это певцы Государственного академического мужского хора Эстонской ССР. Название *менестрелей* они вполне оправдывают: 203 тысячи километров — примерно четыре кругосветных путешествия — совершил хор в поездках на гастроли» («Огонек», 1965, № 44, стр. 29); «С огорчением расстаемся мы с Клавдией Иванов-

ной Шульженко и, оставив ее в компании внучек ... отправляемся на встречи с другими *менестрелями*» («Огонек», 1966, № 1, стр. 32). А вот еще несколько строк: «И уж если размечтаться, то почему бы, скажем ... не провести летом на открытой эстраде ... конкурс *менестрелей* города ... или соревнования по телевидению — «*менестрели* Киева против *менестрелей* Москвы». Молодой человек с гитарой — «*бард* шестидесятых годов»,— заключает автор статьи «Что им петь?» («Литературная газета», 1965, 13 мая).

Журналы и газеты вынесли размышления о советской песне в широкую печать: «В «Кругозоре» прозвучат песни, исполняемые самодеятельными коллективами, современными *бардами*, драматическими актерами, музыка из кинофильмов, новые песни советских композиторов ...» («Комсомольская правда», 1966, 2 февр.). В статье «Размышления у разбитой гитары ...» авторы выясняют место и значение песни в жизни современной молодежи, юных *менестрелей* (см.: «Советская культура», 1966, 18 июня). На статью откликнулись многочисленные читатели газеты: «Если так будет поставлена работа, то скоро богатыми станут наши *менестрели* песнями, которые можно петь всегда и везде» («Советская культура», 1966, 5 июля). Сообщение о приезде в СССР греческого композитора Микиса Теодоракиса названо «Мятежный *бард* страны Эллады» («Советская культура», 1966, 1 окт.).

Оба слова *бард* и *менестрель* вошли в русский язык давно. «*Бард*, *а*, м. Певец-поэт у древних кельтских племен ... Распространительно. В поэтической и образной речи: о певце, поэте вообще ...» Как свидетельствуют словари, слово *бард* было употребительно в русском языке уже в середине XVIII в.[1]. «*Менестрель*, *я*, м. Певец, музыкант, обычно и поэт (главным образом лирический), состоящий на службе при дворе феодального сеньора в средневековой Франции и Англии...» *Менестрель* восходит к латинскому *ministerialis* —'состоящий на службе'. Словарями русского языка фиксируется с 1864 г.[2].

Возможно ли говорить о новом оттенке значения для слов *менестрель* и *бард* в русском языке 60-х годов XX в.?

---

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 1. М.—Л., 1948, стлб. 276—277.

[2] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 6. М.— Л., 1957, стлб. 833.

Наблюдая слова *менестрель* и *бард*, нельзя не заметить, что возникает метафора, а не новое узуальное значение или оттенок значения. Существительное *менестрель* выступает в функции характеристики. Это эмоционально-образный, но контекстный, окказиональный синоним. В зависимости от окружения *менестрель* получает положительное или отрицательное, ироничное или шутливое осмысление. Способствует такому восприятию возможность соотнесения слова *менестрель* с разными понятиями, с разными музыкальными явлениями, иногда противоположными друг другу, что, в свою очередь, препятствует возникновению нового значения.

Но необходимо отметить, что и *бард* и *менестрель* потеряли былую принадлежность только к высокому стилю. Именно это, как можно заметить, расширило круг употреблений и сочетаемости слов *бард* и *менестрель*.

Обратим внимание еще на одно интересное явление в ряду *бард* — *менестрель*. Общая функция характеристики как бы сближает слова, стирает индивидуальное в их значении, подчеркивает общее — 'певец'. Так, в мае 1966 г. в Москве появились афиши (*«Барды и менестрели»*), извещавшие о концерте во Дворце спорта в Лужниках. Радиостанция «Юность» сообщала о выступлении популярных певцов, поэтов, композиторов, а также о том, что одно из отделений концерта отдано *бардам* и *менестрелям*. Слова эти употребляются недифференцированно. Здесь можно говорить об усилении общего значения, выражаемого сочетанием, единством ряда *барды* и *менестрели*. Ср., например, единое, с оттенком усиления значения рядов *маг* и *волшебник*, *царь* и *бог*, *гог* и *магог*, *целый* и *невредимый* и другие под.[1].

И все же в речи более закрепленным наименованием самодеятельных певцов-поэтов и композиторов оказалось *бард*: «Щемящее чувство дороги ... О современных *бардах*

---

[1] См.: Словарь современного русского литературного языка: «*маг и волшебник*» — «о человеке, все делающем легко и ловко; о всемогущем человеке...» (т. 4. М.— Л., 1957, стлб. 465); *царь и бог* — «неограниченный властитель» (т. 1. М.— Л., 1948, стлб. 526); *гог и магог* — «о ком-, чем-либо страшном, внушающем ужас, или о влиятельном, важном» (т. 3. М.— Л., 1954, стлб. 198); *целый и невредимый* — «не поврежденный, не попорченный, не разрушенный» (т. 17. М.— Л., 1965, стлб. 608). Ср.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. Союз между словами, соединенными атрибутивно. Hendiadys. Харьков, 1899, стр. 291—299.

писали и спорили, их песни ругали чаще, чем хвалили ... Попробуйте сегодня купить гитару — не получится ... Несомненно, это явление связано с широким распространением песен *бардов*, которые исполняются исключительно под гитару ... Но вспомним, что песни *бардов* стали приобретать популярность в конце сороковых — начале пятидесятых годов (сейчас уже самодеятельных певцов можно делить на поколения — есть старшее, среднее, и уже появилось молодое)...» («Советская культура», 1967, 10 окт.).

Интересно, что композитор С. Кац в своей статье «Еще раз о современных *бардах*» сначала прибегает к двойному наименованию (атрибутивному ряду): «Мне очень симпатично творчество современных *бардов* и *менестрелей*». Но затем он решительно переходит к имени *бард*, выбирая его как помощника в своем споре. Композитор критикует музыку современных *бардов* и напоминает, что и само слово *бард* означало у древних кельтов 'певец, поэт', но не 'композитор'. Но вряд ли современный выбор слова *бард* можно толковать так прямолинейно. Однако, бесспорно, *бард* чаще выходит из определительного ряда *барды* и *менестрели*, приближаясь к функции номинации. «Можно, конечно ... достать у приятеля пленки со всеми песнями современных *бардов* и не спеша послушать их» («Советская культура», 1967, 10 окт.); «А вот попробуйте послушать музыку наших *бардов* без стихов ...» («Советская культура», 1967, 21 окт.).

«Музыкальные» неологизмы, связанные общим временем (50—60-е годы нашего века) и общей причиной возникновения — развитием «ритмической» музыки,— различны по семантическому назначению.

Шептун, *крикун* — это смысловые кальки, основанные на расширении полисемии у ранее известных слов. *Шансон* — заимствованное слово, усвоенное русским языком. Старое *шансонье* получает новый оттенок значения на фоне *крикун*. *Менестрель* и *бард* теряют стилистическую ограниченность.

Общим чисто языковым признаком для этих слов является функция характеристики. Но *крикун* и *шептун* имеют прозрачную внутреннюю форму, что и определяет известную однозначность, когда они оценивают те или иные явления; *шансонье* приближается к термину и потому обнаруживает тенденцию к однозначности; *менестрель* и *бард* не соотнесены с какими-либо определенными реалиями в

современном языке, что обусловливает, как мы видели, значительную свободу их употребления и образования единого атрибутивного ряда *барды* и *менестрели*.

9

В русском языке для обозначения собственно танцевальных песен «ритмического» жанра используется слово *шлягер*, заимствованное из немецкого языка. *Schlager* — слово из музыкального обихода, означающее 'боевик, модная песенка из оперетты или эстрадная песня, имевшая большой, потрясающий успех' (буквально: 'пробивной успех' — durchschlagender Erfolg)[1]. Слово это пришло из восточнонемецких диалектов и с 80-х годов прошлого века становится популярным музыкальным термином. «Так венцы называли «зажигательные» полюбившиеся им мелодии»[2].

Летом 1965 г. газета «Советская культура» опубликовала статью австрийского композитора Марселя Рубина «О *шлягерах* и дивидендах». *Шлягер* — это легкая музыка, написанная по заказу «индустрии развлечений». Музыкально примитивный *шлягер* с бессмысленным текстом, если его слушать целыми днями, подпевать ему и танцевать под него, действует как опиум (см.: «Советская культура», 1965, 12 авг.).

Шлягерам противопоставляются советские танцевальные и эстрадные песни. Они «звучат по-нашему, их не спутаешь ни с дореволюционными романсами, ни с иностранными *шлягерами*» («Советская культура», 1962, 10 нояб.).

Сами *шлягеры* как музыкальные произведения у нас встретили критическое отношение. Однако слово *шлягер* вошло в русский язык, подчинилось его системе, усвоив парадигму существительных мужского рода на твердый согласный: «Не менее грандиозно число *шлягеров*, обрушившихся на потребителя непосредственно с граммофонных

---

[1] Hermann Paul. Deutsches Wörterbuch, fünfte Auflage bearbeitet von Alfred Schrimer, 2. Halbband. Halle (Saale), 1956, стр. 510—511: «...in neuester Zeit Bezeichnung für ein Lied aus Operette oder Posse, das durchschlagenden Erfolg gehabt hat; von Wien ausgegangen».

[2] См. об этом: F. Kluge — W. Mitzka. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1967, стр. 652; Otto Ladendorf. Historisches Schlagwörterbuch. Strasburg, 1906, стр. 279; Zeitschrift für deutsche Wortforschung, т. 3, 1902, стр. 154.

пластинок ... большой бизнес на *шлягерах* возникает только тогда, когда оба средства массового воздействия на слушателя — радио и фирмы, выпускающие грампластинки, объединяют свои усилия» («Советская культура», 1965, 12 авг.).

Слово *шлягер* относится к музыкальной терминологии, но употребляется оно главным образом в публицистике. Его роль здесь преимущественно оценочная: «... в наши дни легковесные, бездумные *шлягеры* мало кого занимают — в Сопоте это было хорошо заметно» («Известия», 1966, 28 сент.); «Ансамбль и его руководитель А. Броневицкий не гонятся за сомнительными иностранными «*шлягерами*» («Известия», 1967, 6 апр.).

Если же *шлягером* названа песня отечественная, то в большинстве случаев существительное *шлягер* выполняет функцию слова-характеристики, при этом характеристики отрицательной, уничижительной. Вот несколько строк из фельетона «Математически вычисленный *шлягер*»: «Песни летели над миром — разные и прекрасные песни ... Мы с Митей не слышали этих песен. В этот вечер мы творили свой математически вычисленный *шлягер*» («Советская культура», 1965, 4 дек.); «.. доморощенный *шлягер* в духе самого низкопробного западного ревю» («Советская культура», 1968, 6 авг.).

Одновременно не исключена возможность нейтрального употребления слова *шлягер*: «— Так что же принесло все-таки нынче славу гитаре? — Я считаю — мода. Гитару привезли к нам из-за рубежа вместе с мексиканскими песнями и *шлягерами*» («Советская культура», 1966, 10 дек.); «Большинство их песенок стало *шлягерами* в хорошем смысле этого слова» («Советская культура», 1968, 11 янв.); «*Шлягер*-68» — телепередача из ГДР (1968, март); «В двадцатых годах на американском Юге среди жителей гор и собирателей хлопка родилась новая форма песен — сплав старинных народных баллад, негритянских «спиричуэлс», *шлягеров* и джаза ... Нынешний *шлягер* Кэша — это, по существу, ритмичная мелодекламация под гитару» («За рубежом», 1969, № 49, стр. 30).

Как видим, функция номинации (дифференциации музыкальных явлений) и функция характеристики (оценки этих явлений) у слова *шлягер* переплетаются.

Термин *шлягер* имеет уже в русском языке производное образование — прилагательное *шлягерный*: «Вообще сейчас

стало модным среди знати коротать вечера в ресторанах и кафе ... На подмостках там появляется все больше *шлягерных* звезд Голливуда...»(«За рубежом», 1968, № 9, стр. 18).

В последние десятилетия появился новый музыкальный стиль — «ритмический» или, как его все чаще называют, стиль *бит*, а также *биг бит*: «Даже новейшие модные ритмы прекрасно могут служить самому острому и глубокому смыслу. Молодой француз Серж Франклин в манере *бит*, изобретенной «идолами» рок-н-ролла и твиста, исполнял язвительные куплеты...» («Известия», 1966, 26 сент.).

Биг бит заимствовано из английского языка: *биг* — *big* — 'большой, крупный'; *бит* — *beat* < *to beat* — 'бить' и *a beat* — 'удар, удар барабана'. Как музыкальный термин *бит* означает 'особый стиль джаза', 'удар или серия ударов барабана (ударных инструментов)', 'звук или пульсация звуков духовых инструментов', 'регулярная пульсация в результате ритмического движения мелодии', 'мелодическое украшение (фиоритура, трель)'[1]. Казалось бы, *бит* однозначно с немецким *шлягер*. Глаголы *to beat* (англ.) и *schlagen* (нем.) семантически близки, так как имеют одно основное значение 'бить, ударять'. Но производные от них *шлягер* и *бит* не эквивалентны и входят в русский язык как самостоятельные слова с собственным значением.

Немецкое *шлягер* — это видовое название песенки, танца, рассчитанных на массовый успех — «пробивная» песня, боевик. *Бит* — наименование особого музыкального (джазового) стиля, особой исполнительской манеры, где главное составляет ритм, ударные инструменты.

10

Слова, давно известные языку, становятся иногда приметами новой эпохи. Они как бы обретают вторую жизнь, но, хотя их значения меняются незначительно, растет частота употребления.

«Знания *плюс* расчет» («Правда», 1966, 13 авг.); «Фитиль» *плюс* «Фитиль» («Литературная газета», 1966, 21 ию-

[1] Webster's new world dictionary. Toronto, 1966, стр. 193; New „standard" dictionary of the English language. Funk and Wagnalls Company. New York, 1962, стр. 246. См. также «Русская речь», 1967, № 3 (статья «Жуки-битлзы»).

ля); «Ритм *плюс* качество» («Вечерняя Москва», 1969, 15 июня); «Мысль *плюс* чувство» («Литературная газета», 1971, 24 нояб.).

Плюс в этих сочетаниях приближается по значению к союзу *и*: «Фитиль» (сатирический журнал) *и* «Фитиль» (кинотеатр для демонстрации сатирических журналов). Но слово *плюс* означает не просто присоединение, равное соединению с помощью союзов *и*, *да* (ср.: дождь *и* снег, Иван *да* Марья), а прибавление, дополнение к чему-либо[1].

Плюс (от латинского *plus* — 'больше') первоначально осмыслялось только как знак сложения. При этом первая словарная фиксация обращала внимание на то, что *плюс* — знак сложения одноименных количеств[2]. Но уже в 20-е годы прошлого века слово *плюс* выходит за пределы специального языка математиков, «наипаче алгебраистов», и развивает функцию союза, соединяющего отнюдь не одноименные величины. Приведем пример из переписки А. С. Грибоедова (1825 г.): «Таков он (Одоевский.— *А. Б.*) совершенно. *Плюс* множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел».

Взаимоотношения слова *плюс* и союза *и* весьма интересны. Впервые *плюс*, а также *минус* упоминаются как слова специальные в XIII в. Употреблялись они «для обозначения ошибки, происшедшей при решении задачи: при получении бо́льшего числа, чем следовало, говорили *плюс*, а при получении ме́ньшего числа, чем следовало, говорили *минус*». В те времена знаком сложения был латинский союз *et* — 'и', обозначавшийся сокращенно *t*. С конца XV в. *et* стали изображать как +, а *минус* изображался неперекрещенной чертой[3]. В сочинении Адама Ризе «Coss» (1524), как отмечают исследователи, «знак + употреблен вместо обычного слова *и*»[4].

Слово *плюс*, вытеснив союз *et* ('и') в специальной речи, вернулось в разговорный язык обогащенное значением этого же союза. В наше время широко известно ленинское опреде-

---

[1] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 9, Изд-во АН СССР, 1959, стлб. 1469—1470.

[2] Н. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, ч. 3. СПб., 1806, стлб. 363—364.

[3] См.: М. М. Михельсон. Опыт русской фразеологии, т. 1. М., 1900, стр. 556.

[4] См.: Г. Вилейтнер. Хрестоматия по истории математики, составленная по первоисточникам, изд. 2-е. М.— Л., стр. 37.

ление: «Коммунизм есть Советская власть *плюс* электрификация всей страны...»[1], где *плюс* означает 'добавление, присоединение важного компонента, но не равного первому члену конструкции'.

Уже со времен Пушкина заметно символическое употребление математических терминов *плюс* — *минус*: «Правда, время нашего выпуска приближается: остался еще год *плюсов*, *минусов*, прав, налогов, высокого, прекрасного!..» (из письма А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому, 27 марта 1816 г.)[2]. *Плюс* и *минус* вместе со словами *права*, *налоги*, *высокое* и *прекрасное* символизируют науки, преподаваемые в лицее.

Позднее намечается переносное значение: *плюс* — 'положительная сторона, достоинство чего-либо или кого-либо'. Это значение, по свидетельству Ю. С. Сорокина, формируется в 30-е и особенно в 60-е годы минувшего века[3]. Новое осмысление *плюс* — *минус* в обиходной речи поддерживалось, вероятно, широко известными школьными оценками: *три с минусом*, *пять с плюсом*. Ср. современное употребление *плюс*: «*Плюс* к диплому» («Комсомольская правда», 1969, 15 янв.).

Как видим, *плюс* может выступать и как неизменяемое слово в функции союза, и как имя существительное, подчинившееся системе русского именного склонения (*плюсом*) и развивающее способность управления (*плюс* → к диплому).

Многозначность слова *плюс* была осознана не сразу. Уже со времен Пушкина *плюс* функционирует не только как математический знак. Однако словарь 1847 г. фиксирует только исходное значение: *плюс* — 'знак сложения'[4]. Развившиеся переносные значения слова *плюс* не сразу входят в литературный язык. Так, в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова отмечено слово *плюс* в значении 'выгодная сторона, выгода, преимущество' только как *разговорное*[5].

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. 31, стр. 392.

[2] См.: Словарь языка Пушкина, т. 3. М., 1959, стр. 374.

[3] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.— Л., «Наука», 1965, стр. 364—365.

[4] См.: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии наук, т. III. СПб., 1847, стр. 333.

[5] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 3. М., 1939, стлб. 312—313.

В последнее время в газетной речи можно наблюдать интересную эволюцию двучленного построения с соединительным словом *плюс*. Первый компонент отбрасывается: 1) известен уже из контекста или 2) неизвестен, но должен быть выяснен из последующего контекста. Например: «*Плюс* небольшие индивидуальные сады... *Плюс* «венецианские» каналы...» Так начинались абзацы в статье, посвященной работам молодых архитекторов Еревана («Комсомольская правда», 1966, 29 сент.). Второй случай усеченной конструкции со словом *плюс* типичен для газетных заголовков: «*Плюс* красота» («Известия», 1966, 7 июня); «*Плюс* великое нечто...» («Комсомольская правда», 1967, 7 апр.); «*Плюс* 150 000» («Известия», 1971, 15 мая).

В подобных конструкциях ощущается неполнота, отсутствие первого члена, восстанавливаемого из контекста, усеченность оборота часто подчеркивается предшествующим многоточием, которое как бы напоминает о дополнительном характере второго компонента: «... *Плюс* непознаваемое» (название статьи о дрессировке зверей, «Юность», 1966, № 6, стр. 103); «...*Плюс* одержимость» (название статьи об исследователях-энтузиастах, «Вечерняя Москва», 1968, 11 мая); «...*Плюс* наша физика» («Комсомольская правда», 1971, 5 нояб.).

Иногда двойственное значение слова *плюс* — 'присоединение' и 'дополнение' — как бы раздваивается. В этом случае *плюс* синонимизируется с выражением *в дополнение*, значение же 'присоединение' передается предшествующему союзу *и*. Ср. строки об одном из английских футболистов: «У него высокая техника, мощный скоростной рывок, работоспособность и напористость и *плюс* к этому высокая результативность» («Вечерняя Москва», 1969, 9 сент.).

И, наконец, возможно еще одно значение слова *плюс* — 'дополнение — прирост, дополнительные данные, продукция' и т. п. Ср. заголовок статьи о недостаточном расширении выпуска ширпотреба: «Почему мал «*плюс*»» («Известия», 1971, 24 дек.).

Плюсу, математическому знаку, противостоит *минус* (от латинского *minus* — 'меньше'). Это противопоставление сохраняется и в развившихся нетерминологических значениях. Само же формирование новых значений у слов *плюс* — *минус* сходно.

Переносные значения слова *минус* характерны для разговорной речи. Это отмечает и Словарь современного

русского литературного языка: *минус* — 'что-либо плохое, отрицательное, недостаток, изъян' — *разговорное*[1]. Ср.: «Но к этому *минусу* своей поэтической карьеры он, как истинный поэт, относится очень спокойно» («Литературная газета», 1966, 2 июля).

Казалось бы, распространяющиеся выражения *плюс удобства*, *минус дорожные расходы*, *это — плюс* и т. п. должны неизбежно превратиться в штампы. Между тем и *плюсы* и *минусы* не теряют своей выразительности и используются как слова образные: *плюс* или *минус* придают словесному выражению краткость математической формулы. Ср.: «Чтобы не было «*минусов*». У последней программы «Кино *плюс* эстрада» «*плюсов*» значительно больше, чем «*минусов*» ... («Вечерняя Москва», 1966, 9 март.); «Из «*минуса*» — «*плюс*»... («*минусовые*» — минимальные допуски дают заводу экономию металла и в конечном счете превращаются в «*плюс*». «Правда», 1968, 12 мая). *Плюс — минус* в переносных значениях, как видим, часто заключаются в кавычки, которые как бы напоминают о необычности употребления этих слов.

Можно сказать, что *плюс — минус* никогда не порывают с математическим значением. Поэтому все переносные осмысления как бы наслаиваются на терминологическое значение и несут своеобразную «тематическую» образность, не позволяют выражениям со словами *плюс* или *минус* превратиться в стершийся образ с забытой внутренней формой.

Слова *плюс — минус* оказываются семантически емкими и одновременно экономными. Еще в 1804—1806 годах Н. М. Яновский в уже упоминавшемся «Новом словотолкователе», раскрывая значение знака и слова *плюс*, писал: «...через употребление его можно избегать весьма скучных повторений», а в статье, посвященной знаку и слову *минус*, подчеркнул, что многословие и повторение одних и тех же слов (всякий раз писать или говорить: из *а* вычесть или должно вычесть *в*) «было бы продолжительно и также очень скучно».

Как мы могли убедиться, в наше время *плюс — минус*, обогащенные переносными осмыслениями, типичны для языка газеты и разговорной речи.

---

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 6. М.— Л., 1957, стлб. 1026—1027.

Ранее мы уже отмечали, что слова заимствованные, чужие ассимилируются заимствующим языком. В чужом слове меняются не только звуковой облик (в результате подчинения иной фонетической системе), грамматическая форма (например, русское склонение имен существительных), но возникают и новые переносные значения и употребления, новые стилистические оттенки.

Казалось бы, слово *детектив* заимствовано из английского языка и поэтому чужое. Но возможно ли *детектив* в значении ‘роман особого жанра’, ‘кинопроизведение’ назвать в полном смысле заимствованием? Проследим сложный путь формальных и смысловых трансформаций слова *детектив*[1].

Детектив производно от латинских *detēgĕre* — ‘раскрывать, обнаруживать’ и *detēctia* — ‘раскрытие’. Отсюда французское *détective* — ‘сыщик’, заимствованное многими языками: английское *detective*, немецкое — *Detéktiv*, а также и русское — *детектив*; основное значение слова ‘сыщик, тайный агент полиции’.

В русском языке *детектив* впервые попадает в словарь в 1935 г. (см. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова). Связывалось значение слова *детектив* в первую очередь с жизнью и бытом Англии и Америки.

В английском языке имя существительное *detective* вошло как определение в функции прилагательного в словосочетание *a detective story* — ‘детективное произведение, роман, кинофильм’. На русском языке возникли грамматически точные соответствия: *детективные произведения*, *детективные фильмы*. Но одновременно в этом значении стало функционировать сокращение — *детектив*. Такое сокращение типично для русского языка, особенно для определений иноязычного происхождения. Ср.: *рентгеновский аппарат* → *рентген*; *оперативный уполномоченный* → *опер*. Сокращенное определение-прилагательное *детектив* субстантивируется со значением ‘детективное произведение — роман, фильм’ и т. п.

В начале века существовало сочетание *салонный детектив*, упоминаемое Б. Лихачевым в книге «Кино в России»:

---

[1] О значении слова *детектив* в русском языке см. также: Л. П. Крысин. О слове детектив. В сб. «Вопросы культуры речи», вып. 6. М., 1965, стр. 179—181.

«Последний фильм («Тайна дома № 5») интересен тем, что является первой попыткой создать *салонный детектив* с мистической подкладкой...»[1].

Научный детектив — это книга о поисках ученого: «Розыск идет и в физике, и в биологии, и в истории, в которых не разгаданы еще многие загадки» («Литературная газета», 1965, 2 нояб.). Здесь определение *научный* подчеркивает характерный для данного употребления слова *детектив* оттенок, выделяет возможное, но не обычное понимание этого существительного.

Во второй половине XX в. возникает еще одно сочетание — *песенный детектив*: «... итальянские поэты и композиторы создали также немало прекрасных песен... но это не ультраритмы, не *песенный детектив*, а маленькие новеллы, полные веселого задора, страсти и огня»[2].

Всякий раз определение (*научный*, *салонный*, *песенный*) придает слову *детектив* иную окраску, позволяет ввести его в новую, дотоле неизвестную сферу употребления. *Детектив* во втором значении ('роман, фильм' и т. п.), следовательно, не является прямым заимствованием. Оно возникло как бы параллельно заимствованному *детектив* — 'сыщик' и имеет свою жизнь в русском языке.

* * *

«Осовременивание», обновление слов и словосочетаний — явление чрезвычайно интересное. Выражение *хороший тон* — 'хорошая манера поведения, характер, стиль жизни'[3] — почти закрепило иронично-шутливую окраску, а слово *этикет* — 'установленный порядок поведения, формы обхождения в каком-либо обществе'[4] в современном русском языке все более, казалось, устаревало. Ср. хотя бы замечание писателя Вадима Кожевникова: «... *хороший тон*. В дни юности наших отцов это словосочетание было в постоянном обиходе и не заключало в себе иронического или даже

---

[1] Б. С. Лихачев. Кино в России (1896—1926). Academia. Л., 1927, стр. 109—110.

[2] Ю. Волков. Итальянская песня на эстраде. «Советская музыка». 1965, № 12, стр. 98.

[3] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 15. М.— Л., 1963, стлб. 605—606.

[4] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 17. М.— Л., 1965, стлб. 1936.

шутливого оттенка ... Позволю себе употребить еще одно старомодное слово: *этикет...*» («Литературная газета», 1966, 16 авг.). Но вот в связи с вопросами воспитания нашей молодежи возникает новое словосочетание *советский этикет*, делается попытка вернуть к жизни сузившее сферу употребления выражение *хороший тон* (см. «Литературная газета», 1966, 16 авг.). Газеты оживленно обсуждают проблемы воспитания: «Может, пора школе не между делом, а по-настоящему помочь нашим детям освоить правила *этикета* и *хорошего тона*» («Вечерняя Москва», 1966, 23 авг.).; «Сегодня разговор о *советском этикете* — явление назревшее, необходимое и естественное» («Литературная газета», 1966, 3 сент.); «Курс *этики* следует ориентировать на актуальные жизненные проблемы, уделив внимание тому, о чем завел разговор В. Кожевников,— нашему *советскому этикету*» («Литературная газета», 1966, 3 сент.). Свою статью «*Этикет*, хорошо это или плохо?» Сергей Михалков заключает словами: «*Советский этикет* — это прежде всего такая философия поведения, при которой каждое мгновение жизни наполнено добром и радостью» («Литературная газета», 1967, 17 мая).

Будут ли найдены для моральных, нравственных понятий нашего времени новые слова или расширит круг употребления сочетание *хороший тон*, а старое слово *этикет* обновится с помощью нового определения *советский* — это еще вопрос нерешенный. Но переосмысление целых словосочетаний, оживление слов с помощью определений — активный процесс в современном языке.

* * *

Вот еще пример обновления значения слова. В «Вечерней Москве» от 29 ноября 1965 г. было напечатано интервью с министром высшего и специального среднего образования РСФСР, в котором речь шла о *советском коммерсанте*: « — Сейчас нам, как никогда, нужны *коммерсанты*, *советские коммерсанты* — специалисты высокой квалификации, знатоки конъюнктуры, внутреннего и внешнего рынка, люди, умеющие организовать экономически выгодную деятельность предприятия. Нужны *коммерсанты*,— отмечает министр,— инициативные, смелые ». «—Кстати,— задает вопрос корреспондент газеты,— не пора ли «восстановить в правах гражданства» это слово — «*коммерсант*»?» —

«Может быть»,— отвечает министр и добавляет, что «многие годы это слово звучало у нас только негативно. Сейчас организуется подготовка *советских коммерсантов*».

Определение *советский* обновляет значение старого слова *коммерсант*, снимает с него отрицательный оттенок, закономерно созданный капиталистической практикой. Ср., например, название статьи о новых принципах в советской торговле — «*Советский коммерсант*» («Вечерняя Москва», 1966, 26 февр.).

На этом семантическое развитие слова не заканчивается. Все чаще встречается слово *коммерсант* без определения: «Хотим быть *коммерсантами*» («Литературная газета», 1965, 30 дек.). 11 июля 1966 г. «Вечерняя Москва» опубликовала статью под заглавием «*Коммерсант* фирмы «Большевичка», где сообщалось: «Мы очень нуждаемся в таких людях, как *коммерсант* фирмы «Большевичка». Их выдвигает сама жизнь. Это представители редкой пока у нас профессии ... Работа *коммерсанта* фирмы «Большевичка» — еще одно доказательство того, что овладеть искусством торговать не только нужно, но и можно!» А 19 сентября того же года в той же газете было опубликовано письмо «Рабочий день *коммерсанта*» о дне коммерческого директора одной из московских фабрик. Ср. также: «Стоит ли удивляться, что в деревне подобрались в общем-то грамотные и квалифицированные кадры хозяйственников, но почти совсем не оказалось *коммерсантов*, финансистов. Не оказалось потому, что на них не было раньше спроса. И вот колхозы получили большую экономическую самостоятельность. Создалась принципиально иная обстановка... Колзиков заметил и не растерялся. Почему? Наверное, потому, что время притушило, но не погасило в нем окончательно чутье экономиста, *коммерсанта* в лучшем понимании этого слова» («Известия», 1967, 24 янв.); «Место *коммерсанта*. — Канули в прошлое старые методы сбывания продукции. Резко поднялась роль прежде незаметных людей — сбытовиков, или *коммерсантов*, как их часто теперь называют» («Вечерняя Москва», 1967, 31 янв.). «*Коммерсант*» Кудрявцев» (статья посвящена опыту инженера, «Комсомольская правда», 1971, 6 июня). Обратим внимание на кавычки, сопровождающие иногда слово «*коммерсант*», которые удерживают имя в функции оценки, сравнения.

Как видим, намечается новое употребление слова *коммерсант* без определения *советский* в значении 'советский

коммерсант'. В подобных случаях определение как бы передает свое значение определяемому. Наблюдается формирование нового значения, возникновение полисемии через промежуточное звено — сочетание с определением. Например: *командир* → *красный командир* → *командир* в значении 'красный командир'; *офицер* → *советский офицер* → *офицер* в значении 'советский офицер'; *спутник* → *искусственный спутник* → *спутник* в значении 'искусственный спутник'[1], *коммерсант* → *советский коммерсант* → *коммерсант* в значении 'советский коммерсант'.

12

По ассоциации или близости функций новый предмет или явление, как уже отмечалось, называют старым словом, иногда с уточняющим определением, которое как бы обновляет старое значение, подчеркивает наиболее характерную, отличительную черту в новом. Часто такое определение связано с образно-экспрессивной оценкой нового явления. Проиллюстрируем это положение рядом примеров.

В русских словарях слово *экран* было впервые отмечено Н. М. Яновским в 1806 г.: «*Экран.* Фр. ширмы, заслон, щиток, который становится перед каминами»[2].

В «Опыте словаря русского языка» М. Изюмова, изданном в 1880 г., указано: «*Экран.* Франц. *écran* — рама, затянутая тканью или чем-либо другим, ставимая у печки для устранения жара или надеваемая на свечу. В большом же виде — рама, натянутая полотном смоченным, употребляется при опытах с волшебным фонарем»[3]. Следовательно, *экран* — это уже предмет, не только защищающий от света, но и отражающий световые картины волшебного фонаря. Однако в словаре В. И. Даля ни в первом (1866 г.), ни во втором — «значительно умноженном» — издании (1882 г.) это значение не регистрируется. Об *экране* сообщается лишь только, что это «щит, заслон на ножках к печи или камину». И только в третьем издании, «исправленном и

[1] О слове *спутник* в значении 'искусственный спутник' см. подробнее стр. 23—33.

[2] Н. М. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, ч. III. СПб., 1806, стлб. 1233.

[3] М. Изюмов. Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими, отдел II. СПб., 1880, стр. 490.

значительно дополненном», под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ (1909 г.) у слова *экран* отмечается расширение функций и формирование нового значения. К прежнему определению добавлено: «Белая поверхность, обыкновенно холст, на котором получается изображение волшебного фонаря»[1].

Попутно отметим, что слово *экран* имеет интересную географию. Это одно из так называемых культурных слов, получивших распространение в разных языках вместе с распространением определенного понятия и предмета. Французское *écran* в значении 'защита от огня — ширма перед огнем' впервые зафиксировано в 1318 г. Восходит оно к верхненемецкому *Schrank* — 'решетка, ограда' (современное немецкое 'шкаф'). В 1820 г. *écran* получает значение 'доска, поверхность, на которую наводят, проецируют изображение'. Это время «волшебного фонаря»[2]. В 1895 г. вместе с рождением кино рождается и новое значение у слова *écran* —'киноэкран', первоначально, как отмечает один из словарей, у братьев Люмьер — отцов современного кинематографа.

В немецком языке функционирует слово *Schirm* (фонетическая модификация от *Schrank*) в значении 'защита, ограда от чего-либо', например огня. Это слово последовательно получило значения терминов, связанных то с «волшебным фонарем», то с кинематографом, то, наконец, с телевидением. То же явление полисемии наблюдается и в английском слове *screen*, этимологически связанном с *écran* и *Schrank* — *Schirm*[3]. Развитие полисемии существительного *экран (каминный экран → телеэкран)* проходит, как свидетельствуют словари, сходными путями для многих языков — русского, французского, польского и др. Но употребление и сочетаемость, особенно с экспрессивно-образными определениями, выделяет национальное своеобразие.

Потребность в экспрессивных, образно-оценочных выражениях нового понятия к и н о э к р а н обусловливает по-

---

[1] Характерно, что в Петербурге уже в 1858 г. общедоступные лекции в так называемой Публичной аудитории сопровождались демонстрацией «волшебного фонаря».

[2] A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris, 1964, p. 255.

[3] F. Kluge, W. Mitzka. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1967, S. 650; W. Skeat. An Etymological dictionary of the English Language. Oxford, 1963, p. 543.

иски постоянных эпитетов к слову *экран* в его основном и переносных значениях. Например: *белый экран* — « ... промелькнули на экране какие-то сцены, картины и бесследно погасли в памяти, как гаснет электрический свет аппарата на *белом экране*» («Вестник кинематографии», 1914, № 84/4, стр. 16); «*Живой экран*» — под таким названием издавался в Ростове-на-Дону синематографический журнал (см. сообщение об этом в «Сине-Фоно», 1912, № 24, стр. 25). Но сочетания *белый экран*, *живой экран* не закрепились в разговорной практике, а остались в ряду окказиональных образно-оценочных выражений. Недолго просуществовало и сочетание *серебряный экран*, отражавшее особую технику изготовления экранного полотна (пропитка серебром)[1]. Возникали сочетания, образность которых основывалась на прямой связи с материалом экрана: «Жизнь на *полотне*» (название заметки писателя Скитальца о кинохронике, посвященной Л. Н. Толстому).

Малый экран, *домашний экран* (наряду с *малое кино*) обозначают 'любительское кино': «Свет и тени *домашнего экрана*» — о радостях и огорчениях кинолюбителей («Вечерняя Москва», 1965, 26 авг.).

Телеэкран также получил свои образные определения: «... в квартирах зажигаются *маленькие экраны*» («Советская культура», 1960, 23 фев.); «Размышления у *серебристого экрана*» («Советская культура», 1962, 18 дек.); «*Домашний экран*... телевидение — в нашей гостиной» («Литературная газета», 1969, 29 янв.); «Институт на *голубом экране*» («Правда», 1965, 17 окт.); «На *голубых экранах* Прикамья» («Известия», 1965, 8 дек.). После некоторого колебания — *малый*, *маленький*, *домашний*, *серебристый*, *голубой экран* — язык выбрал, как мы знаем, цветовую ассоциацию: *голубой экран*.

Малый и *домашний экран* закрепляются за любительским кино или употребляются как абсолютные синонимы к *голубой экран*: «Поэтика *малого экрана*» («Советская культура», 1965, 22 окт.) — статья, посвященная «продукции *голубого экрана*».

Сочетание *голубой экран* постоянно и однозначно — 'телевизионный — телеэкран', в то время как *малый экран* и *домашний экран*, хотя и представляют устойчивые сочета-

---

[1] См.: Б. С. Лихачев. Кино в России (1896—1926), Academia. Л., 1927, стр. 30.

ния, но не имеют одного закрепленного значения. Это и 'любительское кино' и 'телевидение — телеэкран'. Первоначально прилагательное *голубой* создавало только определенный цветовой образ:

Ты прикорнула на диване,
упрятав ноги в теплый мех.
На *голубом телеэкране*
не омраченный чей-то смех...[1]

Впоследствии *голубой* становится не только постоянным определением для телеэкрана, но и оживляет почти ушедший из употребления окказиональный эпитет киноэкрана — *белый*. Ср., например, заголовок газетной информации о двух вариантах фильма — для кинопроката и телевидения: «Для *голубого* и *белого* экранов» («Советская культура», 1968, 19 сент.); «Фестиваль телевизионных фильмов в Монте-Карло... собрал многочисленных зрителей, и прессу, и ведущих «звезд» *белого* и *голубого* экрана» («Советская культура», 1968, 17 февр.). Так за двумя значениями слова *экран* — 'киноэкран — телеэкран' закрепляется цветовая дифференциация. Экспрессивное цветовое наименование телеэкрана находим мы и во французском языке — *l'écran bleu* (голубой — синий экран)[2], а в польском возникло постоянное словосочетание *стеклянный экран*. Материал самого телеэкрана — стекло — оказался наиболее ярким определителем, противостоящим материалу киноэкрана — полотну: «Изображения на *стеклянном экране* доходят до все более широких масс... Детей, появившихся на свет в пятидесятые годы нашего века, не удивляет уже *стеклянный экран* в родительском доме» («Польша», 1960, № 11, стр. 38—39). Ср. также немецкое: *Filmleinwand* — «полотняная стена для фильмов» — образное название киноэкрана. В эстонском языке русское *голубой экран* переводится *hélesinine ekraan* — «светло-синий» экран». В эстонском нет абсолютного эквивалента для русского *голубой*. Однако переводное (калькированное) цветовое определение уступает место собственно эстонскому *hélendav ekraan* — «светящийся экран». Субботние передачи Московского телевидения «*Голубой огонек*»

---

[1] А. Я. Марков. Цветы и камни. М., 1958, стр. 170 (первая публикация — «Литературная газета», 1957, 18 июля).

[2] О сопоставительной истории слов в разных языках см., в частности: В. Г. Гак. Беседы о французском слове. М., 1966, стр. 234.

в переводе на эстонский утрачивают цветовые ассоциации. По-эстонски «*Голубой огонек*» — *kútsuv túluke* — «зовущий, приглашающий огонек»[1]. Так в оценочно-образных определениях отражается национальное своеобразие восприятия.

Цепочка определений *цветной*, *черно-белый*, *обычный*, *широкий*, *широкоформатный* имеет техническое значение. Сочетание *цветной экран* обусловило противопоставление *цветной экран — черно-белый экран*. Попутно заметим, что первые цветные фильмы были подкрашенными или подсвеченными[2]. Это была иная техника и иное качество, чем в современных цветных фильмах, передающих средствами фотографии естественные краски. Следовательно, *цветной* в сочетании *цветной экран* (фильм) на заре создания кинематографии в начале XX в. означало нечто иное (подкрашенная кинопленка, подсвеченный киноэкран), чем современное осмысление этого сочетания (естественные краски, проявленные на кинопленке). Но разное техническое содержание вкладывается в одну и ту же оппозиционную пару: *цветной экран* (фильм) — *черно-белый экран* (фильм).

Новый шаг в технике вызывает новые языковые ассоциации. Создание широкого экрана обусловило не только новое наименование — *широкий экран*, но стало необходимым противопоставление *широкий экран* — *обычный*, неширокий *экран* или *широкий экран — экран*. Определение *широкий* сужает, «специализирует» значение слова *экран*, которое без определения, попадая в оппозицию (*широкий экран — экран*), ограничивается старым значением и тем самым тоже сужает значение (*обычный*, т. е. *неширокий экран*). Это известный путь возникновения специальных наименований: имя = словосочетание («определение+определяемое»)= новое значение. Имя без определения остается общим наименованием и наименованием в старом значении: 'экран (каминный, киноэкран)' и 'киноэкран неширокий, «обычный»'. Дальнейшее развитие полисемии возможно путем конденсации значения целого сочетания («определение + опре-

[1] Примеры из эстонского языка любезно присланы А. С. Изоп-Егоровой (Таллин, Кафедра русского языка Педагогического института им. Э. Вильде). О сочетании *голубой экран* см. подробнее: А. А. Брагина. От голубого неба до голубого экрана (о возникновении новых словосочетаний), «Русский язык в школе», 1966, № 3, стр. 79—83.

[2] См.: Р. Соболев. Люди и фильмы русского дореволюционного кино. М., 1961, стр. 14. См. также: А. А. Брагина. Кинослова: их развитие и их жизнь в русском языке. «Вестник Московского университета». Серия журналистики, 1971, № 4, стр. 62—70.

деляемое») или путем создания сложного слова: *каминный экран → экран; кинематографический экран → киноэкран → → экран; телевизионный экран → телеэкран → экран.*

В настоящие годы при слове *экран* начали употреблять экспрессивное определение *глубокий*: Художник *глубокого экрана* (о Г. Козинцеве)[1]. Это вывело слово *экран* из круга технических понятий и переключило его в план широких переносных значений, в которых роль оценочных отношений очень велика. Сочетание *глубокий экран* может иметь только значение 'киноискусство глубоких мыслей и чувств', где прилагательное *глубокий* определяет уровень киноискусства — экрана независимо от тех или иных технических средств (*цветной экран*, *широкий экран* и т. п.). С позиции системы можно было бы ожидать сочетания *глубокий экран* — *мелкий экран* по аналогии, например, *глубокие чувства* — *мелкие чувства*, но в норме аналогия не образовалась. Сочетание *глубокий экран* синонимично *большое искусство*, в то время как *большой экран* приобрело техническое значение 'широкий прокат фильма (одновременная демонстрация фильма во многих городах)'. Это последнее сочетание сближается с рядом *первый экран — второй экран*: 'право первой демонстрации — повторная демонстрация'. Сочетания *малый экран — маленький экран*, означающие 'любительское кино или телеэкран', оппозиционной пары с *большой экран* не образует, хотя прилагательные *большой — маленький* вне данных сочетаний — парные антонимы. Ср. также *веселый экран*: «Приглашаем вас к *веселому экрану...*» (название вечерних телепередач кинокомедий). Сочетание: *веселый экран* синонимично — *комедийное киноискусство*. Тем самым в этом значении невозможна оппозиция *веселый экран — грустный экран*, которую диктуют обычные системные отношения прилагательного *веселый*. Для сочетания *веселый экран* в языковой практике такой оппозиции нет.

Как мы видим, с помощью определений слово *экран* может переходить из сферы технических категорий в сферу оценочных осмыслений.

Способность определений «распространить» слово отмечалась еще М. В. Ломоносовым[2]. Л. В. Щерба в своей из-

---

[1] См.: «Искусство кино», 1965, № 5; также — Г. Козинцев. Глубокий экран. М., 1971.

[2] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 7, Изд-во АН СССР. М.— Л., 1952, стр. 149 и след.

вестной работе «Опыт общей теории лексикографии» поставил сходную проблему, чрезвычайно важную не только для составителей словарей, но и для преподавателей русского языка. В каких случаях лучше рассматривать словосочетание как единую лексему? Ср.: *игла — швейная игла — филейная игла.* Считать ли особым значением в системе слова метафоричные, но в общем закрепленные языковой практикой: *острые иглы ячменя* (Карамзин), *тонкие нежные, молодые иглы травы* (Л. Толстой), *Адмиралтейская игла* (Пушкин) и другие образные вариации слова в значении 'иглоподобный'[1].

Если вернуться к слову *экран*, то с позиций Л. В. Щербы выделить постоянные — специальные и терминологические — сочетания *(первый экран, большой экран, широкий экран)* и образные *(голубой экран)* было бы еще недостаточно для изучения языка. Необходимы и те окказиональные сочетания, в которых слово *экран* выступает в новых контекстных значениях: *большой экран* — 'широкая демонстрация фильмов' и «*Большой экран* времени. Заметки с международного кинофестиваля» («Известия», 1966, 12 июля). Во втором случае сочетание *большой экран* — окказионально, означает 'большое количество фильмов'. Сравним еще: *широкий экран* — специальный технический термин и «*Широкий экран* континентов. Международный кинофестиваль в Ташкенте» («Известия», 1968, 21 окт.). Во втором случае также окказиональное сочетание, где *широкий экран* означает 'широкий охват — широкую демонстрацию кинофильмов разных стран'. Определения *большой* и *широкий* в этих примерах — окказиональные синонимы. К такого рода сочетаниям относятся и *глубокий экран* — 'глубокое киноискусство' и *веселый экран* — 'один из жанров киноискусства — кинокомедия'. Могут ли претендовать на словарную фиксацию образные, метафоричные словосочетания, если они не стали (подобно *глубокий экран*) постоянными? *Глубокий экран* и *веселый экран* — это окказио-

[1] См.: Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 70, 71. Ср. также наблюдения Германа Пауля над смысловыми изменениями слова *Schirm* — 'каминный экран; абажур; козырек; зонтик для защиты от дождя и солнца', а также замечания о трансформации значения у слов *перо, судно* и др. (в связи со специализацией значения, ролью сознательного намерения и важностью разграничения узуального и окказионального). См. об этом: Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 106—107, а также 100—101, 126—127.

нальные сочетания. Одно из них закрепляет значение 'киноискусство' *(глубокое киноискусство)*, другое — намечает новое видовое употребление слова *экран* в значении 'киножанр — веселый киножанр — веселая кинокомедия' — *веселый экран*. В одном слове встречаются родовое и видовое понятия (киноискусство — киножанр — кинокомедия). Такая полисемия и такая сочетаемость осмысляется в контексте, в определенной ситуации. В этих случаях определяемое вместе с определением может составить единое смысловое звено *(глубокий экран, веселый экран)*, в котором определение не столько подчеркивает, выделяет ту или иную особенность предмета, сколько сообщает новую возможность осмысления определяемого. Словосочетание приближается к единой лексеме, фразиологизируется в той или иной степени.

Слова заимствованные, интернациональные в каждом языке могут иметь свое неповторимое окружение и осмысление[1]. Чужое слово входит в систему заимствующего языка. В новых сочетаниях и новых осмыслениях оно теряет окраску «чужого» и становится своим.

13

Легенды и мифы всех народов мира отражают мечту о самодвижущихся и самоработающих орудиях труда.

Многие ученые древности пытались создать станки, помогающие человеку в его тяжелом труде. Так, Аристотель более двух тысяч лет назад рассуждал о том, что если бы ткацкие станки двигались сами собой, то не потребовалось бы мастеру помощников, а господину рабов. Вечный двигатель — perpetuum mobile — искали, кажется, во все времена и во всех странах. Люди давно задумались и над созданием искусственного человека.

Фантастические творения писателей и поэтов отражают научные интересы и состояние науки. Так Гёте демонстрирует неугасающий интерес к самодвижущимся орудиям («Ученик чародея») и искусственному человеку («Фауст»).

[1] Здесь мы подходим к проблеме «ложных друзей переводчика». См. об этом, в частности: Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика», под общим руководством В. В. Акуленко. Предисловие В. В. Акуленко. Изд-во «Сов. энциклопедия». М., 1969, стр. 5—9; Р. А. Будагов. О новых изданиях словарей типа «ложные друзья переводчика», «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, 1970, № 1, стр. 65—68.

В «Фаусте» Гёте, как свидетельство эпохи, живет *гомункул* — *гомункулус* от *homo* — 'человек' — человеческое существо, которое, как верили средневековые алхимики, можно создать химическим путем.

Фантазия Мэри Уолстонкрафт Шелли, английской писательницы, автора романа «Франкенштейн или современный Прометей», вышедшего в 1818 г., породила и ученого Виктора Франкенштейна и его искусственного человека, злого и угрюмого врага людей. Само имя Франкенштейна стало нарицательным.

Через 100 лет в 1920 г. чешский писатель Карел Чапек создает пьесу «R. U. R.», в которой отражаются взгляды современной ему эпохи на создание искусственных людей — «умных машин».

«R. U. R.» — инициальная английская аббревиатура — Rossum's universal robots — Универсальные *роботы* Россума.

Ученый Россум открыл химическое соединение, которое имело все качества живой материи. Возникает комбинат «Rossum's Universal Robots», поставляющий дешевую рабочую силу. Пьеса Карела Чапека была переведена на многие языки, но само слово *робот* оставалось без перевода. Отныне так стали называть не только фантастического человека-машину, но и машину, способную заменить человека в определенных трудовых процессах.

Принято считать, и не без основания, что слово *робот*, ставшее интернациональным, принадлежит братьям Чапек. Сам Карел Чапек рассказывает такую историю. Однажды он почувствовал, что у него готов сюжет новой пьесы. Он решил поделиться своими планами с братом — художником и писателем Иозефом Чапеком: « — Но я не знаю ... как мне этих искусственных рабочих назвать. Я назвал бы их *лаборжи*, но мне кажется, что это слишком книжно.— Так назови их *роботами*,— пробормотал художник...»[1]

Слово *лаборжи* связано с латинским *labor* —'труд, работа, усилие'. Это с одной стороны. С другой — с английским *labour* (американский вариант *labor*), где сохраняются значения родственного латинского имени 'труд, работа' и развивается новое — 'рабочий класс'. *Лаборжи* имеет чешскую грамматическую форму: конечный *r* перед окончанием множественного числа *-i* чередуется с *ř* [рьжь]. Отсюда

[1] Карел Чапек. Соч. в 5-ти томах, т. 3. М., 1958. стр. 436.

лаборжи от *лабор*. Но грамматическое подчинение чешскому языку не разрывало этимологических связей с *labor* и слово *лаборжи*, конечно, могло восприниматься как нечто книжное и чужое.

Имя *робот (robot)* связано со славянским *robota*. В самом чешском и польском языках — это 'принудительная работа'. Этимологически *robota* восходит к *rabŭ* — 'раб'. Производное *роботник* имело значение 'крепостной', позже — 'чернорабочий'. Форма *roboter* (от *robota*), известная в немецком языке с XIV в., означала 'слуга, обязанный выполнять работу', а глагол *roboten* — 'принуждать работать; заниматься тяжелым, плохо оплачиваемым трудом'[1].

Пьеса Карела Чапека вынесла слово *робот* на международную арену. В дальнейшем его популяризировали многочисленные произведения на тему о *роботах*. На русском языке в 1924 г. была написана пьеса А. Н. Толстого «Бунт машин», а в 1935 г. был создан кинофильм «Гибель сенсации» (по мотивам «R. U. R.»'а). Карел Чапек настаивал на том, что *роботов* надо воспринимать как искусственных людей, а не машины: «Если автор думал при этом о каком-либо чуде человеческого духа, то это была не техника, а наука. Прямо с ужасом он отвергает мысль о том, что машины могли бы заменить людей и что в их шестернях могло бы пробудиться нечто похожее на жизнь, любовь или бунт. Он счел бы эту мрачную перспективу недопустимой переоценкой механики и тяжким оскорблением жизни»[2].

Карел Чапек, разумеется, прав, но слово *робот* все же закрепило значение 'человек-машина', 'человекообразная машина', 'умная машина'. Научная мысль в 20—30-х гг. XX в. нуждалась в наименовании именно этого понятия, а не фантастического искусственного человека. Так, в частности, осмыслено слово *робот* в «Поэме о *роботе*» Семена Кирсанова (1934 г.). Поэму можно разделить на две части: 1) *робот* в капиталистическом мире — слуга и солдат, *роботы* нужны для войны; 2) *робот* в нашей стране — «живая и добрая

наша машина,
стальной
человечий товарищ!»[3]

---

[1] F. Kluge, W. Mitzka. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1967, S. 603.

[2] Карел Чапек. Соч. в 5-ти томах, т. 3. М., 1958, стр. 442.

[3] Семен Кирсанов. Поэма о роботе. В сб. «Искания». М., 1967, стр. 91—123.

Робот помогает человеку выполнять трудную и однообразную работу. Перечисляя различные профессии, С. Кирсанов создает интересные словообразования то по созвучию, то по аналогии с русскими словами: *гардеробот* — гардеробщик; *домороботиха* — робот, выполняющий работу по дому (ср. портниха). Однако в действительности образование видовых наименований для различных аппаратов-роботов пошло иным путем. Это не аналогичные изменения заимствованного слова *робот*, а 1) аналогия-сравнение: *луноход — вездеход*; 2) дифференциация родовых наименований с помощью определений и номенклатурных знаков: *грунтозаборный механизм*, *автоматическая станция*, «*Луна*-16», «*Марс*-2». Слово *робот* в ряду этих новых наименований может приобрести оттенок определенной образности: *лунный робот* — о луноходе, *космические роботы* («Правда», 1972, 26 февр.).

В 50—60-х гг. вместе с развитием *автоматики* (от греческого αὐτόματος — *автоматический-самодвижущийся*) слово *робот* вновь выходит на страницы печати и как бы переживает свое второе рождение:

И создали *робота*...
И в день
Этого изобретенья века
От него легла на землю тень,
Словно тень живого человека.
И, являя миру все, что мог,
Отвлеченно, холодно мигая,
Робот заработал,
Напрягая
Совершенный, электронный мозг...
Робот начал,
Действуя, как *робот*,
Делать все, что делал человек...[1]

Давняя мечта о машине — помощнике человека стала приближаться к действительности: «*Роботы* спускаются на дно. В дальнейшем подводным автоматам можно будет поручать не только обследование сооружений, но и проведение работ под водой» («Вечерняя Москва», 1967, 26 янв.); «*Робот* ... по отзывам специалистов, этот электронный портной обеспечивает наилучшую, экономнейшую кройку» («Известия»,

[1] А. Передреев. Робот, «Новый мир», 1966, № 1, стр. 137.

1965, 4 дек.). В увлечении техникой и автоматикой *роботам* иногда пророчат неограниченное поле деятельности: *роботы*-переводчики, *роботы*-поэты, *роботы*-музыканты, *роботы*-шахматисты: Ср., например, заглавие статьи о будущем шахмат: «*Робот*: держитесь, гроссмейстеры!» («Комсомольская правда», 1969, 1 июня).

Когда спала волна одностороннего увлечения автоматикой[1], в языке уже функционировало слово *робот* в переносном значении — 'человек, подобный машине, лишенный человеческих прав и интересов'. «*Роботы* на поле» («Комсомольская правда», 1967, 9 сент.) — название статьи о трудном положении игроков в западном футболе. Высокую патетику слова *робот* подтачивали переносные употребления в иронических, сатирических контекстах. См. фельетон «Как *робот* папу съел» («Советская культура», 1962, 27 февр.). Критический дух разумных сторонников автоматики отразился и в такой словообразовательной игре: *робот* — 'машина, подобная человеку' — *робник* — 'человек, уподобившийся машине': «... это нелепое стремление студентов во всем походить на *роботов* только смешило и раздражало. Молодые люди, называвшие себя *робниками*, ... интересовались только наукой... Логика и математика. Будем, как *роботы*!» («Комсомольская правда», 1966, 19 янв.).

Новый этап в развитии науки и техники приносит новое слово — *компьютер*. Этот термин (от английского *computer* — 'счетчик-прибор', 'вычислитель') входит в русский язык как синоним к сочетанию *электронная вычислительная машина* — ЭВМ. Английское *компьютер* получает окончание множественного числа, обычное для русских существительных на твердый согласный (*компьютеры*), и обычные падежные окончания (*компьютера*, *компьютеров* и т. п.). Это формальная сторона. Посмотрим теперь, какое место заняло это новое заимствование в ряду *робот* — *ЭВМ* — *электронная вычислительная машина*.

Слово *робот*, как мы знаем, осмысляется как название машины для исполнения трудоемкой, однообразной работы. Когда же наука и техника, достигнув еще более высокой степени развития, создали «интеллектуального» *робота* —

---

[1] См., в частности: M. Taube. Computers and common sense, New York and London, 1961 (русский перевод — М. Таубе. Вычислительные машины и здравый смысл. М., 1964); И. Бар-Хиллел. Будущее машинного перевода, «Филологические науки», 1962, № 1, стр. 203—206; Э. В. Ильенков. Об идолах и идеалах. М., 1968.

электронную вычислительную машину, потребовалось новое имя. *Электронно-вычислительная машина (электронная вычислительная машина)* — наименование-словосочетание было слишком длинно для постоянного употребления, а возникшая аббревиатура *ЭВМ* — специальна, не всегда понятна. В последнее же время наблюдается стремление создавать легко произносимые и грамматически изменяемые аббревиатуры-«лжеслова» или даже омонимы: «...студенты проходят через *«кактус»* — *к*ласс *а*втоматизированного *к*онтроля за *т*екущей *у*спеваемостью студента («Комсомольская правда», 1972, 11 февр.). И хотя значение аббревиатуры остается для непосвященных по-прежнему загадочным, такая аббревиатура-«слово» отвечает всем фонетическим и грамматическим требованиям[1]. Аббревиатура *ЭВМ* в международном общении требует при переводе расшифровки. В этом функциональном смысле наименование для новых автоматов *ЭВМ* уступало слову *робот*. И тогда появляется синоним — английское слово *компьютер*, ставшее интернациональным,— 'интеллектуальный робот', 'думающая машина'. Ср. заголовок статьи о возможном поле деятельности таких машин и трудностях такой работы: «Вздохи у *компьютеров*». А в тексте статьи — синонимичная аббревиатура: «... ведутся успешные опыты по применению учебного телевидения и по обучению при помощи *ЭВМ*» («Комсомольская правда», 1972, 11 февр.).

Итак, требования дифференциации, фонетико-грамматического удобства и интернационализации в специальной лексике обусловили заимствование *компьютер*. Сама же смена терминов *гомункул* — *робот* — *компьютер* как бы отличает разные ступени в развитии науки и техники.

Отметим общую особенность в возникновении переносных значений у слов *гомункул* — *робот* — *компьютер*. Интересно, что все имена искусственных созданий наделялись отрицательным значением. Детище Франкенштейна — «демон зла». *Гомункул* — 'ничтожный, бездушный человек, человечишка'. *Робот* — 'олицетворение грубой силы, бездушный человек'. В неспециальном употреблении у слова *компьютер* уже наметились, но не отрицательные, а шутливые оттенки значения: «Шекспир, *компьютеры* и тотемы» («Литературная газета», 1971, 22 дек.), «*Компьютер* желает счастья... Опасен ли «брат-*компьютер*»?» («Литературная

[1] См. об этом подробнее стр. 213—214.

газета», 1972, 1 янв.). Так образные, переносные осмысления слов-наименований помогают проследить миропонимание, а затем и восприятие человеком достижений науки и техники.

Казалось бы, заимствованные слова — чужие. Но как видим, заимствовавший язык активно их вовлекает в орбиту актуальных потребностей общества, подчиняет своим нормам. Из «чужого» заимствованное слово превращается в «свое». Путь же такого превращения у разных слов складывается по-разному. Слово может остановиться как бы на полпути, ограничиться специальным или книжным языком, стать историзмом *(гомункул)* или, наоборот, «руссифицироваться» в короткий срок *(робот)*. Это зависит уже от социально-исторических условий, в которых протекала адаптация и ассимиляция заимствованного слова.

* * *

Заимствования по своей роли в языке могут быть разделены на три группы: 1) устойчивые заимствования, подчинившиеся системе языка, несущие номинативную, понятийно-дифференцирующую функцию (ср.: *экран*, *вояж*, *турне*, *круиз*); 2) заимствования, уже подчинившиеся системе языка, но стилистически еще ограниченные (преимущественно языком письменным); их функция колеблется между функцией номинативной и функцией «ярлыка»-характеристики *(шансонье*, *барды* и *менестрели)*; 3) заимствования временные, непрочные, еще недостаточно ассимилированные языком (их сопровождает толкование-описание). Тем самым функция номинации и функция «ярлыка»-характеристики переплетаются.

Место заимствованного слова в активном или пассивном словаре заимствующего языка детерминируется функцией самого заимствования. Заимствования первой группы входят в активный словарь, второй — могут «задержаться» на грани активного и пассивного словаря. Третья группа, как правило, относится к пассивному словарю, возможно словарю определенной эпохи[1]. Во всех случаях следует отме-

---

[1] Иноязычные «вкрапления» (например, *ins Grüne* — 'на природу') не являются заимствованиями в истинном значении этого слова, так как они пассивны по отношению к системе чужого языка и почти не испытывают его влияния. Именно поэтому «вкрапления» в собственном смысле нами не рассматриваются.

тить активную роль заимствующего языка (осмысление чужого слова и приспособление его к своей лексико-грамматической системе).

Обычно заимствования идут по пути от слова-«ярлыка», отмечающего новое, еще чужое явление (ср.: *кемпинг* в первый период его функционирования в русском языке), к слову-наименованию, ассимилированному русским языком: *кемпинг* (без пояснений) — *кемпинговый* (производное от *кемпинг*).

В дальнейшем, уже в системе заимствующего языка, усвоенное слово может приобрести функцию характеристики-оценки (сравнения). В этом случае заимствованный неологизм становится мотивированным знаком: он раскрывает свою внутреннюю форму или получает определенное осмысление, не всегда абсолютно совпадающее со значением в языке-источнике (ср.: *путешествие*, *вояж*, *турне*; *робот* — *робник*, *коммерсант*, *этикет*).

* * *

Публицистика широко использует неологизмы и различные заимствования. Это определяется ее спецификой, ее ролью в языковой информации. И хотя многие новые слова могут оказаться недолговечными и даже случайными, их правильное истолкование в определенный период их же бытования всегда существенно. Что же касается фиксации таких слов, то она интересна для понимания взаимоотношений между языками и культурами разных народов. Как мы видели, семантические процессы в тех или иных языках не только различаются, но и имеют много общего (формирование переносных значений, степень первоначальной зависимости слова от контекста, стилистическая многоплановость слова и т. п.).

ГЛАВА III

Аббревиатуры и номенклатурные знаки в современной лексике

1

С детского возраста развивается чувство отдельных значимых частей слова — морфем. К. Г. Паустовский, со слов польского поэта Анатолия Слонимского, сообщает о любопытном наблюдении над детской речью. Маленький польский мальчик, узнав слово *антилопа* (по-польски и по-русски оно одинаково), легко выделил, как казалось ему, знакомую часть слова *анти-* «и задал ... простой, но совершенно современный вопрос...—... я знаю, что такое *анти-*, но я не знаю, что такое *лопа*. Может быть, вы объясните мне?»[1] Умение видеть в слове отдельные элементы воспитывает школа и шире — распространение всеобщей грамотности. Вот, например, рассуждение одного молодого героя из повести Анатолия Гладилина «История одной компании». Юноша оценивает новую для него манеру речи, только что услышанную на свадьбе друга: «Быстро взрослеем. Так что Юрка молодец... Если бы только не эти суффиксы... И как Юрка может говорить: «Маш*енька*, пап*очка*, мил*очка*, дет*очка!*» Застрелиться можно»[2].

Еще более яркое ощущение отдельного компонента в слове найдем в рассказе Ильи Зверева «Суффикс *-еньк*»:

«Добрый? Нет, он милый, теплый... Как она там еще сказала, эта Анечка. Он добр*еньк*ий!

Суффикс *-еньк* — сразу все объяснил! Да, да, да, у Яши есть хорошие качества, прекрасные качества, но они отпущены в каком-то таком количестве, что на настоящего человека не хватает.

Вот именно! Добр*еньк*ий, умн*еньк*ий, хорош*еньк*ий ... Я шел не разбирая дороги и совал этот суффикс *-еньк* — в слова, где ему быть уже никак, уже совершенно невоз-

---

[1] Константин Паустовский. Третье свидание. «Новый мир», 1963, № 6, стр. 96—97.

[2] Анатолий Гладилин. История одной компании. «Юность», 1965, № 9, стр. 20.

можно: правдив*енький*, смел*енький*, принципиальн*енький*, непоколебим*енький* ...»[1]

Герой рассказа не филолог, не лингвист, а инженер. Он мучается, не находя нужного слова, и в конце концов в этих поисках ему помогла молоденькая секретарша. Автор подслушал и записал живой поток речи современного человека, зафиксировал и бессознательный, инстинктивный (секретарша Анечка) и сознательный (инженер) подход к слову.

Обратим внимание на ряд прилагательных: *правдивенький*, *смеленький*, *принципиальненький*, *непоколебименький*, где суффиксу *-еньк* «быть уже никак, уже совершенно невозможно». Следовательно, суффикс имеет свое определенное значение — уменьшительное, ласкательное, не сочетающееся со значением основы. В научной литературе существует мнение, что «правильнее было бы говорить не о значении отдельного суффикса, а о значении, которое создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова, иначе говоря, о значении образца»[2]. Но все же практически ощущается значение частей так же, как и их взаимообусловленность.

Одна структурная модель, по мнению определенной части исследователей, может включать несколько образцов, которые отличаются друг от друга не структурой, а семантикой (*печ-ник*, *ель-ник*, *чай-ник*). Другие считают, что правильнее говорить «не о возникновении каждого отдельного

---

[1] Илья Зверев. Ничего особенного. М., 1963, стр. 79.

Ср. также пример народной этимологии и словотворчества: «Бывает ведь не *лет*чик, а *лед*чик. От слова *лед*. Ему только *лед* на подводе возить» («Правда», 1967, 10 окт.). Интересен и детский «анализ» слова, стремление объединять слова пока по созвучию: «Мама, Ал*жир* — это где растет ин*жир*? А рыбий *жир* тоже оттуда?» («Комсомольская правда», 1967, 20 авг.). Наблюдается стремление к мотивированности слова-наименования и его состава. О попытке раскрыть взаимосвязь слов, выделить общее в ряду созвучных слов рассказал К. Паустовский в «Золотой розе». «...Найдешь слову объяснение и радуешься...», — делится с автором лесник. «Да вот этот самый *родник*. Я это слово давно приметил. Все его обхаживаю. Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода *зарождается*. *Родник родит* реку, а река льется-течет через всю нашу матушку землю, через всю *родину*, кормит *народ*. Вы глядите, как это складно выходит, — *родник*, *родина*, *народ*. И все эти слова как бы *родня* между собой. Как бы *родня!*» (К. Паустовский. Собр. соч., т. 2. М., 1957, стр. 564—565).

[2] См., например: Н. А. Янко-Триницкая. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах. В сб.: «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 85.

слова «по аналогии», а о формировании определенного типа, который уже как таковой поддерживается аналогией с продуктивной словообразовательной моделью»[1].

В словообразовании действуют две тенденции — тенденция регулярности и тенденция иррегулярности[2], разрушающая регулярность.

Еще академик Л. В. Щерба отметил две стороны в словообразовании, поставив перед исследователями два вопроса о том, «как можно делать новые слова» и «как сделаны готовые слова»[3]. Заметим, Л. В. Щерба первый вопрос считал делом собственно словообразования как грамматического аспекта, второй же вопрос определял как «дело словаря, где должна быть дана и делимость слова, если его состав еще ощущается...»[4]. В первом случае предметом изучения становятся структурные модели, регулярность которых не ставится под сомнение. Во втором — регулярность структурных аналогий разрушается конкретным лексическим материалом. Аналогия структурная не всегда поддержана аналогией семантической (ср.: *плот-ник — чай-ник*).

Зыбкость аналогий, построенных только на структурных соответствиях, отмечалась еще в прошлом веке, задолго до того, как был, собственно, сформулирован закон аналогии, установлена регулярность и системность языковых явлений. 130 лет тому назад известный писатель и ученый Владимир Федорович Одоевский задумал и в значительной части осуществил роман будущего — «4338-й год»[5]. В этом интереснейшем произведении есть страницы, посвященные будущим исследователям языка. Молодой ученый в 4338 г. находит истлевший документ, где смысл некоторых слов не ясен. «... Что значит слово *столоначальник?* Оно в первый раз еще встречается в древних рукописях. Большинство

---

[1] Д. Н. Шмелев. Об одном случае активной аналогии в современном русском языке. В сб.: «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 117.

[2] В научной литературе принят термин аномалия, противопоставляемый термину регулярность. Но, может быть, здесь более уместен термин иррегулярность. Отступления и отклонения от образцов (моделей и т. п.) в развитии языка обычны, закономерны. Тенденция иррегулярности, как и регулярности, формирует языковую систему. Ср. ряд слов *бизнесмен — джазмен — джазист.*

[3] Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию, т. 1. Л., 1958, стр. 17.

[4] Там же.

[5] В. Ф. Одоевский. 4338-й год. М., 1926.

голосов того мнения, что звание *столоначальника* было звание важное, подобное званиям *военачальников* и *градоначальников*. Я совершенно с этим согласен,— аналогия очевидная! Предполагают, и не без основания, что *военачальник* в древности заведовал военной частью, *градоначальник* — гражданскою, а *столоначальник*, как высшее лицо, распоряжал действия сих обоих сановников. Слово *почтеннейший*, которого окончание, по мнению грамматиков, означает высшую степень уважения, оказываемого людям, показывает, что это письмо было писано также к важному лицу. Все это так ясно, что, кажется, не подлежит ни малейшему сомнению...»[1].

Возникновение и осмысление неологизмов обусловливается двумя планами аналогий — структурной и семантической. «Не подлежит сомнению роль аналогии в создании новых слов по образцу семантически сходных»,— пишет современный исследователь языка[2]. Ср. разговорное образование *холостеж*, аналогичное *молодежь*: «В этих домах живут семейные, а здесь, в общежитиях — *холостеж*». («Правда», 1967, 6 сент.). Интересно, что слово *холостеж* [хълʌст' ош] в устной речи повторяет только «устную» форму *молодежь* [мълʌд' ош]. Грамматические признаки устанавливаются уже не по аналогии, а детерминируются внешними ассоциациями: обобщенное *холостеж* — от *холостые (холостяки)* — имеет категорию мужского рода и соответственно написание без традиционного для женского рода мягкого знака.

Так внешние ассоциации врываются в законы словообразования, отражаются в новом слове.

---

[1] В. Ф. Одоевский. 4338-й год. М., 1926, стр. 42—43.

Столоначальник — «в дореволюционной России — чиновник, управляющий столом (в 4-м значении)». *Стол* — «устарелое. В дореволюционной России — отдел в учреждении, а также само учреждение, занимающееся каким-либо узким кругом канцелярских дел». Словарь современного русского литературного языка, т. 14. М.— Л., 1963, стлб. 932, 917.

[2] Д. Н. Шмелев. Об одном случае активной аналогии в современном русском языке. В сб. «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 108. О степени самостоятельности словообразовательных элементов см. разные точки зрения, особенно ярко выраженные в статьях: О. Г. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. В кн.: «Избранные работы по русскому языку». М., 1959, стр. 419—442 (первая публикация: «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. V, вып. 4, 1946, стр. 315—332); А. И. Смирницкий. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 5, 1948, стр. 21—26.

Проследим теперь разрушение рядов, возникавших на основе структурной аналогии, но недостаточно связанных семантической общностью.

Своеобразна «жизнь» заимствованного элемента *-ман (-мен)* в русском языке. *-Ман(-мен)* означает 'человек', а его произношение определяется языком-источником заимствования: голландское *-ман*, например в *боцман*, *лоцман*, и английское *-мен* — в *полисмен*, *спортсмен*. В русском языке элемент *-ман(-мен)* означает 'действующее лицо' и обычно не имеет экспрессивной окраски, так как может выступать в словах как положительного, так и отрицательного значения. Ср.: *полисмен*, *нэпман* и *спортсмен*, *лоцман* [1].

Теперь сравним ряд относительно недавних заимствований: *бизнесмен* — *кроссмен* — *джазмен*. Слово *кроссмен* отмечено Словарем современного русского литературного языка [2], *бизнесмен* — Словарем иностранных слов [3], *джазмен* не зарегистрировано словарями.

Английское слово *бизнес (business)* имеет значение 'коммерция; выгодное дело, прибыльное, доходное дело' [4]; подобрать соответствующий ему эквивалент в русском языке трудно, чтобы не стереть этот особый предпринимательский, деляческий оттенок. Слово *бизнес* и его производные вошли в нашу речь через язык газет, публицистику: «Цель ясна — оклеветать, очернить и морально уничтожить в глазах общественности смельчака, поднявшего руку на большой *бизнес*» («Известия», 1966, 28 марта); «Нынче в значительной степени политика слилась с большим *бизнесом*» («Комсомольская правда», 1966, 4 янв.); «Идет спешная дешевая распродажа сувениров, выпущенных специально к кубковым играм... *Бизнесмены*, мало разбирающиеся в спорте, но хорошо знающие законы торговли...» («Известия», 1966, 28 июля).

Заметим, что в 20-е годы в переводах, например, из О' Генри к словам *бизнес* и *бизнесмен* — *бизнесмены* подбирались русские эквиваленты. Ср.: «Strictly business» (сборник

---

[1] См. также ряды слов с элементом *-ман (-мен)*: H. H. Bielfeldt. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Akademie-Verlag, Berlin, 1958, стр. 191, 192.

[2] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 5. М.— Л., 1956, стлб. 1703.

[3] См.: Словарь иностранных слов. М., 1964, стр. 102.

[4] См.: The concise Oxford dictionary of current English, 4 ed., 1956, стр. 159.

рассказов 1909 г.) — русский перевод «Люди дела» (1924)[1], «Деловые люди» (1925)[2], «Дело прежде всего» (1925)[3].

В литературной критике, в статьях об О'Генри встречались новые английские слова без перевода, в английской орфографии, в кавычках — в знак необычности этих слов: «Генри писал для американских «bisnessmen», и их русские «коллеги» нэпманы и обыватели пусть умиляются над его дешевой сентиментальностью...»[4].

Слово *бизнесмен* тогда еще не было ассимилировано и адаптировано русским языком.

В современном языке от слов *бизнес* и *бизнесмен* в нашем обиходе возможны и новые окказиональные образования, например *бизнесония*: «Сумерки *Бизнесонии*». Так назван сборник фантастических повестей-памфлетов[5]. Как видим, слово *бизнес*, как и *бизнесмен*, в русском языке несет определенно отрицательный оттенок значения. Ср. «Кистью *бизнесмена*» — о Сальвадоре Дали («Советская культура», 1964, 26 мая). Сохраняется этот оттенок и в словах производных. Но самое интересное заключено в том, что словообразующие морфемы, входящие в производные слова, как бы окрашиваются значением основы, несут на себе тень «отрицательности». *Бизнесмен* — *бизнес*+*мен*, собственно, значит 'человек бизнеса', в нашем языке воспринимается отрицательно, и это отрицательное восприятие в какой-то мере подчеркивает элемент *-мен*.

Проанализируем теперь *кроссмен* — *джазмен*. «Готовятся *кроссмены* России.— *Кроссмены* Российской Федерации — одни из сильнейших в стране» («Правда», 1966, 26 июля); «100 тысяч *кроссменов*.— Главный приз газеты «Правда» оспаривали 200 сильнейших *кроссменов*...» («Правда», 1966, 14 апр.). *Кроссмен* не вытесняется более старым эквивалентом *участник кросса*. Но более новое *кроссмен*

---

[1] О. Генри. Люди дела. В сб.: «Игрушечка-пастушечка». Пер. В. Александрова, под ред. В. А. Азова. М.— Л., 1924, стр. 123—138.

[2] О. Генри. Деловые люди. Собр. соч., т. 1. Пер. В. А. Азова и А. Н. Горелина. М., 1925, стр. 13—22.

[3] О. Генри. Дело прежде всего. В кн.: О. Генри. Новый Багдад. Пер. Э. Брозерсен. Л., 1925, стр. 59—70.

[4] Рецензия о сб. О. Генри. Игрушечка-пастушечка. М.— Л., 1924. «Книгоноша», 1924, № 37, стр. 11.

[5] А. Винник. Сумерки Бизнесонии. Фантастические повести-памфлеты. Донецк, 1965 («...автор снова вводит нас в мир талантливых ученых, за открытиями которых охотятся как крупные, так и мелкие дельцы... вымышленной и вместе с тем реальной страны Бизнесонии»).

стилистически ограничено профессиональными специально спортивными текстами.

Существительное *джазмен* можно рассматривать как стилистический синоним к ранее заимствованному *джазист*: «Анализируя успехи и неудачи московских *джазменов* на московском прослушивании этого года, музыковед А. Петров в статье «Джаз — это серьезно», опубликованной в «Советской культуре», обратил внимание на то, что профессиональный уровень был достигнут музыкантами самостоятельно...» («Советская культура», 1965, 9 окт.). В практике нашей речи все же более предпочтительным оказывается наименование *джазист*: «В погоне за славой, от которой зависят высокие гонорары, многие *джазисты* погубили свой талант...» («Вечерняя Москва», 1960, 3 дек.); «Мне хочется ответить вам словами знаменитого *джазиста* Эллингтона: джаз — то, что каждый слышит или хочет слышать в этом жанре...» (из беседы с Н. А. Цфасманом, «Советская культура», 1966, 19 февр.); «Девяти десятым всех советских *джазистов* от 23 до 33. Старше практически никого» («Комсомольская правда», 1966, 8 окт.).

Слово *джазист* употребляется, как мы видели, в самых различных контекстах: *джазисты* США и советские *джазисты*. *Джазмен* воспринимается как американизм, т. е. стилистический синоним. Чаще всего *джазмен* употребляется как наименование музыкантов из американских джаз-оркестров: «Надо сказать, что один из участников этого ансамбля — альтсаксофонист — играл технически не хуже американского *джазмена*» (из бесед с Леонидом Утесовым «О песне, о джазе, о вкусах и пристрастиях», «Советская культура», 1967, 2 дек.).

«Американская окраска» у *джазмен* поддерживается другим американизмом — *бизнесмен*, который получил в последние годы широкое распространение в публицистике.

Кроссмен удерживается в семантически близком ряду *спортсмен — яхтсмен — кроссмен*. Общий элемент *-мен* в ранее заимствованных словах *спортсмен — яхтсмен* или не выделялся и воспринимался неразрывно с основой слова, или под влиянием русского произношения и русской орфографии происходило переразложение (диффузия) морфем: *спорт-смен, яхт-смен*[1]. Именно это явление в соединении

[1] О диффузии морфем см.: Н. М. Шанский. О диффузии и замещении морфем. В сб.: «Этимологические исследования по русскому языку», вып. V. М., 1966, стр. 179—180.

с семантической близостью *кроссмен — спортсмен* (*кроссмен — спорт-смен*) отдаляет существительное *кроссмен* от ряда *бизнесмен — джазмен*.

Развившийся аналитический подход к слову, с одной стороны, а также широкое употребление существительного-основы *бизнес*, с другой, обусловили выделение элемента *-мен* и наталкивают на ассоциативную связь *бизнесмен — джазмен*. Тенденция к семантическому различению этих слов в свою очередь ищет дифференцирующие признаки. Рядом со словом *джазмен* язык сохраняет старое *джазист* с суффиксом *-ист*, поддерживающим ассоциации с рядом *артист*, *кларнетист*, *флейтист* и т. п.[1].

Что же разрушило, казалось бы, аналогичный ряд *бизнесмен — кроссмен — джазмен?* Слова *кроссмен — бизнесмен — джазмен* в русском языке оказались структурно различными: *кросс-мен* и *бизнес-мен — джаз-мен*. Врывающаяся в значения слов социальная окраска вносит определенную семантическую пестроту.Отрицательно окрашенное *бизнесмен* не только само выпадает из ряда *спортсмен — яхтсмен — кроссмен*, но и бросает тень на «суффикс» *-мен*, втягивает его в орбиту своего влияния. Теперь элемент *-мен* приобретает новый оттенок значения — 'человек, занимающийся чем-то осуждаемым, отрицательным'. И это новое в значении «суффикса» поддерживается неологизмом *супермен*, сравнительно недавно заимствованным из английского языка. В русском языке это слово имеет только отрицательное значение: «Как стать *суперменом*.— Сверхчеловек с пеленок... Он жаждет завоевать себе лучшее место под солнцем, став *суперменом*... И он вступает в американскую армию... Парень .... тоже хотел стать *суперменом*. Сейчас он думает лишь о том, как бы ему уцелеть. Такова судьба *суперменов*» («Комсомольская правда», 1967, 5 февр.); «В дневнике Госман объяснил, почему он убивал людей. Оказывается, он считал себя «*суперменом*», «арийским орлом», которому все дозволено... Преступник Госман — порождение того мира, в котором господствуют «*супермены*» и проповедуется насилие» («Литературная газета», 1967, 23 авг.).

Интересно, что и элемент *супер-* как бы становится носителем отрицательной оценки, например *суперфильмы* с уча-

---

[1] Ср. аналогичный ряд слов во французском: *jaszeur — jasziste — jaszman*.

стием Джеймса Бонда, агента 007, *супермена* — сверхчеловека. Ср. также: «Было бы до глубины души больно, если бы кто-нибудь попробовал сравнить «Фараона» с *«суперфильмами»*. Наш фильм не что иное, как философское размышление над историческим материалом» («Советская культура», 1967, 2 сент.)[1].

Отдельные словообразовательные элементы хранят не только свое общее значение, но и стилистическую и эмоциональную окраску. Это особенно ярко проявляется в образовании новых слов-характеристик (*левак*, *слабак*, *технарь*).

Один из исследователей окказионального словообразования замечает: «... Мне кажется, что в языке писателя или в языке художественной литературы какого-либо периода могут становиться продуктивными модели, утратившие свою продуктивность в языке»[2]. Автор ссылается на идентичное утверждение академика В. В. Виноградова в связи со словами типа *ярь*, *бездарь*: «В сущности, этот тип словообразования распространяется лишь в поэтической речи и в языке художественной прозы»[3].

Но в разговорной речи существует также потребность эмоционального выражения и, вероятно, путь образования неологизмов тот же, что и в индивидуальном творчестве. Приведем несколько примеров разговорных неологизмов, зафиксированных в художественной литературе и в газетных информациях: «Всюду говорили о Викторе Синицком... ... Вот это *технарь!* Говорят, затмил Тора Хансена, который, как известно, по два часа жонглировал мячом, не давая тому упасть...»[4]; «Балавадзе и его товарищи одержали немало блистательных побед на всесоюзных и мировых чемпионатах, а вступив в борьбу с бракоделами, оказались *слабаками»* («Правда», 1965, 16 апр.); «На руку *левакам* ...—

---

[1] Ср. отсутствие отрицательного оттенка в словах с элементом *супер-*, ассоциативно не связанных с *супермен: суперобложка, суперарбитр*, суперфильтр ('находящийся сверху, главный, высшего качества'...). Словарь современного русского литературного языка, т. 14. М.— Л., 1963, стлб. 1200—1201. Ср. также: «Гастроном *«Суперсам»* (Москва, Серафимовка, 2) — о магазине самообслуживания. «Вечерняя Москва», 1965, 25 дек.

[2] Эр. Ханпира. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании. В сб.: «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 166.

[3] В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 128.

[4] Мих. Пахомов. Игра начинается с центра. «Юность», 1962, № 2, стр. 9.

Если улучшить торговлю строительными материалами, организовать консультации для покупателей, то *левак* с высокой малярной кистью исчезнет сам собой» («Вечерняя Москва», 1964, 19 нояб.).

Выделенные слова *технарь*, *слабак*, *левак*[1] — неологизмы, образованные по аналогии с моделями ныне непродуктивными. Ср.: *грабарь*, *рыбарь*, *волгарь*, *плугарь*, *звонарь*, *ложкарь*, *корчмарь*, *чеботарь*; *рыбак*, *лайдак*, *чудак*, *чумак*, *бурсак*, *простак*. Суффикс *-арь* в современном словообразовании малопродуктивен[2], а *-ак* — непродуктивен[3].

Слова-историзмы, или устарелые, как известно, приобретают стилистическую окраску. Эти оттенки значения переходят и в обобщенное значение словообразовательной модели, к суффиксу, и вновь образованный неологизм приобретает стилистическую ограниченность и эмоциональную окраску (ср. *технарь* — 'очень техничный', *слабак* — 'очень слабый').

В образовании неологизмов по аналогии выделяется несколько элементов:

1) структурная аналогия обусловлена семантической;

2) в ряду аналогичных слов повторяющиеся элементы не только оформляют слова определенного значения, но и сами обладают определенной семантикой, и чем более продуктивна модель, тем закрепленнее значение суффикса (или «ложного суффикса», «ложной морфемы»);

3) препозитивный элемент — определительная морфема не только дифференцирует общее значение модели (*бизнесмен — супермен — джазмен*), но и обычно захватывает в орбиту своего влияния отвлеченный суффикс — постпозитивный элемент, разрушает единство аналогичного ряда (*бизнесмен — джазмен — джазист*); постпозитивный элемент, получивший определенную эмоциональную окраску, в свою очередь в новых комбинациях сообщает тот или иной

---

[1] Слово *левак* в 1938 г. было впервые зафиксировано как политический термин — 'человек, свои антибольшевистские взгляды и действия маскирующий «левой» фразой' (Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. II. М., 1938, стлб. 31). Современное осмысление *левак* совсем иное. Поэтому возможно говорить об образовании неологизма *левак* — 'человек, ищущий заработка незаконными путями', а не о переосмыслении уже существовавшего и превратившегося в историзм политического термина.

[2] Грамматика русского языка, т. 1. М., 1953, стр. 223.

[3] Там же, стр. 213.

оттенок значения препозитивному элементу (ср. *супермен* — *суперфильм*);

4) структурная спаянность (диффузия морфем) разрушает связь слов в аналогичном ряду (*кроссмен* — *бизнесмен*);

5) потребность экспрессивного выражения чаще всего в разговорной речи, но также, как и в индивидуальном творчестве писателей, избирает малопродуктивные модели, оживляет их (*чеботарь* — *технарь*).

2

Одним из примеров тенденции языковой интернационализации может служить образование слов путем создания различных аббревиатур. Аббревиатуры известны многим языкам и не являются типичной чертой только нашего времени. Вспомним хотя бы знаменитые строки из стихотворения Владимира Маяковского «Прозаседавшиеся»: «... товарищ Иван Ваныч? — «На заседании А-бе-ве-же-зе-кома», или *главначпупса* Победоносикова — главного начальника по управлению согласованием, чтобы оценить чрезмерную распространенность различных аббревиатур уже в 20—30-е годы[1].

Аббревиатурные названия обычно многоэлементны и представляют довольно подробную характеристику предмета или явления, например: «Ученые нашего института работают над теоретическими основами общегосударственной *единой автоматической системы связи* (ЕАСС)» («Литературная газета», 1967, 1 февр.).

В случаях сознательного создания названия-термина наблюдается стремление дать логически точное определение: *единая автоматическая система связи*. Возникающая впо-

[1] Владимир Маяковский. Собр. соч., в одном томе. М., 1936, стр. 44 и стр. 422. Об аббревиатурах русского языка существует довольно большая специальная литература. Основные работы перечислены в сборнике «Развитие грамматики и лексики современного русского языка» (1964, стр. 360—361). См. также: Д. И. Алексеев. Аббревиатуры как новый тип слов. В сб.: «Развитие словообразования современного русского языка». М.,1966; Р. И. Могилевский. Аббревиация как лингвистическое явление. Автореферат. Тбилиси, 1966; «Словообразование современного литературного русского языка (Русский язык и советское общество)». Под ред. М. В. Панова. М., 1968 (в дальнейшем цитируется так: «Словообразование...»), стр. 66—99, гл. 3 «Создание новых словообразовательных способов — аббревиация».

следствии аббревиатура — *ЕАСС* — символизирует многоэлементное определение. Расшифровка аббревиатуры известна только определенному кругу специалистов, в широком же употреблении необходимы пояснения.

Многоэлементные наименования в форме аббревиатур могут восприниматься как неделимые слова, обозначающие определенные понятия. Наблюдается даже стремление создать аббревиатуру-слово, например: *АИСТ* — 'автоматическая информационная станция' («Известия», 1968, 31 дек.). Ради этого возможна своеобразная «подделка» аббревиатуры: *СИРЕНА* — 'система резервирования (билетов) на авиалиниях' («Правда», 1967, 12 июля). Дополнение *билетов* опущено (заметим — как это часто бывает в разговорной речи[1]). Такой пропуск позволил создать аббревиатуру-слово, легко читаемую и произносимую[2]. Однако образование подобных аббревиатур-слов часто смешивает различные типы сокращений — инициальные (буквенные), слоговые и т. п., зарождавшиеся, как правило, в письменной речи.

Выход аббревиатур в устную речь, законы произношения, а также согласование и образование производных форм оторвали аббревиатуру от «зашифрованного» многоэлементного словосочетания и приблизили к слову. В результате аббревиатура может потерять внутреннюю форму, превратиться в условный маркировочный знак. Ср.: аббревиатура *МАРС* — 'машина автоматической регистрации и сигнализации' и *Волга* — 'легковая машина'. Обобщенное значение 'специальная машина' приближает аббревиатуру *МАРС* к немотивированному слову. В этом смысле показательно употребление аббревиатур, возникающих в иностранных языках и принимаемых в русском языке без перевода: *ЮНЕСКО* — Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization — *UNESKO*). Ср. также: «Мутный поток «Бем», «Эмэс» и «Юл» призван ... оглушить читателя, посеять страх и неве-

---

[1] См. об этом: Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском языке. М., 1966, стр. 127 и др.

[2] См. также: В. А. Ицкович. Современные аббревиатуры. «Русская речь», 1971, № 2, стр. 74—79. О произношении различных типов аббревиатур см.: Д. И. Алексеев. Произношение сложносокращенных слов и буквенных аббревиатур. В сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 4. М., 1963, стр. 22—37.

рие в свои силы... «*Бем*» — это литература ужасов и чудовищ (Bug and Monster)... Литература сумасшедших ученых «Эмэс» (Mad Scientist) в разных видах воспевает маньяков, совершающих страшное научное открытие... Есть еще один вид фантастического чтива, который тоже получил насмешливое название литературы катастроф, «ЮЛ» (Upheaval Literature). Здесь взрывы сверхновых звезд уничтожают цивилизации...» («Коммунист», 1965, № 15, стр. 68). Аббревиатуры усваивают по законам аналогии то или иное склонение, образуют формы с суффиксами эмоциональной оценки, имена прилагательные, подчиняются орфоэпическим правилам: «На нашем заводе работает около шестисот ребят — вчерашних школьников и *пэтэушников* — выпускников профтехучилищ» («Комсомольская правда», 1967, 11 янв.)[1]; «Он успел ей сказать, что работает в *гореме*. И это не что-нибудь другое, а головной ремонтный поезд»; «Парень поднял Спирина с гравия и увел в сторону *горемовских* бараков»[2].

По настилу к машине бегу.
Моросянка. Бусит, как из сита.
Коченеет мой *газик* в снегу —
А вода, как положено, слита[3]

(«газик» — Горьковский автомобильный завод — ГАЗ+ик, уменьшительный суффикс).

В современной жизни аббревиатур все же есть и некоторые новые явления. Во многих языках появился новый тип терминологических сочетаний, включающий названия фирм, выпускающих данную продукцию. Такие термины-сочетания называют детищем нового времени и объясняют их

---

[1] Проследим чтение букв аббревиатуры: *пэ* (проф.) + *тэ* (тех.) + *уч* (училище) + *ник* (суффикс действующего лица). По еще действующему старому орфоэпическому правилу *ч* перед *н* произносится как *ш* (ср.: коне*чно* [-шн-] или була*чная* [-шн-]), что и закрепилось на письме — *пэтэушник* (ср.: *дотошный* из *доточный* от *точно*). См. о таких явлениях подробнее: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, изд. 4. М., 1968, стр. 153—157; С. П. Обнорский. Сочетание *-чн-* в русском языке. «Труды комиссии по русскому языку, 1931 г.», т. 1. Л., 1931, стр. 93—110.

[2] Владимир Чивилихин. Про Клаву Иванову. В сб.: «Сибирские повести». Роман-газета, 1965, № 8(332), стр. 9, 19.

[3] А. Межиров. Из лирики — «Ладога». «Новый мир», 1966, № 12, стр. 55.

распространение рекламным характером капиталистического производства.

В современном русском языке этот тип терминологических сочетаний также распространен, но обусловлен уже иными причинами: стремлением маркировать, дифференцировать продукцию разных заводов, организаций, популяризировать лучшее предприятие или отметить имя изобретателя, создателя нового аппарата, прибора, вещества.

Так, название нового синтетического волокна и ткани из этого волокна *лавсан* образовано от '***Ла***боратория ***в***ысокомолекулярных ***с***оединений ***А***кадемии ***н***аук' *(ла+в+с+ +а+н)* [1], а название одного из полимерных материалов *илон* дано в честь ныне покойного ***И***вана Платоновича ***Ло***сева, известного ученого в области исследований полимерных материалов. Образовано оно по модели *нейлон*: *и+л+ +он* [2]. Ср. также названия различных типов самолетов: *ТУ* — по имени конструктора А. Н. Туполева, *ИЛ* — С. В. Ильюшина, *АН* — А. И. Антонова и т. п.

Аббревиатуры не имеют в современном языке стилистических ограничений. Вот несколько примеров из художественной литературы: «Когда я летел из Москвы на Камчатку, все, за исключением разве что кассирши в Аэрофлоте, только диву давались.

— В такую даль? Ну и ну... Сколько туда добираться?
— Говорят, пятнадцать часов.
— Самолетом, что ли? На *ТУ*?
— На *ТУ*.
— Так там, значит, и посадочные площадки есть?
— Очевидно, есть, раз летает» [3].

Ну и дрянь — погода!
Прямо твистом
Заходил наш «*ИЛ*»,
скользнув на лед [4].

Аббревиатуры, обычно возникающие как терминологические наименования, лишены эмоционального оттенка зна-

---

[1] Словарь сокращений русского языка. М., 1963, стр. 227.

[2] См. сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 6. М., 1965, стр. 219.

[3] Виктор Некрасов. За двенадцать тысяч километров. «Новый мир», 1965, № 12, стр. 10—11.

[4] Из новых стихов Ирины Снеговой — «Непогода» («Литературная газета», 1966, 22 дек.).

чения, но в современном употреблении они могут использоваться и как своеобразное средство выразительности: «*ЧП* в институте» — название главы в повести Аркадия Адамова «Стая»[1]; «Поздно вечером пятого сентября случилось *ЧП*...» — о жизни акванавтов в подводном доме («Комсомольская правда», 1967, 7 сент.); «*ЧП* на экзамене» («Комсомольская правда», 1968, 9 авг.); «*ЧП* ... без последствий» («Известия», 1969, 15 июля). *ЧП* — 'чрезвычайное происшествие' — общеизвестное сокращение, не требующее пояснений и несущее определенный оттенок значения по сравнению со словосочетанием 'чрезвычайное происшествие с благополучным окончанием'. Этот оттенок значения возник в результате частых употреблений в шутливых и ироничных текстах.

«*УТ* — это значит уважайте тишину!» («Вечерняя Москва», 1968, 1 июня). *ЧиП* — так «Литературная газета» сокращенно обозначает рубрику «Читатель и писатель» (см., например: «Литературная газета», 1968, 21 авг.).

В этом ряду «выразительных», «эмоциональных» аббревиатур стоит и название радио- и тележурнала «*РТ*», выходившего в 1966 и 1967 гг.; и название *КВН* — «Клуб Веселых и Находчивых», организованный Московским телевидением в 1961 г., а впоследствии — во многих городах и учебных заведениях; и *КВМ* — «Клуб Веселых Москвичей», открытый газетой «Вечерняя Москва», и многие, многие другие названия самодеятельных бригад, литературных обществ, кружков.

Сокращение *к. п. д.* — коэффициент полезного действия — термин технический. Область его употребления ограничена, и выход за эти «технические» границы связан с изменением стилистической окраски: «*КПД* выездных спектаклей» («Советская культура», 1965, 14 дек.); «*КПД* таланта» («Советская культура», 1966, 2 июня); «Чему равен *КПД* диссертаций?» («Комсомольская правда», 1966, 23 июня); «*КПД* телеактивности» («Советская культура», 1969, 14 авг.); «Есть ли у спектакля *КПД*?» («Советская культура», 1969, 13 мая). Во всех этих необычных употреблениях аббревиатура *КПД* детерминируется и получает шутливое или ироничное звучание, совершается переход из системы терминологии в систему выразительных средств. Ср. уже явно разговорную аббревиатуру, ограниченную устной тра-

---

[1] Аркадий Адамов. Стая. «Юность», 1966, № 9, стр. 52.

дицией определенного круга людей: «Анатолий Зыков никогда не занимался тем, что ракетчики называют *ИБД* — имитацией бурной деятельности» («Комсомольская правда», 1969, 5 июля).

Специфическим явлением в жизни современных языков, в том числе и русского, надо считать обостренное внимание к части слова, восприятие усеченного слова как целого.

Явления эти типичны и для разговорной речи: «Крохмалев для всех был просто *Крох*. Порой звучало и ироническое «*Кроха*»... Анчаров... гордился недавно полученной докторской степенью и жаждал, чтобы его именовали с упоминанием степени. В результате молодежь присвоила ему кличку «*Док*»... Когда выяснилось, что Чудакова зовут Ярослав Ярославович, он как-то сразу стал для всех... *Яр-Ярыч*, что, впрочем, вполне соответствовало его колючему характеру»[1].

Различные аббревиатуры, усечения характерны и для студенческой речи, вернее, студенческого жаргона, часто ограниченного группой, курсом, факультетом или институтом. Ср. две фиксации студенческих аббревиатур: «Оба знали, что такое *РНД* (Рев Негодующих Динозавров — так у нас назывались бунты против преподавателей)...»; «О, *индус!* — радостно сказал Яша... Индусами называют друг друга все бывшие студенты нашего индустриального института»[2].

Писательница Варвара Карбовская чутко подметила в детской речи развивающуюся тенденцию сокращать слова и создавать из усеченных или коротких слов сложные слова-цепочки, напоминающие аббревиатуры: «Я прибежал домой, а *дед-пап-мам* полыхаются, на лестнице слышно. Ну, значит, в кино не пустят, нечего и проситься. А я все-таки решил попробовать и, знаешь, чего сказал? Я сказал: «Я сейчас видел белого воробья?..» — Ну и как?..— Порядок. *Пап* бросил полыхаться... А *мам* говорит: «Ой, как интересно, Сереженька!..» А дед поглядел на меня прямо, как врач *ухо-горло-нос*, чего-то хмыкнул, вынул из кармана пятьде-

---

[1] Николай Асанов. Богиня Победы. «Огонек», 1966, № 14, стр. 20.

[2] Илья Зверев. Суффикс *-еньк*. В сб.: «Ничего особенного». М., 1963, стр. 69. О языке молодежи см.: Л. И. Скворцов. Об оценках языка молодежи. В сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 5. М., 1964, в частности стр. 53—55.

сят копеек и говорит: «Это тебе на кино, на мороженое и за белого воробья»[1].

Конечно, различные усечения и сокращения, как мы знаем, были известны давно. В определенные годы ими даже злоупотребляли. Сокращения широко проникали в письменную речь и требовалось немалое умение, чтобы «расшифровать» написанное: «Остап Бендер решил, что пребывание в гостинице на виду у всего города выпирает из рамок затеянного дела... Прочтя в черноморской вечерке объявление: «Сд. пр. ком. в. уд. в. н. м. од. ин. хол.» и мигом сообразив, что объявление это означает — «Сдается прекрасная комната со всеми удобствами и видом на море одинокому интеллигентному холостяку», Остап подумал: «... Я холост, одинок и интеллигентен. Комната безусловно остается за мной»[2]. Так пародировали И. Ильф и Е. Петров увлечение различными сокращениями в 20—30-е годы.

Обостренному ощущению семантики составных частей слова способствует детерминация различных аббревиатур и их сознательное усвоение. Хотя аббревиатуры и воспринимаются как единое слово, обозначающее то или иное понятие, параллельно наблюдается стремление к расшифровке сокращений, выделение составных частей (*горем* — 'головной ремонтный').

Сокращения наблюдаются и в специальной и в разговорной речи. В первом случае это логичеки точные определения явлений и вещей (*ЕАСС*, *ТУ*, *илон*, *лавсан*). Выходя за пределы специальной речи, становясь общеязыковыми словами, они могут изменить свою номинативную функцию, получить иную стилистическую окраску (ср.: *КПД таланта*). В этом случае сокращения, возникшие как подражания специальным аббревиатурам, имеют ироническое или шутливое значение (*Док*, *Яр-Ярыч*, *КВН*, *КВМ* и т. п.).

3

Ряды слов, возникающих по одной какой-либо модели, как бы выделяют общую словообразующую часть, формируют ее значение и функцию. Структурная и семантическая

---

[1] Варвара Карбовская. Белый воробей. В сб.: «Скажите, пожалуйста!» М., 1966, стр. 7.

[2] И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М., 1959, стр. 442—443.

регулярность модели может привести к тому, что общий элемент воспринимается как родовое имя. В таких случаях часть слова (суффикс) получает значение и функции слова.

В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», опубликованной в начале века (1908), писал о различных философских течениях (идеализм, солипсизм, позитивизм, эмпириокритицизм, эмпириосимволизм и т. п.), выделив их в группу под одним общим названием — *измы*. Элемент *изм* повторялся во всех наименованиях. «Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, почти полустолетия, они развивали материализм... показывали, как надо проводить тот же материализм в области общественных наук, беспощадно отметая, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. п. Словесный характер подобных попыток, схоластическую игру в новые философские «*измы*», засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений,— вот что преследовали, травили... Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности»[1].

Такой способ создания общих, объединяющих названий живет и в современной публицистике, преимущественно критической: «Какие только сюрпризы не преподносили публике организаторы ультраформалистических выставок в буржуазном мире... Все эти новоиспеченные *измы* объявлялись очередными открытиями в изобразительном искусстве» («Советская культура», 1967, 7 янв.); «Однако всякие «*измы*» недолговечны. Мода быстро проходит» («Огонек», 1963, № 26, стр. 16); «Разве письма егерей, охотников, охотоведов, разве тревожная почта, которая растет в прямой пропорции к объему применения инсектицидов, зооцидов и прочих *цидов*, не взывает к нашей мудрости, осторожности, гибкости, не предостерегает против поспешных решений?» («Комсомольская правда», 1966, 1 дек.).

Создание искусственных терминов, первоначально только созвучных, впоследствии ведет к структурному сходству и образованию «ложных морфем», например словообразующих суффиксов. Уже известны десятки слов, объединен-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 356—357.

ных конечными звуками *-он*: *нейлон — капрон — дедерон — силон — илон — мэрон — акон...*[1].

Слово *нейлон* — искусственное изобретение, но именно ему было отдано предпочтение из всех 350 других слов, предложенных на конкурс в США (1938—1939) для наименования нового вида волокна. Это объясняется тем, что *nylon* легко запоминается: созвучно с названиями уже распространенных волокон и тканей — *rayon* — 'искусственный шелк' и *cotton* — 'хлопок', не имеет в английском языке сходных с ним наименований и не похоже ни на одно из существующих фирменных названий, а также включает группу звуков *-най-*, *-ней-* (*-ny-*) из названия основного химического элемента в искусственных волокнах — *vinyle* (в русском произношении *винил* — $CH_2 = CH—$). Впоследствии были шутливые попытки расшифровать *nylon* как инициальную аббревиатуру[2].

В дальнейшей международной жизни слова *nylon — нейлон* интересно выделение элемента *-он* как словообразовательной морфемы. «Естественные» слова *cotton* — 'хлопок' и *rayon* 'искусственный шелк' поддержали «искусственное» слово *nylon — нейлон*. Но в этих словах элемент *-он* не равнозначен. В *cotton* — это неотделимая часть основы. Слово *cotton* пришло в европейские языки в XII в. из арабского *(qutun)* через Сицилию и Андалусию, где впервые в Европе появился хлопок[3].

Rayon — слово составное, возникает из *rai>rayon*, означает 'радиус, отделимый, район, луч', первоначально 'спица (колеса)'[4], в английском языке приобретает значение 'искусственный шелк'[5]. Для этого слова *-on* — суффикс, но во французском языке этот суффикс не имеет одно-

---

[1] Ср. также: *автобус — троллейбус ∸ аэробус...* (см. стр. 187—192); *велосипед — мопед...* (см. стр. 191); *отель — мотель ∸ ротель...* (см. стр. 184—187).

[2] Georges Redard. Du sigle au néologisme. Etymologica. Walter von Wartburg zum siebzigsten Geburtstag 18. May 1958. Tübingen, 1958, S. 591—593 (ср. веселую расшифровку, приводимую G. Redard'ом со ссылкой на Dictionnaire encyclopédique Quillet en 1949: nylon = «Now, You, lousy old Nipponese!» якобы воскликнул один из химиков-изобретателей).

[3] O. Bloch et W. von Wartburg. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 3 éd., 1960, стр. 159.

[4] A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. Nouveau dictionnaire étymologique. Paris, 1960, стр. 628.

[5] The concise Oxford dictionary of current English, 4 ed, 1956, стр. 1005.

го какого-либо закрепленного значения (ср., например, *эшелон — échelon*).

Nylon — нейлон, для которого звуковой облик двух разных по структуре французских слов послужил живой аналогией, оказался в свою очередь продуктивной моделью в образовании названий для появляющихся новых синтетических волокон и тканей не только в английском языке, но и во многих других языках — французском (*dacron, orlon, perlon, poplon, crepon*), немецком (*дедерон*), русском (*капрон, илон, мэрон*). Часть слова *-он* воспринимается как суффикс, характерный для названий синтетических волокон и тканей. «В настоящее время этот элемент можно считать международной, интернациональной морфемой»[1].

При этом сами слова-названия новых веществ, волокон и тканей — ср.: *нейлон (nyl+on), капрон (капролактам+ +-он)*, немецкое *дедерон (DDR+on)* и французское *крепон (crêpe+on)*[2] — воспринимаются и как ярко выраженные аббревиатуры, и как неразложимые слова.

В современном русском языке сравнительно недавно возникла серия однотипных неологизмов. В ряду *лавсан — камэлан — мэлан — летилан — аман* выделяется общий элемент *-ан*. *Лавсан*, как известно,— аббревиатура (*Лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук СССР*). И это название стало продуктивной моделью в пределах русского языка. Аббревиатурный характер неологизма в языковой практике как бы отодвигается на задний план, внутри слова происходит переразложение. Часть аббревиатуры *-ан* (*Академия наук*) воспринимается как словообразующий суффикс *-ан*, отдельный от основы *лавс-*. Новый «суффикс» формирует ряд *камэлан — мэлан — летилан — аман*. Их образование в какой-то степени аналогично образованию *лавсан*. Например, *летилан — Ленинградский текстильный институт и Латвийская Академия наук СССР*[3]. Окончание *-ан* приобретает значение суффик-

---

[1] Е. И. Галанова. Поролон. В сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 8. М., 1967, стр. 225.

[2] Вероятно, мнение Д. И. Алексеева о неаббревиатурном характере неологизмов нейлон, перлон, тефлон, орлон и др. нельзя считать бесспорным (см.: Д. И. Алексеев. Аббревиатура как новый тип слов. В сб.: «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 24). Ср., например, иную классификацию подобных слов у G. Redard'а в цитированной работе, в частности стр. 25. См. также: «Словообразование...», стр. 226—228.

[3] См. сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 7. М., 1966, стр. 217.

са в наименованиях синтетических веществ, волокон, тканей отечественного производства, созданных коллективами ученых в лабораториях Академии наук: «Химия заявляет о себе и здесь: большим успехом пользуются костюмы и блузы из нового синтетического отечественного волокна *камэлан*, придающего мягкий блеск пряже. *Камэлан* — объемная ацетатная нить, скрученная с капроном» («Вечерняя Москва», 1966, 28 янв.); «Династия *аманов*...— у *амана* русское происхождение: антифрикционный материал Академии наук СССР. А о династии можно говорить не столько потому, что *аманов* уже много (более двадцати марок), сколько из соображений значительности самого факта их появления» («Комсомольская правда», 1966, 30 июля).

Новые названия волокон, тканей, пластмасс могут дать и случайное структурное совпадение: *-ан* — это аббревиатура *(**А**кадемия **н**аук)* и конечный слог усечения из *ундекан (-амид)*. Первый же элемент может быть усечением — *капрон* — *капр*олактам+*-он*, инициалами и усечением — *мэлан* — ***м**ало**э**ластичный **лав**сан*, инициалами — *илон* — ***И**ван* ***Ло**сев* (имя создателя)+*-он*; возможна интерфиксация *-(р)он*, *-(л)он* — м*эрон* — ***м**ало**э**ластичный кап**рон***, *мтелон* — ***М**осковский **те**кстильный институт*+***-лон***. И все же, какими бы ни были по происхождению общие элементы *-он* или *-ан*, эти ложные морфемы объединяют аналогичные ряды новых наименований.

Заимствованное слово *нейлон* пришло в русский язык вместе с новой тканью как ее название. Во втором издании Большой Советской Энциклопедии в статье, посвященной новому веществу — волокну и ткани, приводятся два звучания имени: *нейлон* и *найлон*. Вторая транскрипция передает английское произношение *nylon*, но в русском языке закрепился фонетически менее правильный вариант[1].

Слова типа *нейлон* в русском языке усваивают парадигму 2-го склонения, а в предложении выступают в двух функциях: 1) как имена существительные, обозначающие вещество, волокна, ткани, и 2) как несклоняемые относительные прилагательные; ср.: *чулки из нейлона* и *чулки нейлон*. Эта двоякая функция характеризует и образования на *-ан* — *лавсан*, *камэлан* и т. п. Сравним: «Моль *в нейлоне*» — «Ведь нынче даже бабушки предпочитают *нейлон* да *лав-*

---

[1] См.: Большая Советская Энциклопедия, изд. 2, т. 29, 1954, стр. 371 *(нейлон)*, 63 *(найлон)*.

сан» («Известия», 1966, 23 февр.); «В продаже *чулки дедерон*» (из объявления в магазине «Синтетика» — М., 1966, июль — август); «*Мэрон*, *мэлан* и *акон* — новые синтетические волокна» («Известия», 1966, 16 сент.); «Музыка *на лавсане*» («Комсомольская правда», 1966, 2 марта); «... большим успехом пользуются костюмы и блузы из нового синтетического отечественного *волокна камэлан*. *Камэлан* — объемная ацетатная нить, скрученная с капроном...» («Вечерняя Москва», 1966, 28 янв.); «Добрую славу заслужили платья, костюмы из эластика, *камэлана*, *астролана* и других новых тканей» («Правда», 1971, 7 марта). Имена на *-он* и *-ан* выступают и как существительные: *в нейлоне*; «предпочитать *нейлон* да *лавсан*»; «*мэрон*, *мэлан* и *акон* — новые волокна»; *на лавсане*; «*камэлан* — объемная нить», и как неизменяемые прилагательные — *чулки дедерон*, *волокно камэлан*.

Параллельно с несклоняемыми прилагательными образуются обычные для русского языка формы относительных прилагательных *нейлоновый*: «Моя хозяйка и *нейлоновую шубу* нафталином пересыпала...» («Известия», 1966, 23 февр.). В функции определения слова на *-он*, *-ан* все чаще выступают как имена существительные в соответствующей падежно-предложной или беспредложной форме: «Династия *аманов*»; «Детали *из аманов*» («Комсомольская правда», 1966, 30 июля).

Неизменяемые прилагательные как определения в постпозитивной позиции — явление, известное русскому языку. Ср.: *пальто беж*[1], *нитки мулине*[2] и т. п. Но такие прилагательные захватываются системой русского языка, адаптируются. Возникают согласуемые препозитивные формы прилагательных-определений — *бежевое пальто*, *нейлоновые чулки*[3] и т. п. Ср.: «Лавсановые новинки... Правда, взаимоотношения швейников с лавсановыми материалами не всегда были хорошими — они очень трудны в обработке» («Вечерняя Москва», 1964, 2 янв.).

Модель с заимствованным интернациональным суффиксом *-он (нейлон)* оказалась настолько сильной, что втянула

---

[1] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 1. М.— Л., 1948, стлб. 320.

[2] См.: Там же, т. 6. М.— Л., 1957, стлб. 1360.

[3] См.: Там же, т. 1. М.— Л., 1948, стлб. 320; т. 7. М.— Л., 1958, стлб. 929.

в свой круг неизменяемых прилагательных и возникшие на русской почве аббревиатурные слова с элементом *-ан*: *камэлан — волокно камэлан*. Сходство конечного элемента *-ан* с заимствованным суффиксом *-он* создавало ложное представление о заимствованном характере слов *лавсан, камэлан*, а также грамматическую однотипность слов *нейлон — камэлан*.

Каково бы ни было происхождение элементов *-он*, *-ан*, они выполняют вполне определенные словооформляющие и словообъединяющие функции. Форма новых лжесуффиксов и их общее «вещественное» значение приводят и к интересному явлению интернационализации словосочетаний. В русском языке возникают аналитические группы типа *чулки дедерон* с заимствованным словом *дедерон*. И подобно этому сочетанию объединяются уже возникшие на русской почве элементы — *волокно камэлан*. Форма слова находит отражение в явлении синтаксического порядка. И хотя образуются прилагательные типа *камэлановый*, как и *нейлоновый*, *дедероновый*, в специальном языке закрепляется аналитическая модель и для заимствованного слова и для слова, возникшего в русском языке (дань тенденции интернационализации). Ср. сопроводительную рекомендацию (перевод с немецкого языка): «Способ стирки *дедерон чулок*...» Под влиянием языка-источника возникает аналитическое сочетание с несогласованным определением в препозиции[1].

Имена же на *-он* адаптировались, подчиняясь русской грамматической системе. Следовательно, можно говорить о двух тенденциях — интернационализации *(волокно камэлан, дедерон чулки)* и адаптации *(нейлоновая шуба)*.

Что же касается «морфемного» состава слов, то в рядах *нейлон — дедерон — илон*; *лавсан — аман* происходят осмысления повторяющихся и неповторяющихся частей по аналогии с действующими словообразовательными моделями. Элементы *-он*, *-ан* получают определенное значение предметности: *-он*, *-ан* — 'вещество', но аббревиатурный характер слов не позволяет провести четкую классификацию

---

[1] См. о так называемых комплексных (цепочковых) сочетаниях: В. Н. Ярцева. Пути развития словосочетания. «Ученые записки ЛГУ», № 156, вып. 15, 1952, стр. 30; И. П. Витоните. Сочетания слов в функции препозитивного определения и вопрос об их лексикализации. «Ученые записки ЛГУ», № 253, вып. 45, 1959, стр. 37; А. И. Молотков. Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных? «Вопросы языкознания», 1960, № 6, стр. 68—73.

этих элементов: отнести их к суффиксам или корням-основам[1]. Постпозитивные повторяющиеся части новых слов (*-он*, *-ан*) все же близки по функции к словообразующим суффиксам, а препозитивные неповторяющиеся (*дедер-*, *креп-*, *ил-*, *ам-*, *летил-* и т. п.) — к прилагательным-определениям («определительным морфемам», по терминологии В. В. Виноградова, или «мотивирующим, производящим основам» у авторов «Словообразования современного русского литературного языка»), выделяющие в общем родовом значении ('вещество') частное видовое: *дедер*он, *креп*он, *ам*ан, *летил*ан и т. п.

Явление это известно многим языкам. Сходный же механизм образования неологизмов и их адекватное восприятие облегчают усвоение новых слов разными языками и в значительной степени обеспечивают рост группы интернациональных слов. Перейдем теперь к анализу подобного интернационального ряда неологизмов.

4

Сравним русское слово *гостиница* и заимствованное из французского интернациональное *отель*. Слово *отель* функционирует в русском языке как синоним к *гостинице*. Первоначально *отель* имело значение 'большая комфортабельная гостиница'. В настоящее время этот дифференцирующий признак стерся. О самых лучших московских гостиницах говорят не *отель*, а *гостиница*: *гостиница* «Минск», *гостиница* «Россия». Но вполне возможно в этом значении и употребление синонима *отель*. Например: «Алексея Алексеевича нигде не было: ни в Объединенном институте ядерных исследований, где он работал, ни на конференции физиков-атомщиков, ни в *отеле* «Дубна» (Е. Семенова. Летящие по волнам. «Огонек», 1964, № 40, стр. 31).

Оба слова (*гостиница* и *отель*) восходят к одному и тому же латинскому источнику (*hostis*, *hospes*), но родство

---

[1] О членении слов и роли однотипного ряда слов см.: А. И. Смирницкий. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 5, 1948, стр. 21—26; ср. несколько иную точку зрения в статье: Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. V, вып. 4, 1946, стр. 315—332; «Словообразование...», стр. 216—225, 230, гл. 8 «Изменение членимости слов».

этих однокоренных синонимов в современном русском языке не ощущается. *Гостиница* входит в обширное гнездо слов, объединяемых корнем *гост-* (*гость*, *гостить*, *гощение*, *угощать*, *угощение*, *гостинец*...)[1]. *Отель* стоит особняком, хотя и подчинилось русской грамматической системе (получило категорию рода — сначала женского, потом мужского, парадигму склонения): *отель* — *в отеле*. Интернациональное *отель*, входя в тот или иной язык, имеет узкий круг употреблений и незначительные словообразовательные возможности (в русском языке — *отель* — *отельный*).

Широко известно, что интернациональные слова, в первую очередь термины, очень часто создаются искусственно из морфем (корней и аффиксов), взятых из разных языков[2]. Возникают гибриды, в полном смысле интернациональные, например: *ротапринт* (латинское *rotare* — 'вращать' и английское *print* — 'печатать'); *битник* (английское *a beat* — *to beat* — 'бой барабана, бить' и русский суффикс *-ник*). Часть слова может стать самостоятельной единицей или словообразующей морфемой.

Несколько лет тому назад появилось слово *мотель*. Что оно означает? «*Мотель* — это, оказывается, гостиница, при которой есть гараж для автомобилей-путешественников, все приспособления, нужные для путевого ремонта машины. «*Автиница*» — так перевел бы я на наш язык это новое общеевропейское слово «*мотель*». Так писал Геннадий Фиш в своих путевых заметках «Здравствуй, Дания!»[3]. Калька, перевод по частям — *автиница* (*авт*омашина — гос*тиница*), раскрывает механизм этой словообразовательной модели. Части слов *мо* и *тель* как бы хранят значения целых слов (*мо*тор, *мо*то и о*тель*) и образуют новое слово с новым значением. Но перевода на русский язык — *автиница* — не потребовалось. *Мотель* перешагнул границы, вошел в наш язык и появился на страницах газет и журналов без всяких особых пояснений: «Автомашина мчится к Москве. Позади длинный путь. Люди с нетерпением ожидают отдыха. Показалось ровное полотно кольцевой автострады, а рядом светлое здание. — Вот и *мотель!* — воскликнул шофер. *Мотель* — комплекс зданий: технический корпус, пост за-

---

[1] О словах *гость* — *гостиница* см.: А. С. Львов. Очерки по лексике старославянской письменности. М., 1966, стр. 78—81.

[2] П. В. Юшманов. Грамматика иностранных слов (приложение к Словарю иностранных слов). М., 1937.

[3] Г. Фиш. Здравствуй, Дания! М., 1959, стр. 201.

правки горючим, гостиница для пассажиров...» («Вечерняя Москва», 1962, 31 мая).

Новое слово проникло уже и в художественную литературу: «У *мотеля* вышли новые люди, и среди них невысокий, крепко сбитый парень...» (С. Антонов. Разорванный рубль. «Юность», 1966, № 1, стр. 16).

По аналогии с *отель* новое слово *мотель* принимает ту же категорию рода и ту же парадигму склонения. «Мы ночевали в *мотеле* на берегу озера. Вековые ели то печально, то тревожно шумели над крышей...— Это стонут души убитых индейцев,— сказал молодой парень, хозяин *мотеля*...» (Б. Стрельников. Где все угли уже догорели... «Огонек», 1963, № 41, стр. 22).

В отношении словообразовательной системы русского языка *мотель* оказывается совсем пассивным: нет ни одной производной формы. Но словообразовательная модель *мо*+ +*тель* в интернациональном плане, оказывается, имеет «порождения по своему образу и подобию». В связи с развитием автотуризма появляется новое слово *ротель* — гостиница на колесах. *Ротель (ро+тель)* возникло из латинского *rota* 'колесо' и *отель*. В «гостиницах на колесах», как сообщало в июле 1964 г. Московское телевидение, приезжала в СССР группа австрийских туристов.

Недавно «Комсомольская правда» советовала: «Бери с собой *отель*. Вернее — *ротель*. Так одна из западногерманских фирм назвала необычный автобус для путешествия. В *ротеле* — салон-гостиная и отдельные купе-спальни. На втором этаже столовая, кухня, ванные...» («Комсомольская правда», 1966, 25 июля).

По-видимому, уже можно сказать, что *-тель* — искусственно отсеченная часть слова *отель* — становится морфемой со значением 'помещение' — для людей-путешественников *(отель)*, для машин и автомобилистов-путешественников *(мотель)*, для сооружений-домов на колесах *(ротель)*. Возникает новая семья интернациональных слов, объединенных элементом *-тель*. Элемент *-тель* можно сравнить с *-тека* в ряду *библиотека — фильмотека — фонотека*. Общая часть *-тека* (от греческого θήκη — 'ящик, хранилище') всякий раз получает определение и суживает значение: *библио*тека — 'хранилище книг', *фильмо*тека — 'хранилище фильмов' и т. п.

Аналогичную функцию выполняет и первая часть новых слов *мо*тель — *ро*тель. *Мо-*, *ро-* можно рассматривать как

определения по типу сложных слов: *библио*тека — *фильмо*тека, *авто*парк — *зоо*парк, *дет*сад — *зоо*сад [1].

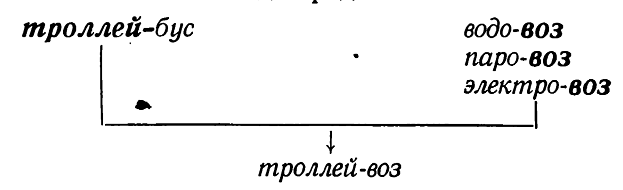
В книге «Словообразование современного русского литературного языка (Русский язык и советское общество)» авторы оценивают элементы, подобные *мо-*, *ро-*, как производящие или мотивирующие основы. Постпозитивный же элемент называется аффиксом [2].

Академик В. В. Виноградов в исследовании «Русский язык» обратил внимание на то, что «многие из суффиксов имен существительных носят на себе резкий отпечаток предметности (ср.: *-фил*, *-ман*, *-вод*, *-носец*, *-ист*; «ягодный» русский суффикс *-ика* и т. п.)» [3]. Вероятно, следует заметить, что возникающие новые слова также слагаются из элементов с вполне определенным значением. Часто они стоят на грани между сложением корневых элементов (сложные слова) и синтезированием различных элементов, в том числе возникающих ложных морфем (основ и аффиксов) [4].

5

Обратим внимание еще на одно интересное явление — формирование неологизмов в русском языке из заимствованных элементов.

Неологизм *троллейвоз* построен по аналогии с заимствованным *троллейбус*: *троллей+бус* — *троллей+воз*. Морфему *воз* нельзя рассматривать как самостоятельное слово — существительное *воз*. Это усечение глагола *возить*: водо*воз* — паро*воз* — электро*воз* и т. п. Следовательно, в образовании *троллейвоз* действовали два ряда аналогий:

[1] Об определительной морфеме см.: В. В. Виноградов. Современный русский язык, ч. II. М., 1938, стр. 45; Н. Шанский. Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху. «Русский язык в национальной школе», 1967, № 3, стр. 6.

[2] «Словообразование...», стр. 221—227.

[3] В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., 1947, стр. 177.

[4] О тенденциях сложения и синтезирования см.: Э. Сепир. Язык. Введение в изучение речи. М.— Л., 1934, стр. 51—52.

В новом слове скрестились две словообразовательные модели — сложное слово (*паровоз*) и синтезированное, первоначально слабочленимое слово (*троллейбус*). *Троллейвоз* входит в ряд *паровоз — электровоз*, подчиняясь системе словообразования, словоизменения и ударения[1]: «Основное преимущество *троллейвоза* перед дизельным автомобилем — отсутствие выхлопных газов...»; «Из Киева в Якутию... отправлены пять опытных образцов 25-тонных самосвалов-*троллейвозов*...»; «Вместе с заведующим лабораторией *троллейвозост*роения института «Укрниипроект»... осматриваем новинки» («Известия», 1966, 24 авг.).

Интересно, что и второй элемент слова *троллейбус* — *бус* в русском языке является продуктивной словообразовательной морфемой. Лев Успенский в своей книге «Слово о словах» подробно рассказывает о судьбе элемента *бус*: латинское *омнис* значит 'весь', *омнибус* — дательный падеж 'всем', 'для всех'. *Омнибус* — это 'экипаж для всех', 'повозка общего пользования'. Затем появляется *автобус*, а в скором времени и *троллейбус*. Отсеченное *бус* в новых словах сохраняет значение 'транспорт для всех': *автобус*=*авто*+*бус* — 'самодвижущийся транспорт для всех'[2], *троллейбус* = *троллей*+*бус* — 'роликовый транспорт для всех'. Латинское *авто* — 'само' и английское *троллей* — 'ролик' дифференцируют, определяют вид различных транспортных средств общего пользования. Сам же элемент *бус* (собственно окончание дательного падежа) настолько закрепляет значение 'транспорт для всех, для всеобщего пользования', что начинает функционировать в английском языке самостоятельно, без определительных морфем, в значении 'автобус' (*бус*=*omnibus* → *bus*)[3].

В русском языке -*бус* появился как составной элемент сложных заимствованных слов *автобус* и *троллейбус*. И хотя *бус* в русском языке не превратилось в самостоятельное слово, его значение и функция ощущается достаточно

---

[1] Возникающие слова представляют не совсем точную аналогию: в одних определительная морфема (или мотивирующая основа) связана интерфиксальным гласным с ложным суффиксом (или основой), в других такой гласный отсутствует. Но элемент -*воз* скрепляет весь ряд слов.

[2] Заметим, что первый московский *автобус* назывался «*автомобиль для общественного пользования* от Марьиной рощи до Останкина». Эта линия была открыта в 1907 г. («Вечерняя Москва», 1969, 12 июня).

[3] Об аббревиатурном характере элемента *бус* см.: М. М. Сегаль. Аббревиатуры в современном английском языке. В сб.: «Вопросы английской филологии». Л., 1962, стр. 280 (*omnibus* → *bus* [bʌs]).

четко. «Мне попалось в одной статье даже слово *аэробус*,— замечает уже в 1954 г. Лев Успенский,— то есть «воздухобус», потому что «аэр» по-латыни — «воздух»; слово это, по мысли автора, должно было обозначать многоместный пассажирский самолет»[1].

Слово *аэробус* вновь появилось на страницах печати в 1967 г.: «*Аэробусом* — до Москвы» («Ленинградская правда», 1967, 11 апр.); «*Аэробус* — это новый метод обслуживания пассажиров без регистрации билетов и оформления багажа»; «Открыто *аэробусное* сообщение между Москвой и Ленинградом» («Вечерняя Москва», 1967, 30 мая; «Московская правда», 1967, 9 июня)[2].

А в январе 1968 г. «Правда» сообщила: «*Аэробусы*» на трассах...— Авиаторы города Николаевска-на-Амуре за минувшие дни января доставили в различные пункты северных районов Хабаровского края более тысячи пассажиров и десятки тонн грузов. Теперь между Николаевском-на-Амуре и ближними населенными пунктами стали курсировать... «*аэробусы*». Упрощен порядок приобретения билетов. На них снижены цены» («Правда», 1968, 16 янв.).

В 1968 г. была опубликована информация: «В ноябре этого года должен решиться вопрос о проекте англо-франко-западно-германского «воздушного автобуса» «А-300». Предполагается, что *аэробус* будет вмещать 300 пассажиров и обслуживать внутриевропейские авиалинии» («За рубежом», 1968, № 38, стр. 29). Но осуществление проекта затянулось, и в 1969 г. появилась статья, озаглавленная «*Аэробус*, тяжелый на подъем» («За рубежом», № 15, стр. 15), а через несколько номеров журнал вновь вернулся к этому вопросу. Решение проблемы экономичного обслуживания указывалось там, «по-видимому, заключается в создании *самолета — омнибуса — аэробуса* (аналогично тому, как автобус используется не только для дешевых перевозок большого количества пассажиров), который обладал бы большими удобствами и который можно было бы легко и с «выгодой использовать на коротких маршрутах» («За рубежом», 1969, № 25, стр. 29).

«Воздушный автобус» — эта расшифровка термина-аббревиатуры *аэробус* приобретает в речевом обиходе особую образность. Ср. сообщение о пассажирских самолетах,

---

[1] Л. Успенский. Слово о словах. М., 1954, стр. 188.

[2] См. об этом также: М. С. Лапина. Из истории *бус*'ов. «Русская речь», 1968, № 5, стр. 110—111.

работающих на линиях местного значения — село—город—областной центр—район: «Сейчас на этих линиях все чаще можно увидеть современный реактивный самолет ЯК-40, метко названный в народе «воздушным автобусом» («Известия», 1971, 30 апр.).

На фоне *автобус — троллейбус* значение элемента *бус* настолько прозрачно, что возникают все новые и новые окказиональные образования. Так, один из читателей журнала «Русская речь» предлагает *гидробус* вместо сочетания *речной трамвай (гидро* + *бус* = водо + бус — 'транспорт для всех')[1]. В рассказе-шутке А. Бахрова «Адам был в пиджаке» на «космических транспортных линиях» работают *космобусы*. У Адама нет денег, чтобы оплатить проезд на такси, и водитель такси говорит ему: «Денег нет, так надо на *космобусе* ездить!» («Комсомольская правда», 1967, 18 июня).

Окказиональные употребления *гидробус, космобус*[2] еще более закрепляют узуальное значение элемента *бус*, выделяют функциональную общность ряда *омнибус — автобус — троллейбус — аэробус — гидробус — космобус*.

В элементе *бус* намечается многозначность. Так, *аэробус* — это, как писали наши газеты, и новое средство транспорта, и новый метод обслуживания пассажиров. Еженедельник «За рубежом» (1967, № 49) рассказал о *дискобусе*: «... по инициативе Бельгийской национальной дискотеки созданы первые в мире разъездные фонотеки. В основном они обслуживают клиентов в небольших городах и в сельской местности. *Дискобус* приходит точно по расписанию и привозит 4 тысячи пластинок». Газета «Советская культура» высказала по этому поводу свои соображения в заметке «*Дискобус* отправляется в путь» (1967, 31 дек.): «От кого, в конечном итоге, зависит организация *дискобусов?* Редакция надеется, что любопытный опыт организации разъездных фонотек Бельгийской национальной дискотеки может быть использован и в нашей стране». В Чехословакии проектируются самолеты — «*минибусы*»: «... говоря о необходимости строить самолеты-гиганты, нельзя забывать о малень-

---

[1] См.: «Русская речь», 1967, № 5, стр. 111.

[2] Ср. также разговорное *топтобус*: «Ты поедешь автобусом, а я — *топтобусом*» —'пешком' (*топ-топ*) и термин-неологизм *космобиль* — космический корабль, предназначенный для специальных групповых полетов американских космонавтов: «Трое в *космобиле*» («Литературная газета», 1968, 23 окт.).

ких самолетах — «*минибусах*», которые в последнее время приобретают особое значение ввиду большой загруженности аэропортов» («Неделя», 1969, 22—28 сент., стр. 7). А в Австралии уже демонстрировался «опытный образец автобуса, который может передвигаться по шоссе и по рельсам»,— *рельсобус* («Огонек», 1969, № 28, стр. 30).

Как видим, элемент *бус* входит в слова, которые могут осмысливаться и как наименования особого вида транспорта (*автобус, троллейбус*) и любого транспорта, используемого для общественных целей (*аэробус, дискобус*), и указывающих габариты (*минибус*), и обозначающих особый метод транспортировок (*аэробус*). Но во всех случаях подчеркивается значение 'общий, для всех, общедоступный'. Так часть слова *бус* сначала представляла одну разновидность транспорта (*омнибус*), а затем различные средства общественного транспорта.

Ряд *велосипед — мотовелосипед — мопед* представляет различные комбинации уже известных в русском языке элементов, закрепивших за собой определенные значения. Ложная морфема *пед* в русском языке функционирует, не раскрывая своей этимологической связи со значением 'нога', но с обозначившимся значением 'ножной вид транспорта'[1]. Это — с одной стороны. С другой — растет ряд слов с общей частью *мото-*, *мо-*: *мото*цикл, *мото*роллер, *мото*велосипед, *мо*пед. Оба ряда как бы перекрещиваются: *мото*велоси*пед*, *мопед*. Источник движения у этих машин комбинированный: нога и мотор. Эта особенность отражается в наименованиях, включающих элементы *мото-*, *мо-* и *-пед*: «Близнецы на *мопедах*...— Иван Иванович приобрел *мопед* «Рига-1», Сергей Иванович — «Яву-50» («Вечерняя Москва», 1966, 15 окт.); «... 50 миллионов рублей население получит в виде ценных выигрышей. В их числе — 8 200 автомобилей «Волга», «Москвич-408» и «Запорожец», 18 400 *мото*циклов различных марок, 8 000 *мото*роллеров, 9 000 *мотопедов* и 12 400 *мото*велоси*педов*» («Правда», 1967, 24 янв.).

А совсем недавно возникло новое слово *ропед*, пока относящееся к специальным терминологическим наименова-

---

[1] Однако ср.: «...ближайший родственник и производное *велосипеда — педиспед*. Такая картинка была опубликована журналом «Нива» в 1870 году» — изображены особые приспособления для ног, нечто вроде роликовых коньков («Неделя», 1971, № 19, стр. 16).

ниям: «*Ропед*». Тренировочный снаряд. Всем, кто хочет высоко прыгать, далеко бегать, быть первым в велосипедных гонках и других спортивных соревнованиях, рекомендуем новое спортивное приспособление — *ропед* (роликовое педало)» («Вечерняя Москва», 1967, 15 июня).

Конденсация значения целого слова в отсеченной части (*ро-*, *мо-*, *-пед*) происходит по аналогии с уже существующими аббревиатурами. И все же внутренняя форма слов *велосипед* — *мопед*, их делимость может ощущаться недостаточно живо. Чтобы выяснить значение неологизма, раскрывается его структура и разъясняется семантика — *ропед* — 'роликовое педало'. Следовательно, сделанная аббревиатура-неологизм не требует расшифровки только в случае абсолютно прозрачной структурной и семантической аналогии (*аэробус*, *гидробус*, *космобус*).

Слова, образованные из заимствованных элементов, нередко в языковой практике причисляются в русском языке к группе интернациональных слов. В международном же языковом общении такие слова увеличивают группу так называемых «ложных друзей переводчика», так как элементы, составляющие слово, известны многим языкам, но значение целого слова, возникшего в одном языке, может бытовать только в этой языковой среде (*дискобус*, *ропед*). Тенденция интернационализации в области словообразующих морфем (возможно, ложных) сталкивается с тенденцией адаптации — русификации в области словообразования.

В наше время нередко наблюдается как бы распад слов на элементы, отдельные морфемы приобретают значительную самостоятельность. Иногда это части слов, ранее не являвшиеся морфемами, с каким-либо семантическим или грамматическим значением. Один из ярких примеров подобного рода представляет ряд *отель* — *мотель* — *ротель*.

В определенных ситуациях образуются новые ряды или классы слов, как бы скрепленные — и семантически и грамматически — повторяющимся элементом (*-он*, *-ан*, *-тель*, *-бус*, *-пед*), в то время как определительная морфема (или мотивирующая основа) вносит смысловую (видовую) дифференциацию (*авто*бус—*гидро*бус—*космо*бус — *рельсо*бус — *топто*бус). При этом нарушение строгой аналогии в языковой практике не замечается: *авто* + *бус* — *гидро* + + *бус* — *космо*-(с) + *бус* — *рельс* + *о* (соединительная гласная) + *бус*, настолько сильно общее значение основного элемента модели. Словообразовательная модель обуслов-

ливает и определенные грамматические возможности неологизма. Интернациональная аббревиатурная модель на *-он* и более поздняя — на *-ан* для наименований синтетических веществ (*нейлон — крепон — дедерон*) как бы отражаются в аналогичной русской модели на *-ан*: определительные сочетания слов, построенных по этим моделям, могут быть в русском языке и флективными (*лавсановая нить*) и аналитическими (*волокно камэлан, дедерон чулки*).

В заключение хотелось бы отметить еще одно интересное явление, типичное для аббревиатурных наименований. В упоминавшейся уже книге «Словообразование современного русского литературного языка» высказано мнение, что создание новых слов по образцу заимствованных терминов «увеличивает морфологическую расчлененность слов и этим благоприятствует росту агглютинативности в русской словообразовательной системе». Одновременно фиксируется внимание и на том, что «сознательный подход к построению слова» может «в некоторых случаях обеспечить невычленимость аффикса». Именно к таким случаям и причисляется новый словообразовательный тип на *-он* и *-ан*. Одним из условий образования новых слов с элементами *-ан* и *-он* называется «и такое: новое слово должно слабо члениться и быть похожим на благозвучное «собственное имя», лишенное внутренней формы». Однако тут же достаточно категорично говорится: «Элемент *-он* (и его морфологический вариант *-лон*) четко выделяется и осознается носителями языка и особенно создателями этих новых моделей»[1].

Постараемся объяснить возможность противоречивых наблюдений и выводов. Распространение грамотности и в связи с этим сознательный подход к слову увеличивают возможность морфологической членимости, ускоряют семантизацию аффиксов, отдельных морфем, возникновение ложных морфем, в том числе и у заимствованных терминов[2].

Слова — различные наименования, созданные по образцу заимствованных терминов, вероятно, первоначально малочленимы. Именно поэтому для пояснения значения новых слов раскрывается их внутренняя форма. Названия тканей, волокон, пластмасс близки номенклатурному знаку, марке, которые обычно условны и внутренняя форма

---

[1] «Словообразование...», стр. 226, 228, 230.

[2] См. об этом стр. 177—203.

которых не всегда ясна, а связь с обозначаемым предметом в значительной степени условна[1].

Вот почему легкочленимые для самих создателей термины на *-он* и *-ан* представляются нечленимыми многим носителям русского языка. Но стоит такому наименованию-знаку раскрыть в речевом обиходе свой механизм образования, и в аналогичных условиях могут возникнуть аналогичные новые слова. И чем больше окказиональных образований, тем яснее становится сама структурная модель и значение элемента, повторяемого в аналогичном ряду (ср. ряд с элементом *-бус*).

Следовательно, характер наименования (профессионализм, специальный термин, номенклатурный знак или название предмета) определяет круг функционирования соответствующих слов: специально-профессиональная речь или разговорно-обиходная. В свою очередь особенности функционирования термина обусловливают его структурную членимость (*троллей-бус — космо-бус — топто-бус*) или срастание аббревиатуры в нечленимое слово, например *лавсан* в речи неспециалистов[2].

6

Образования с препозитивным элементом *теле-* известны русскому языку уже с конца XVIII в. В 1794 г. Словарь Академии Российской отметил *телескоп*: «Оптическое орудие, посредствомъ которого отдаленные предметы усматриваются ясно и гораздо большими, нежели какъ бы они по разстоянію своему казаться должны простымъ глазамъ»[3]. А в 1806 г. в «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского было зафиксировано слово *телеграф* и указано: «Сие

[1] Об особенностях номенклатурного знака см.: Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ. Филологический факультет», т. 5, 1939, стр. 3—54.

[2] См. любопытную информацию об *амане* в популярном журнале: «Секрет *амана*.— *Аман*. Это таинственное слово (разрядка моя.— *А. Б.*) часто употребляется в разговорах машиностроителей. Что же такое *аман*? Твердая смазка, полимерный смазочный материал... Родился в творческом содружестве исследователей Института элементарно-органических соединений АН СССР...» («Огонек», 1970, № 7, стр. 10).

[3] Словарь Академии Российской, ч. VI. СПб., 1794, стлб. 91.

О происхождении слова *телескоп* см.: E. Rosen. The naming of the telescope. New York, 1947.

слово составлено изъ двухъ греческихъ τέλας (телось) *конец, край*, γραϕω (графо) *пишу*; но производя его отъ τέλζ (тиле), τηλοη (талонъ) *далеко, издали* нежели отъ τέλας, оно будетъ лучше выражать вещь и даетъ ей настоящий смыслъ, ибо действительно телеграфъ есть далекоизвеститель или махина далекоизвещающая, помощию которой в кратчайшее время можно доставлять и получать известия изъ отдаленных местъ»[1]. Но широкое распространение элемент *теле-* получил в XX в., особенно в 60-е годы в связи с развитием телевидения[2].

Уже в 1937 г. Словарь иностранных слов впервые регистрирует *телевидение*, *телевизор*, *телеобъектив*, *телефотография* и некоторые другие слова этого ряда. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (1940) продолжает накопление слов с элементом *теле-*: *телевещание*, *телепередача*, *телевизионный*, *телекино*[3].

В Словаре современного русского литературного языка (т. 15, 1963) закрепляется еще группа слов: *телестудия*, *телезритель*, *телелюбитель*[4]. Проиллюстрируем живой поток словообразований с элементом *теле-* несколькими примерами из газет за 1965—1966 гг.

Телеискусство — телеэкран — телефильм: «*Телеискусство* молчит как рыба в голубых аквариумах экранов. Но искусство это уже зачато» («Советская культура», 1965, 2 сент.); «Проблема *телефильма*.— Под рубрикой «*Телефильм*» на домашнем экране появляется множество лент... Кинофильмы на *телеэкране*... Нет спору, кинофильм пока теряет на *телеэкране* часть своих достоинств» («Советская культура», 1965, 18 нояб.); «Мне кажется, что стремление канонизировать только один какой-то жанр *телефильма* является неплодотворным» («Советская культура», 1966, 10 сент.).

Число словообразований с элементом *теле-* растет с каждым днем, с каждой газетной или журнальной публикацией о телевидении.

---

[1] Н. М. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, ч. III. СПб., 1806, стлб. 813.

[2] Ср. наблюдения над развитием образований с элементом *теле-* в румынском языке: Luisa Seche. Tele... «Limba romînă», 1965, № 3, стр. 407—412.

[3] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 4. М., 1940, стлб. 668—671.

[4] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 15. М.— Л., 1963, стлб. 210—211.

Телерепортаж — телепублицистика — телерассказ — телероман — телебеседа — телепьеса — телесценарий: «Все мы несколько раз смотрели *телерепортаж* со спутников...» («Советская культура», 1965, 27 мая); «...путь *телепублицистики*» («Советская культура», 1968, 12 сент.); «Вот эту непринужденность, основанную на глубоком знании предмета, на профессиональном искусстве слова, на умении вообразить себе живую аудиторию,— несите в телевизионную студию. Вас ждут. Пишите *телерассказы. Телероманы. Телебеседы. Телепьесы.* Все это будут своеобразные *телесценарии — телесценарии* превосходные, если они окажутся новыми, изобретательными, талантливыми. Но с непременным условием: литературная основа передачи по телевидению должна быть телевизионна по природе своей» (Ираклий Андроников. Относится к нам! «Литературная газета», 1966, 5 марта).

Обратим внимание на значение *теле-* в *телерассказ, телебеседа, телесценарий* и т. п., а также на комментарий, данный Ираклием Андрониковым об особой специфике — телевизионности этих произведений. Если сравнить значение элемента *теле-* в словах *телескоп, телеграф, телефон, телевизор*, с одной стороны, и *телезритель, телеискусство, телефильм, телесценарий* — с другой, то бросаются в глаза различные значения *теле-* в этих двух рядах.

В ряду *телескоп, телеграф, телефон, телевизор теле-* означает 'вдаль, далеко', т. е. 'действующий на дальнее расстояние, осуществляемый на расстоянии'[1]. Во втором ряду, для которого исходными, отправными словами явились *телевизор* и *телевидение*, элемент *теле-* переосмысляется. *Теле-* поглощает значение целого слова 'телевизионный'[2], ср.: *теле*фильм, *теле*сценарий, *теле*репортаж. Этимологическое значение *теле-* отодвигается на задний план, происходит конденсация значения целого *(телевизионный)* в части слова *(теле-)*.

Чем легче возникают различные окказиональные употребления *теле-*, тем все шире и шире закрепляется полисемия этого элемента. Окказиональное (контекстное) употребление укрепляет его узуальное значение. Возможности же создания все новых и новых «телесочетаний» в современном

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 15. М.— Л., 1963, стлб. 202; Словарь иностранных слов. М., 1964, стр. 632.
[2] См. там же.

языке неисчерпаемы: «*Телесарказмы*» («Советская культура», 1966, 15 окт.); «*Теледоллары*» («Литературная газета», 1966, 26 марта); «*Телепутешествия*» («Литературная газета», 1965, 21 сент.); «В *телекафе* вход должен быть открыт всем...» («Советская культура», 1965, 27 нояб.).

Значение целого, выраженное в части слова, настолько закреплено и легко угадывается, что возникают и такие окказиональные образования, как *телендарь* — *теле*визионный + кале*ндарь*[1]: «А пока забыто даже многое из того, что было в активе экрана: «*Телендарь*», репортажи из «веселого цеха», редки выпуски театра миниатюр» («Советская культура», 1966, 4 авг.).

Возникающие новые «телесочетания» различны по своим функциям. Это могут быть специальные, терминологические наименования: *телебашня* — «Строители уникальной Останкинской *телебашни* в Москве достигли отметки, где будет ресторан (326 метров)» («Известия», 1966, 2 июня); «Вокруг *телебашни* раскинется зеленый пояс насаждений» («Вечерняя Москва», 1966, 3 авг.); *телецентр* — «Зеленый пояс *телецентра*... На территории, прилегающей к *телецентру*, намечается реконструкция существующих улиц ...» («Вечерняя Москва», 1966, 3 авг.); *телетрест* — «В каком ателье я могу переделать телевизор КВН?..— В телевизионном ателье № 4 *телетреста*...» («Вечерняя Москва», 1966, 12 авг.).

Наряду со специальными «телесочетаниями» образуются окказиональные наименования в плане выразительности. Потребности газетного языка в эмоционально насыщенных образах-характеристиках порождают разнообразнейшие метафоры для выражения специальных понятий — *телесвязь*, *телеобъектив*, *телеэкран* и т. п.: «Космический *телемост* Москва — Париж.— Сегодня впервые была проведена успешная экспериментальная передача цветного телевидения из Москвы в Париж с помощью советского искусственного спутника Земли «Молния-1» («Правда», 1965, 30 нояб.); «*Телеглаз* в морской пучине.— Аппаратура подводного телевидения «Краб-1»... предназначена для наблюдения за состоянием подводных частей различных гидротехнических сооружений...» («Правда», 1966, 15 марта); «Как начинались великие книги... — Зоркое *телеоко* проникло и, «взяв нас

---

[1] Ср. *теле + ндарь* с рядом *отель — мо + тель — ро + тель* См. об этом подробнее стр. 184—187.

за руки», провело за собой миллионы людей в сокровищницу отечественной истории и литературы» («Литературная газета», 1966, 15 февр.); «Руды ищет *телеглаз*» -- телевизионная установка («Известия», 1968, 14 мая).

Разнообразие словообразовательных рядов с препозитивным элементом *теле-* как бы расшатывает внутренние связи, сцепления в сформировавшихся и формирующихся сложных словах. Образуются новые сцепления по аналогии с «телесловами». Сравним: *радио/вещание — теле/вещание*; *теле/видение — космо/видение*; *радио/передача — теле/передача — мысле/передача*: «Советское *космовидение*...— Говорит Москва. Показывает советское *космовидение*...» («Правда», 1962, 15 авг.); «Отечественная техника *космовидения* позволила передать движения и голоса космонавтов почти без искажений...» («Известия», 1964, 25 дек.); «*Мыслепередача* Москва — Новосибирск...—Весной этого года секцией биоинформации Научно-технического общества им. А. С. Попова была осуществлена передача мысленного внушения на расстоянии Москва — Новосибирск. Сеансы заняли четыре дня... Опыты же с образами тех или иных предметов... позволяют лучше изучить широту явления, точность *мыслепередачи*...» («Комсомольская правда», 1966, 7 июня).

Подвижность и неограниченность рядов с препозитивным элементом *теле-*, их соответствие словообразованиям с элементами *кино-*, *радио-* (*кинофильм*, *киносценарий*; *радиоспектакль* и т. п.) приводят к интересному явлению в движении слов, наиболее часто входящих в эти ряды.

Рассмотрим судьбу глагола *вещать* и отглагольного существительного *вещание*.

Словарь современного русского литературного языка дает следующее толкование этим словам: *вещать* — «1. *Устар*. (Употр. в торжественной речи и некоторых традиционных оборотах, частью связанных с суеверными понятиями). Предсказывать, прорицать. *На гладях бесконечных вод, Закатом в пурпур облеченных, Она вещает и поет*... Блок. Гамаюн; 2. *Устар*. и *в поэтической речи*. Торжественно говорить, вдохновенно произносить. *Все готово; весь убран цветами жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други, Должно творить возлиянья, вещать благовещие речи*. Пушкин. Подр. древним...»[1]; *вещание* —

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 2. М.— Л., 1951, стлб. 260.

«1. *Нов.* Сообщение по радио, радиовещание. *Вещание по проводам как средство массовой радиофикации... Телевизионное вещание...* 2. Предсказание, прорицание. *Что Кассандре дар вещания...* Жуковский. Кассандра... 3. Предсказание. То, что предсказано»[1].

В отглагольном существительном *вещание* новое значение 'радиовещание' давно оттеснило на задний план старые значения. Но глагол *вещать* не обновился под влиянием производного существительного *вещание* и продолжал оставаться старым, стилистически окрашенным синонимом *говорить, произносить.*

В середине XX в. возникает новое сочетание *теле+вещание = телевещание*; «...соответствует ли документальное *телевещание* только лишь тем разделам газет, в которых мы привыкли видеть хронику и информацию...» («Советская культура», 1966, 13 янв.).

С годами все чаще стало встречаться на страницах газет существительное *вещание* без элемента *теле-*: «...телевидению без собственного справочного бюро (рекламы) обходиться становится все труднее. Архитектурный облик эфира. Наверное, его можно считать современным только тогда, когда за каждой программой-серией закреплена постоянная функция, когда каждый участник *вещания* имеет свою стабильную аудиторию...» («Советская культура», 1965, 5 окт.); «Впоследствии В. Славкин даже подсчитал, что все веселое в телепрограмме составляет лишь 7 процентов *вещания*» («Советская культура», 1965, 6 нояб.); «Оренбургское телевидение скоро перейдет на двухпрограммное *вещание* — местное и московское» («Правда», 1966, 3 янв.).

Одна из полемических статей о направлениях в телевидении была названа «*Видение* или *вещание*?..». Автор рассуждает так: «В своей статье И. Андроников не очень навязчиво, но последовательно и упорно выдвигает на первый план разговорные выступления литераторов... Не случайно в статье термин *телевидение* почти повсюду заменен термином *телевещание*... Но ведь и эти передачи становятся во сто крат сильнее, убедительнее, ярче, когда комментарий к событиям подкрепляется «изобразительным рядом»... На экране смотрят, а потом уже слушают. Поэтому и называется *телевидение*» («Советская культура», 1966, 9 авг.).

---

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 2. М.—Л., 1951, стлб. 260.

Итак, чтобы подчеркнуть различие, автор статьи в заглавии отбросил общие элементы у слов *телевидение* и *телевещание*, сосредоточив внимание на различном: *видение* — *вещание*[1].

Сложные слова типа *радиовещание*, *телевещание*, *телевидение* способны расщепляться на соответствующие морфологические элементы, причем второй элемент как бы поглощает значение первого: *вещание-радиовещание*, а впоследствии *вещание-телевещание*.

Функционирование существительного *вещание* без определительных элементов *радио-*, *теле-*, но в значении 'радиовещание', 'телевещание' в конце концов все же приводит к оживлению глагола *вещать*: «...проводя ряд передач, мы почувствовали, что *вещаем* вхолостую, не можем по-настоящему заинтересовать и привлечь зрителей» («Советская культура», 1966, 3 марта).

Снижение высокого стиля до степени шутливо-ироничного употребления — это обычное явление в семантическом движении подобных слов. В глаголе *вещать* в современный период важно другое — употребление его в речи нейтральной: «...телецентр будет *вещать* и показывать не только для Москвы, но и для всей страны» (вечерняя радиопередача, 1966, 8 дек.).

Как видим, возникновение новых сочетаний с элементом *теле-* связано: 1) с конденсацией значения целого (*телевизионный*) в части слова — элементе *теле-*; 2) с аналитическим подходом к словам (живое ощущение отдельных значимых частей и словообразовательной модели обусловливают все новые и новые ряды окказиональных образований: *телемост*, *телеглаз*, *телеоко*); 3) с тем, что второй элемент сложной модели обретает прежнюю самостоятельность, но уже обогащенный значением препозиционного элемента (*телевещание* ——→ *вещание* 'телевещание'); 4) с тем, что новое значение имени вызывает семантические сдвиги в однокоренных словах (*вещание* ——→ *вещать*).

Довольно часто в наших газетах телевидение обозначается буквами *ТВ* или *Ти-Ви*. Последнее обозначение чаще

---

[1] Это различие сохраняется и в новом образовании «*Интервидение*», где *видение*, собственно, означает *телевидение*. Ср.: «Показывает ли «*Интервидение*» передачи, которые не были запланированы заранее? Довольно часто» («РТ», 1966, № 1, стр. 15); «Заметки с *интервизионного* фестиваля «Человек и море» («Советская культура», 1968, 24 дек.).

всего связано с английским и американским телевидением. *Ти-Ви* — сокращение не столько терминологическое, сколько разговорное. По-английски *телевидение* — *television* сокращенно обозначается *TV*, произносится [ti-vi]. Одно из «Писем из США» Ариадны Жуковой называлось «*Ти-Ви*». *Ти-Ви* это не только телевидение, но и телевизор: «...*Ти-Ви* — так сокращенно американцы называют телевизор. И *Ти-Ви* мне многое выболтал. Иногда *Ти-Ви* показывал мне прелестные программы про зверей, про крошечных слонят, про умную и красивую собаку Ласси... Чаще всего в добром и милом *Ти-Ви* что-то портилось и он превращался в маньяка...» («Советская культура», 1968, 21 мая). Сообщение о телепередаче пьесы М. Горького во Франции называлось «*На дне» по парижскому ТВ*» («Советская культура», 1968, 12 сент.).

Возникшая в русском языке аббревиатура *ТВ* не является прямым заимствованием. Скорее можно говорить в этом случае о структурной кальке и случайном звуковом совпадении: *t*ele*v*ision = *т*еле*в*изия = *т*еле*в*идение > *ТВ*[1]. Так же как и в английском языке, это не специально-профессиональное сокращение, но в русском языке оно, в отличие от английского, не стало и бытовым наименованием. Аббревиатура *ТВ* пока типична только для газетного языка. Краткая форма *ТВ* в газетном языке кажется более удобной, броской, выразительной: «Отсутствие широкого теоретического осмысления *ТВ* не делает чести людям, посвятившим свою жизнь теории искусства... Я убежден: в традициях художественного *ТВ* должен прочно укорениться жизненный материал с глубокими нравственными социальными, психологическими конфликтами, вспыхивающими у нас на глазах» («Советская культура», 1967, 25 февр.); «*ТВ*: отдых от работы или отдых от мыслей» («Советская культура», 1967, 1 июля); *ТВ* — так называется рубрика в «Литературной газете», посвященная вопросам телевидения (см., например, газеты — 1968, 11 сент.; 1969, 29 янв.).

---

[1] О переплетении русского *видеть* — *-видение* и латинского *visio* — 'способность видеть, зрение' (от глагола *video*, *vidi*, *visum*, *videre* — 'видеть') см.: В. В. Лопатин. Знакомые незнакомцы (*телевидение*, *телевизионный*, *видеосвязь*). «Русская речь», 1971, № 1, стр. 122—124. Ср.: русские слова *телевизия* (первоначально), *телевизионный*, *телевизор*, *видеосвязь*, но *телевидение* и *televisé*, *televisor* (франц.) и *television* (англ.).

Показательно название статьи о чеховской «Душечке», поставленной на телевидении: «*Чехов, «Душечка» и ТВ*» и далее: «Телевидение пока не часто создает значительные художественные ценности. Но телефильм «Душечка» — как раз образец телевизионного искусства» («Советская культура», 1966, 19 нояб.). Как видим, аббревиатура *ТВ* стоит в одном синонимическом ряду: *ТВ — телевидение — телевизионное искусство*. Здесь сокращение *ТВ* подчинено требованиям газеты: краткость и броскость заголовка.

Интересно, что одна аббревиатура может повлечь за собой и другую, образованную окказионально, ср.: *Т* и *ТВ* — «Театр и телевидение». Так была названа статья в «Литературной газете» (1967, 1 мая).

В некоторых случаях сохраняется разделение американских и советских работников телевидения в самих названиях этой новой профессии: *тивимены* — это американцы (см.: «Известия», 1968, 5 авг.); «Леонид Алексейчук был *телевизионником...*» («Советская культура», 1967, 21 дек.).

Как видим, степень ассимиляции лексемы русским языком отражается в его производных: *тивимен (ти-ви) — телевизионник (телевизионный)*. Заимствованный элемент *-мен* в *тивимен* усиливает «чужестранность» слова, а суффикс *-(н)ик* подчеркивает русскую форму производного *телевизионник* от уже ассимилированного *телевизор — телевизионный*.

* * *

Растущая грамотность позволяет все более и более четко ощущать состав слова, сознательно подходить к словообразованию (*джазмен — джазист, техник — технарь, лавсан — камэлан, автобус — аэробус*) и окказиональному «строительству» слов (*холостеж, телеоко, телендарь*). Осмысляется значение частей слова — морфем. Ср., например, роль суффиксов *-еньк-*, *-изм* или префикса *анти-*. По аналогии с морфемами в словах выделяются общие части — ложные морфемы (*-он* в *нейлон*, *-ан* в *лавсан*). Развивается способность по части слова угадывать целое. Так создается почва для развития различных типов аббревиатур, усечений. Этот путь образования новых слов характерен для многих современных языков.

Жизнь аббревиатур демонстрирует различного рода борющиеся в языке тенденции. Создание аббревиатур объяс-

няется стремлением дифференцировать то или иное явление, дать ему логически точное и исчерпывающее наименование (*Единая автоматическая система связи*). Затем происходит сокращение многочленного названия ради экономии речи, но при этом как бы подразумевается обязательная расшифровка аббревиатуры (*ЕАСС — Единая автоматическая система связи*)[1]. Это — с одной стороны. С другой — наблюдается забвение внутренней формы, аббревиатура воспринимается как единое целое слово, подвергается влиянию грамматической и фонетической систем (ср.: *лавсан*, *газик*, *пэтэушник*, *горемовский*). Возможна интернационализация аналогичных грамматических моделей под влиянием заимствований (ср.: *нейлоновая шуба — волокно камэлан*).

Аббревиатуры, буквенные и небуквенные, приучают воспринимать отдельные части слова как полнозначные слова (ср.: *измы*, *циды*). При этом наблюдается и произвольное членение слов, не по правилам словообразования (ср.: *о-тель*, *мо-тель*), и закрепление определенных значений за усеченными частями старых слов (ср.: *о-тель*, *мо-тель*, *ро-тель*). Чем больше окказиональных употреблений, возникающих под действием аналогии (*телеэкран — телеоко*), тем быстрее происходит процесс закрепления узуального значения в части слова (*теле-* — 'телевизионный'), тем продуктивнее сама словообразовательная модель (*телеповесть*, *телерассказ*), тем активнее может быть ее роль в системных отношениях (ср. значение элемента *теле-* в функционировании и в новом осмыслении слов *вещание*, *вещать*).

7

В языке издавна наблюдаются две, казалось бы, взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, это стремление обобщить сходное, дать явлениям и вещам родовые названия. С другой стороны, потребность дифференцировать, найти в каждом отдельном случае видовое название. Эти тенденции на каждом этапе развития языка приобретают свои особенности.

Обратимся к конкретным примерам: «Еще позавчера договорился о *машине* для поездки. Мне ее дали как гостю;

---

[1] См. об этом: Р. А. Будагов. Определяет ли экономия развитие и функционирование языка? «Вопросы языкознания», 1972, № 1, стр. 15—36.

вечером у меня уже сидел Арип Аюпов, молодой шофер с приятной сдержанной улыбкой. А вчера на заре подкатила к калитке *серая «Волга» с черным номером «ТНА-48-80»*. В багажник погрузили чемодан. На заднее сиденье я поставил термос и, чтобы не валился набок, зажал его между *портативной пишущей машинкой «Колибри»* и свертком с продуктами»[1]; «Едва в оконце завиднелся рассвет, Муххамадапул встал и вышел. Арип тут же поднялся и отправился осматривать *машину* после вчерашних встрясок. Я тотчас же оделся и вынес на улицу *свою «Колибри»*... Я сел за дневник»[2];

«...Тоннель еще не закончен. Проехать нельзя.

Тогда я решил: Арип возвращается в Ташкент — оттуда опять вместе с ним поедем в Самарканд, Бухару... А я возьму с собой термос, *«Колибри»* да пару старых киргизских блокнотов. На попутном самосвале покачу в долину Кетмень-Тюбе...

И вот утром мы с Арипом покинули Наманган. Доехали до начала Великого Киргизского тракта. Тут, недалеко от Уч-Кургана, остановили *машину*...

Поедешь направо — голову потеряешь (от красоты!). Налево — кроме головы, потеряешь *машину* (это вместо *коня*!).

Мы с Арипом не поехали ни направо... ни налево... Не поехали, потому что не сезон — дорога завалена снегами и впрямь погубишь *машину*»[3].

Проследим употребление слов и словосочетаний *машина — серая «Волга»* и *портативная пишущая машинка «Колибри» — своя «Колибри» — «Колибри»*.

Противоречие между названными двумя тенденциями — обобщением и дифференциацией — оказывается только кажущимся, так как употребление наименований обобщающих и дифференцирующих определяется ситуацией. «Еще вчера договорился о *машине* для поездки»,— сообщает автор. В этом случае обобщающее родовое наименование *машина* употреблено с предельной ситуативной точностью. Автору — журналисту важно получить *машину* для поездок, речь о марке машины не идет. Но вот «на заре подкатила *серая «Волга»* — теперь уже у ворот стоит не просто *машина*, а

[1] Виктор Виткович. Дороги. Встречи. Рассказы. «Новый мир», 1966, № 10, стр. 20.
[2] Там же, стр. 30.
[3] Там же, стр. 55.

определенная, конкретная *серая «Волга» с черным номером «ТНА-48-80».*

Эта определенность окажется несущественной, когда потребуется «осматривать *машину* после вчерашних встрясок» или описывать раздумья на распутье: поедешь направо — голову потеряешь (от красоты!), налево — *машину* (вместо *коня*!). Обобщающее слово *машина* (вообще, любая, всякая) корреспондирует *коню* (вообще, любому, всякому).

Рассмотрим соотношения, складывающиеся в ряду: *портативная пишущая машинка «Колибри» — «Колибри».* В первом случае происходит знакомство с новой вещью. Нужно точное и полное наименование: какая машинка? какой марки? Поэтому дано и родовое наименование — *портативная пишущая машинка* и видовая маркировка — *«Колибри».* Вещь эта сопровождает журналиста повсюду, он не расстается со *своей «Колибри».* Нет нужды в подробном, полном наименовании для вещи, ставшей индивидуальной принадлежностью автора, вполне определенной, конкретной. Она портативна, ее легко взять с собой повсюду. Название марки *«Колибри»*[1] подчеркивает именно эти особенности машинки. Вот почему в этом случае уместно краткое имя-марка — *своя «Колибри»* или просто *«Колибри».*

Писатель Сергей Антонов в повести «Беккеровский рояль» так передает порыв преклонения перед дорогой вещью, доставшейся по наследству молодой, едва начавшей жизнь девушке:

«— Это мамин рояль. А музыкантом, Леша, имеет смысл быть только гениальным. А из меня гения не выйдет. У меня плохой слух.

— Зачем же тебе рояль?

— Вот глупый. Посмотри, какой инструмент. Это же *Беккер. Настоящий салонный Беккер.* Иди, иди — посмотри.

Она подняла крышку, на обратной стороне блеснули латинские буквы»[2].

Беккеровский рояль — это точное наименование, вынесенное в заглавие повести, в устах Риты заменено — *настоящий салонный Беккер.* Номенклатурный знак, выделявший

---

[1] *Колибри* — «очень маленькая птичка, отличающаяся яркостью и красотой оперения...» (Словарь современного русского литературного языка, т. 5. М.— Л., 1956, стлб. 1158).

[2] Сергей Антонов. Беккеровский рояль. «Огонек», 1954, № 47, стр. 12.

рояли *«Беккер»*, переходит в название предмета, приобретает особую выразительность («блеснули латинские буквы»).

Приведем еще один пример: «Что ж, выходит, лучше было бы поставить певца к *«Стейнвею»* и заставить петь? А Херля, между прочим, исполнял неаполитанские песни то на палубе плывущего парохода, то на каком-то мосточке...» («Советская культура», 1966, 15 окт.).

Поставить к *«стейнвею»*, т. е. к роялю марки *«Стейнвей»*,— такое сокращение создает атмосферу профессиональности *(рояль «Стейнвей»)* и некоторой разговорности *(«стейнвей»)*. Номенклатурный знак становится наименованием предмета.

В современном русском языке наблюдается значительная популяризация номенклатурного знака и переход его из маркировочного ряда в ряд названий предмета: «... название совмещает в себе диалектически конкретное обозначение предмета с его общим понятием»[1], в то время как номенклатурный знак — это условный символ, вносящий видовую дифференциацию в ряд вещей, объединенных общим родовым наименованием, например: *легковые машины* (родовое название) — *«Победа»*, *«Волга»*, *«Москвич»* (видовые дифференцирующие наименования-марки или номенклатурные знаки). «Почему данный предмет назван так, а не иначе, для номенклатурных обозначений более или менее безразлично»[2].

Сначала в языке функционирует логически точная модель — *легковая машина*. Но существительное *машина*, хотя и сопровождаемое определением *легковая*, не передает еще дифференцирующих признаков, маркировки данной вещи или, вернее, данного типа вещей. Вводится уточняющее название марки — *«Победа»*, *«Волга»*, *«Москвич»* и т. д. Так возникает пространное, логически обоснованное название — *легковая машина марки «Москвич»*. В этом сочетании относительно произволен только выбор названия марки.

В разговорной речи, допускающей различные эллипсисы, возникает стяжение модели *легковая машина марки «Москвич»*; *легковая машина «Москвич»* → *машина «Москвич»* → *«Москвич»*. И чем популярнее марка машины, тем быстрее происходит подобное стяжение. В остающемся наз-

---

[1] Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ. Филологический факультет», т. 5, 1939, стр. 8.

[2] Там же.

вании марки конденсируется значение всего ряда 'легковая машина определенной марки'. Ср.: «Когда он лихо вывернул из-за автобуса, Алла вскрикнула. «*Победы*» и *старые* «*Москвичи*» тащились за ними. Он обошел их с левой стороны...

— *Белый «Москвич»*. Этот... — Он засигналил и начал прижимать «Москвича» к обочине»[1]; «А *председателев «Москвич»* возмущенно прыгал на ухабах, выруливая к нам»[2]. И еще один пример: «В путь можно отправиться на любом виде моторного транспорта: *мопеде* и «*Волге*», «*Яве*» и «*Запорожце*», «*Иже*» и «*Москвиче*»...» («Комсомольская правда», 1966, 5 мая).

Сокращения, типичные для разговорной речи, проникают, как мы видели, не только в публицистику, но и в художественную литературу, как в прозаические, так и в поэтические произведения. Приведем в качестве примера несколько строк из стихотворения А. Межирова:

Моя рука давно отвыкла
От круто выгнутых рулей
Стрекочущего мотоцикла
(«*Иж*», «*Ява*», «*Индиан*», «*Харлей*»)...

(«Литературная газета», 1964, 14 марта.)

Название марок «*Москвич*», «*Победа*», «*Ява*», «*Запорожец*» становятся в один ряд с существительными *грузовик*, *мопед*, склоняются, согласуются, получают формы множественного числа, как обычные существительные: *старые* «*Москвичи*», «*Победы*», *белый* «*Москвич*», «*Москвича*»...

В какой-то степени произвольные названия «*Москвич*» или «*Победа*», «*Волга*», «*Запорожец*» теперь совмещают в себе конкретное обозначение предмета с его общим понятием. Номенклатурный знак, марка превращается в название предмета. Это не собственное имя, цель которого — выделить единичное. «*Москвич*», «*Победа*» и т. п.— это имена — обозначения однородных предметов, определенного типа, вида. Некоторая номенклатурность названия все же сохраняется. Оно существует как особый омоним нарицательного и собственного существительного, удерживаясь на

[1] Анатолий Гладилин. История одной компании. «Юность», 1955, № 9, стр. 21.

[2] Сергей Антонов. Разорванный рубль. «Юность», 1966, № 1, стр. 32.

грани между именем собственным и нарицательным. На письме подобные названия предметов выделяют обычно кавычки и прописная заглавная буква. «Вопрос о запасных частях меня как собственницу *«Волги»* и вечных из-за нее страданий, разумеется, тотчас остановил...» («Известия», 1967, 21 янв.); «... система гарантийности и продления жизни своих машин во всех частях света, принятая предприятием *ФИАТ* ...на любой заправочной колонке, на любой заправочной станции хозяин *машины* может отремонтировать свой *«ФИАТ»*[1] (т а м ж е); «Сам изобретатель *запорожец*, как говорится, с деда-прадеда... В 1961 году завод изготовил 8288 *«Запорожцев»*, а рекламаций поступило 16,4 процента, то есть почти каждый 8-й *автомобиль* уходил с заводского конвейера с грубыми дефектами... 64-й год — 3,3 процента рекламаций, 65-й — 2,4 процента (на 40 тысяч *машин*)...» («Комсомольская правда», 1967, 11 янв.). Ср. также название очерков Мариэтты Шагинян «По Франции на *«Волге»* («Известия», 1965, 23 дек., 25 дек., 29 дек.; 1966, 6 янв., 8 янв., 10 янв.). Сочетание слов *Франция* и *«Волга»* создает парадоксальность в заголовке. *«Волга»* — название марки машины (на которой путешествует автор очерков) — одновременно ассоциируется с географическим названием реки, протекающей вне пределов Франции.

Кавычки, заключающие названия машин, как бы подчеркивают номенклатурный оттенок значения, но в то же время слова эти выполняют обычную номинативную функцию, чередуясь в контексте с родовыми обозначениями: *машина — «ФИАТ»*, *«Запорожец» — автомобиль — машина*. Влияние развивающейся нарицательности сказывается и в колеблющемся написании «слов-марок» то с большой, то с маленькой буквы: «... нашлись, однако, и люди, слышавшие в ту злополучную ночь, как *«мормон»* Локка Макгиббона мчался по сент-хелемской дороге» («Огонек», 1967, № 46, стр. 19); «Глаза у Робби сияли, как фары *«Бьюика»* («Комсомольская правда», 1967, 2 июля). Во множественном числе — обычно написание с маленькой буквы: «Я подходил к тенистым полянам Гринфилдвиллидж, где люди, вылезая из *«фордов»*, *«шевроле»*, *«понтиаков»*, *«кадиллаков»*, *«линкольнов»*, *«рамблеров»*, *«бьюиков»* и т. д. и т. п., шли в музей Форда» («Известия», 1966, 14 нояб.).

---

[1] ФИАТ — «ФИАТ» — «Fiat» — Fabbrica Italiana Automobili di Turino.

Наша речь часто из многоэлементного определения предмета может выделить и закрепить в постоянном употреблении неповторяющийся элемент, в то время как другие повторяющиеся в аналогичных моделях теряют различительную функцию и как бы входят в значение остающегося звена:

легковая машина „Москвич“ — *„Москвич“* = ‘легковая машина, автомобиль „Москвич“’
автомобиль

легковая машина „Запорожец“ — *„Запорожец“* = ‘легковая машина, автомобиль „Запорожец“’
автомобиль

Такое стяжение сложных лексических единиц, их усечение и включение значения целого в остающееся звено происходит тем активнее, чем более частотно их употребление[1].

Подобный процесс наблюдается и в формировании названий различных кино- и фотоаппаратов, радиоприемников, телевизоров и т. п.: «Через полгода обучения ее послали в цех на монтаж только что разработанных конструкторами приемников «*УНТ-46*» — «*Огонек*» и «*УНТ-49*» — «*Электроника*»... Создатели «*Огонька*» собрались на свой улыбчивый остроумный «огонек» отдыха...» («Огонек», 1965, № 25, стр. 16); «Сибирский «*Иней*».— Сегодня закончена разработка чертежей новой модели домашнего холодильника. Он получил название «*Иней*». Холодильник отличается от своего собрата «*Кузбасс*»... «*Иней*» вдвое легче «*Кузбасса*» («Правда», 1967, 2 февр.).

Номенклатурный знак становится названием предмета только тогда, когда условный символический знак-марка, например «*Волга*», приобретает значение ‘легковая машина’. В этом случае можно говорить о возникновении ряда омонимов: *Волга* ‘река’ — «*Волга*» ‘легковая машина’. Омонимия благодаря закрепленности и общеизвестности обоих значений — старого (*Волга* — ‘река’) и нового («*Волга*»— ‘легковая машина’) не затрудняет языкового общения. Если же марка, например, в сочетании *холодильник марки* «*Кузбасс*» не равнозначна значению всего сочетания и это новое употребление имени «*Кузбасс*» не стало общеизвестным, то фраза *У меня есть* «*Кузбасс*» вне пояснительного текста оказывается лишенной смысла. Новое значение, развива-

[1] См. о значении частотности употребления лексических единиц в подобных процессах: А. Мартине. Основы общей лингвистики. В кн.: «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 544—545.

ющееся в словах-марках, как бы складывается «по договору» между говорящими. В этом смысле такие слова-названия заключают в себе известный элемент условности.

В словах-марках наблюдается еще одно интересное явление. В современном русском литературном языке началось частичное вытеснение аббревиатурных, этимологически многочленных названий названиями неаббревиатурными. См., например, наблюдения Д. И. Алексеева: *телевизор «Рубин»* (ср.: *КВН*), *вычислительная машина «Урал-2»* (ср.: *БЭСМ*)[1].

Как же объяснить это языковое явление? С возникновением большого количества однотипных машин, приборов аббревиатурные названия за пределами узкоспециальной сферы как средство маркировки вызывают затруднения. Как различительные марки они требуют расшифровки, без которой теряют свою именно различительную, маркировочную функцию. Поэтому рядом с аббревиатурами, технически обоснованными (*ЛАЗ* — *Л*ьвовский *А*втозавод), появились названия, легко запоминающиеся: «*ЛАЗ-697*, известный под названием «*Турист*»; «девятиместный микроавтобус *РАФ-977Д «Латвия»*, получивший широкое применение в качестве маршрутного такси...» («Наука и жизнь», 1967, № 5, стр. 45, 50).

Названия-марки, лишенные «буквенной загадочности», как мы видели, легче усваиваются и становятся названиями самого предмета («*Победа*», «*Волга*», «*Турист*» и т. п.).

Переход номенклатурных знаков в наименования — явление, давно известное языку. К. Э. Циолковский, описывая в 1911 г. реактивный прибор, предназначенный для исследования космических пространств, выделил его с помощью номенклатурного знака: Реактивный прибор «*Ракета*» К. Э. Циолковского. Впоследствии ряд *реактивный прибор «Ракета»* конденсировался в слове *ракета*, которое уже давно не воспринимается как номенклатурный знак. Не порывая со своим «земным» значением, *ракета* «выходит» в космос сначала как номенклатурный знак для реактивных космических приборов[2], а потом и как наименование определенного вида таких приборов.

---

[1] Д. И. Алексеев. Аббревиатуры как новый тип слов. В сб.: «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 36.

[2] О слове *ракета* см. подробнее стр. 11—14.

Совсем недавно, на наших глазах сложилась история слова *хельга*. Это номенклатурный знак для гарнитура мебели и комбинированного шкафа: «*Хельга*» — набор мебели, гарнитур «жилая комната (столовая) из трех предметов (комбинированный шкаф, шкаф для платья и секретер)»; «*Хельга II*» — шкаф комбинированный с тремя отделениями[1]. Выпускает эту мебель одна из мебельных фабрик в ГДР. Женское немецкое имя *Хельга* (*Helga*) было выбрано для новой мебели как различительный знак-марка. В русском языке это имя стало нарицательным, приобретя значение 'шкаф определенной формы и назначения'. Слово *хельга* в новом осмыслении распространилось в бытовой устной речи.

Ср. также *ютта* — 'комбинированный шкаф с тремя отделениями особой формы' из *шкаф комбинированный* «*Ютта II*»[2].

Номенклатурные знаки, казалось бы, произвольны. Но, создавая название-марку, надо руководствоваться требованиями целесообразности и уместности. Не так давно «Литературная газета» подняла вопрос о культуре номенклатурных знаков. Почему стиральная машина названа *Аэлита* — именем героини из одноименного романа Алексея Толстого? Почему бы не назвать ее *Анна Каренина?* — иронизирует оппонент. Если руководствоваться только смутным желанием опоэтизировать изобретение или домашний труд, быт, то на прилавках наших магазинов может появиться, к примеру, мясорубка «*Сольвейг*», пылесос «*Нора*», кофеварка «*Отелло*», полотер «*Базаров*», самовар «*Электра*», утюг «*Кармен*», грелка «*Руслан и Людмила*»... (см.: «Литературная газета», 1967, 11 окт.). А «Неделя» обратила внимание на возможную и невозможную сочетаемость названий и номенклатурных знаков: «Завод торгового оборудования выпускает павильоны типа «*Мечта*». Тысячи таких павильонов уже установлены в Ленинграде и пригородах... Все «*Мечты*» пронумерованы. «*Мечта*» № 1, «*Мечта*» № 17, «*Мечта*» № 147 *бис...*» Или: «Чем плохое имя *Ладога?* Назвали озеро — ничего. Стиральный порошок — сошло. А также: пароход, паровоз, ресторан, бритву, холодильник, купальник, фирменное блюдо (ста-

---

[1] Прейскурант № Н-113. Розничные цены на импортную мебель. Государственный Комитет цен при Госплане СССР. М., 1967, стр. 45, 54.
[2] Там же, стр. 46.

рое название — котлеты), кинотеатр, кафе, детский сад, телевизор, жилкооператив...» («Неделя», 1969, 13—19 окт., стр. 24).

В свое время вопрос маркировки глубоко волновал Владимира Маяковского. Вспомним его стихотворение «Ужасающая фамильярность»:

«Крем *Коллонтай*.
Молодит и холит».
«Гребенка *Мейерхольд*».
«Мочала
а-ля *Качалов*»...
После этого
гуди во все моторы,
наизобретай идей мешок,
все равно —
про Мейерхольда будут спрашивать:
— Который?
Это тот, который гребешок?» ...[1].

* * *

I. Именно потому, что номенклатурный знак-марка может вызывать определенные ассоциации в культурно-историческом плане (имена великих людей, литературных героев), с одной стороны, а с другой — знаки-марки сравнительно легко переходят в нашу речь как названия предметов, вопрос маркировки тесно связан с вопросами культуры речи. Непременным условием для создания номенклатурных знаков-марок должна стать целесообразность и уместность названия, соотнесенность его с назначением предмета.

II. Номенклатурные знаки и аббревиатуры хранят как бы двойную информацию: 1) краткую («уменьшительная форма» имени-наименования) — «*Волга*», *ЕАСС*, *АИСТ*; 2) полную, расшифрованную — ‘легковая машина «Волга»’, ‘Единая автоматическая система связи’, ‘Автоматическая информационная станция’. «Живая» внутренняя форма, относительная мотивированность и «словесность» знака определяют его языковую активность (ср.: *ЛАЗ-697* и «*Турист*», *РАФ-977Д* и «*Латвия*»).

---

[1] В. Маяковский. Ужасающая фамильярность. Собр. соч., в одном томе. М., 1936, стр. 99.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Пути лексических изменений многообразны. В разные эпохи те или иные из них могут оказаться преобладающими. Проанализированный материал позволяет сделать некоторые обобщения. Начнем с известных положений, а затем постараемся их уточнить.

Новые реалии и новые явления требуют наименований. Так возникают обусловленные внешними (неязыковыми) причинами новые слова. Но было бы неверно понимать неологизмы только как слова абсолютно новые и только такие слова отмечать и анализировать. Картина лексического развития была бы при таком подходе очень неполной и обедненной. Новая лексика формируется и путем переосмысления старых слов, и путем новых словосочетаний, и путем новых комбинаций старых морфем и частей старых слов. Хотя само по себе это положение, казалось бы, и известно, однако применительно к изучению лексики нашей эпохи оно еще недостаточно разработано. И, что не менее существенно, новый лексический материал каждой эпохи требует особого изучения.

Расширение и видоизменение полисемии — это один из распространеннейших путей образования новых значений в уже существующем слове. Важно отметить, что новые употребления слова как бы подготавливают новые значения. Так, астрономическое осмысление слова *спутник* привело к новому употреблению и затем к значению 'искусственный спутник'.

Формирование нового значения идет или через широкий контекст или через словосочетание, чаще — определение + + определяемое, в котором выделяется новое употребление, новая функция слова (*мягкая посадка, космический корабль*).

К формированию новых значений путем контекстных осмыслений, в том числе осмыслений с помощью определений, следует прибавить и детерминацию специальных слов

(*орбита, перигей, апогей*). Наблюдая жизнь термина, можно проследить развитие его значения, показать прихотливость лексических сдвигов и в то же время обнаружить способность слова непосредственно отражать сдвиги социальные (*перигей* — 'определенная ступень развития', не 'спад').

В переносных употреблениях сло́ва, и это чрезвычайно примечательно, могут ожить первоначальные этимологические значения, почти забытые в предшествующее время (*орбита* — 'путь, колея': *сойти с орбиты привычного, выйти на орбиту*). Следовательно, семантические движения идут далеко не всегда по линии удаления от первоначального значения. Этимологическое значение потенциально хранится в слове, то пробуждаясь, то отодвигаясь на задний план. Поэтому забытая этимология может ожить в новых переносных значениях слова. Но, конечно, раскрывая семантику слова, необходимо помнить и о социальных факторах, наслаивающихся на этимологическое значение (*битник* — как музыкальный и социальный термин).

Заимствованная лексика — один из источников пополнения словаря. Изучение заимствованных слов — это не только определение количественной стороны вопроса, но и — что особенно существенно — функциональной.

Причины заимствования того или иного слова различны. Они-то и обусловливают удельный вес самого заимствования, обусловливают функцию, стилевую неограниченность или, наоборот, стилистически ограничивают его. Заимствованные слова часто выполняют не только функцию номинации, но и функцию «ярлыка»-характеристики. Эти две функции определяют роль слова в речи и тем самым определяют его отношение к активному или пассивному словарю. Такие слова, как *хеппенинг*, служат «ярлыком», выделяющим новое явление. Между словами в функции номинации и в функции «ярлыка» нет строгого разграничения сфер «деятельности». Чем более усваивается понятие, тем более приближается слово-«ярлык» к слову-имени. Так, *кемпинг* и *круиз* первое время только выделяли как слова-«ярлыки» новые явления, но с распространением туризма приобретают функцию номинации и более не нуждаются в описательных эквивалентах.

В активный словарь входят слова, имеющие функцию номинации. При этом слово вживается в чужой язык настолько, что теряет свой иностранный «привкус», активно ассимилируется языком заимствующим, подчиняется его

фонетической и грамматической системам, ср.: *круиз — круизный, кемпинг — кемпинга — кемпинговый*. В большинстве случаев слова-заимствования проходят путь от слова-«ярлыка» к слову-имени. Ассимилируясь в дальнейшем, заимствованное слово может получить осмысления, продиктованные данной языковой системой и условиями бытования в данном обществе (ср.: *битник, хиппи, стриптиз, мотель*).

В языковой практике очень часты аналогичные образования неологизмов. По закону аналогии образуются, например, очень многие «космические» слова (*космодром* — ср.: *ипподром, велодром, танкодром*; *космонавт* — ср.: *аргонавт, аэронавт*). Именно в таких словообразовательных рядах с необычайной четкостью проявляются системные отношения. Нарушение аналогии, как правило, вызывается неязыковыми причинами. В таких отклонениях заключается одна из особенностей лексической системы — открытой, непосредственно отражающей социальные, культурно-исторические сдвиги.

В образовании новых слов обнаруживаются и специфически национальные особенности словообразования, и общеязыковые — интернациональные.

Одним из примеров тенденции языковой интернационализации может служить образование слов путем создания различных аббревиатур. Каждая аббревиатура расшифровывается только на родном языке, но способ составления слов путем аббревиации стал уже международным. Слова составляются не только из начальных букв или морфем. Такой способ словообразования был достаточно распространен с начала нашего века. В современных языках слова складываются нередко из ранее ничего не значивших кусков слова, произвольно рассеченного, вопреки морфемному составу, ср.: *о-тель — мо-тель — ро-тель*. Так развиваются ложные основы и аффиксы. Например, ряды слов *нейлон — капрон — дедерон, лавсан — камэлан — аман* объединены общими созвучиями *-он* и *-ан*. Иногда при расшифровке аббревиатурных слов, составленных из греко-латинских, «интернациональных» морфем, возникает проблема «ложных друзей переводчика»: известно значение отдельных интернациональных морфем, но не целого слова, возникшего в определенной национальной языковой среде (*мопед*). В создании аббревиатур нужно отметить стремление к аббревиатуре-слову (*АИСТ*).

Внутри языковой системы каждое новое явление представляет определенное звено. В лексике нет просто автоматического накопления слов. Она связана и с фонетической, и с грамматической системами. Эту связь чрезвычайно наглядно демонстрируют слова заимствованные, адаптирующиеся в русском языке. Но и слова, возникающие из русских элементов на русской почве, не являются чисто лексическим явлением. Слово неизменно обнаруживает связь и с морфологией, и с синтаксисом. Например, существительное *спутник*, переходя в разряд наименований неодушевленных, теряет категорию одушевленности (*я вижу спутник*). Те или иные грамматические связи могут быть, как мы видели, определяющими в формировании нового значения. Так возникают новые «групповые» значения в словосочетаниях (*мягкая посадка*). Словосочетание определение + определяемое может быть промежуточным звеном в формировании нового значения (*спутник* ⟶ *искусственный спутник* ⟶ *спутник* в значении 'искусственный спутник'). Значение и форма слова могут определить его синтаксическую позицию. Например, новые образования на *-он*, *-ан* со значением вещества часто формируют аналитические определительные сочетания: *волокно лавсан* (аналогично заимствованному *нейлон — ткань нейлон*).

Не исключена возможность, что не все новые слова, их значения и употребления, отмеченные в книге, закрепятся в словаре. Но их всестороннее осмысление весьма существенно и для изучения нашего языка, и для истории нашей культуры.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ, ПРОАНАЛИЗИРОВАННЫХ В КНИГЕ[1]

I

[1] Аббревиатуры, номенклатурные знаки (см. гл. III), собственные имена (см. гл. I, III), проанализированные в книге, а также слова, привлекавшиеся для грамматических и семантических аналогий, в указатель, как правило, не включались. Те страницы, на которых излагается история слова, выделены курсивом,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Алла Алексеевна Брагина

НЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Редактор *Г. В. Карпюк*
Художественный редактор *Е. Н. Карасик*
Технический редактор *М. И. Сафронович*
Корректор *Г. Л. Нестерова*

Сдано в набор 30/X 1972 г. Подписано к печати 19/IV 1973 г. 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Печ. л. 7,0. Усл. л. 11,76. Уч.-изд. л. 12,48. Тираж 40 000 экз. А07049.

Издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Отпечатано с матриц ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова в областной типографии управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.

Заказ № 4888. Цена без переплета 35 коп., переплет 10 коп.

45 коп.

А·А·БРАГИНА

НЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ